

Валерий Ерёмин

***О РЫБАЛКЕ И ОХОТЕ
НА СУРСКИХ ПРОСТОРАХ***

Ульяновск, 2020

УДК 821.161.1``1992/...``

ББК 84(2Рос=Рус)6

Е 70

Ерёмин, В.А.

Е 70 О РЫБАЛКЕ И ОХОТЕ НА СУРСКИХ ПРОСТОРАХ /

В.А. Ерёмин. – Ульяновск, 2020. – 184 с.

Данная книга состоит из повести, рассказов и фотографий. В своей повести автор вспоминает годы детства, юности, зрелости. Через интерес к охоте в нём воспитывалась любовь к природе и истории родного края. Рассказы, включённые в книгу, полны интересных, порой курьёзных случаев из жизни охотников. На фотографиях охотники Сурского охотобщества. Некоторые стали образами героев книги.

УДК 821.161.1``1992/...``

ББК 84(2Рос=Рус)6

© Ерёмин В.А., 2020

© Оформление. УлГТУ, 2020

РЫБАЛКА

*Иду родными просторами,
Где Промзу обнимает Сура.
Мысли уносятся водами спорыми.
Здесь проходила детства пора.
Детство, далёкое детство,
Нам его не забыть никогда.
Память - одно только средство
Прожить заново эти года.
Вижу кручи, заводи, плёс,
Золотой обнимаю песок...
Ветер жизни годы унёс,
Закружил, как вода лепесток.*

ОТРЫВОК ИЗ РАССКАЗА «КАМЕШКИ»

Мне вспомнилась моя первая рыбалка, которую я запомнил на всю жизнь и часто рассказываю о ней друзьям.

Я ещё даже не ходил в то время в школу. Частенько летом, играя возле дома, я видел идущего вдоль порядка старика в старом выгоревшем картузе, латаном пиджаке и штанах, заправленных в поношенные кирзовые сапоги. Появлялся он как-то неожиданно из-за кирпичного дома в начале «Мёртвой» улицы. «Мёртвой» называли нашу улицу за то, что с незапамятных времён, когда была построена красавица Промзинская церковь и православные жители села смогли получать в ней все положенные обряды, после отпевания в церкви усопший совершал свой последний путь на кладбище именно по этой улице. Церковь стояла недалеко от дома, где прошло моё детство, напротив неё были дома священнослужителей. За церковью находилось церковное кладбище. На колокольне церкви был большой колокол весом восемь тонн. А внутри находилась явленная икона Николая Чудотворца. Всё это было...

Так вот, старик появлялся из-за кирпичного дома в начале улицы. Этот дом смотрел на мир окнами без рам. Здесь когда-то была жизнь, хозяин занимался извозом, жил состоятельно, за что и был после революции сослан. Старик шёл медленно, но уверенно, с достоинством. У него была аккуратная белая борода, усы, ворот косоворотки всегда расстёгнут. На правом плече он нёс удочки, за спиной - небольшой кошель, перекинутый через левое плечо, на правом боку висел «барабан» с рыбой. «Барабан» - это садок для рыбы, сделан он был из тонких реечек с дверкой и всегда вызывал у меня страшное любопытство.

Увидев старика, я бросал игру и, когда он подходил близко, здоровался с ним. Он медленно поднимал свободную руку, слегка касался козырька картуза и молча следовал дальше. Жил он недалеко от нас, звали его дядя Коля, но чаще на улице я слышал,

как его называли Кулак. Я тогда несильно вдавался в значение этого слова.

Однажды всё изменилось. После того как я поздоровался, старик вдруг остановился, посмотрел на меня умными глазами и спросил:

- А ты на рыбалку ходишь?

Я от растерянности не сразу нашёлся что сказать, потом ответил:

- Нет, не хожу, да и удочек у меня нет.

На это старик сказал:

- А отец что?

- Отец всё на работе, ему некогда.

- Если надумаете, приходите, я удочки дам. Хочешь посмотреть, что я сегодня поймал?

Это было верхом моих желаний. Старик открыл дверцу «барабана», и я увидел: там лежали переложённые крапивой довольно-таки крупные рыбины.

- Вот это язи, а это подусты, - сказал он, закрывая дверку «барабана». И пошагал домой.

Я с нетерпением стал ждать отца. Он был на руководящей работе в райкоме партии, часто задерживался. К счастью, в тот вечер он появился довольно скоро. Я бросился к нему, отец подхватил меня на руки, подбросил вверх, поставил на землю и, взяв за руку, сказал: «Пойдём домой».

- Постой, постой, что скажу! Сегодня с рыбалки шёл Кулак...

- И я тут же замолк, увидев серьёзное, строгое лицо отца.

- Ты что, не знаешь, как его зовут?

- Знаю, дядя Коля...

- В чём же дело? Это кто тебя научил?

- Никто, я на улице слышал.

- Мало ли что ты услышишь! Самому надо думать, что говоришь. Понял? Больше чтобы не было такого!

Немного подобрев, отец сказал:

- Он же старый человек, и у него имя есть.

- Давай на рыбалку пойдём, - сказал я, - удочки дядя Коля обещал дать.

- Ладно, как-нибудь выберу время и сходим, - пообещал отец. И он вскоре выполнил своё обещание.

А ещё я вспомнил про овсянник.

Овсянник - это бабочка-однодневка. И сама бабочка, и её личинки, живущие в илистом дне, - настоящее лакомство для рыбы. Особенно её любит стерлядь и подстерегает в тех местах, где быстрые воды, размывая грунт, вымывают из него личинки. Стерлядь своим твердым и острым носом иногда даже помогает воде.

В первых числах августа, когда личинка превращается в бабочку, она покидает илистое дно реки, всплывает на поверхность воды и отправляется в свой первый и последний в жизни полёт. Происходит это ночью. Когда плывёшь в это время на лодке по Суре, кругом тихая тёп-лая летняя ночь, притаившийся лес, молчаливый, таинственный, и толь-ко над водой шелест, и перед тобой, вокруг тебя настоящая живая белая метель. Миллионы бабочек как будто поют гимн жизни завершающейся и жизни, вновь зарождающейся, откладывая в воду миллиарды «икринок». Позабывшись о потомстве, бабочка погибает. И в это время вода в Суре оживает, слышатся многочисленные всплески, вся рыба рать пирует, пожирая лёгкую добычу. Как рыбаки говорили: «Рыба вышла на жор». В это время она сама становится лёгкой добычей рыбаков.

В детстве мы, ребяташки, запасшись хлебом, картошкой, солью и спичками, вечером шли на чистые золотые пески красавицы Суры. Готовили дрова для костра. А когда начинало темнеть и начинал летать овсянник, разводили костёр, клали в него картошку и рассаживались у огня.

Территория вокруг костра была строго поделена между нами. На свет костра со звёздного тёмного неба белоснежным дождём падали, обгорая на костре и устилая песок вокруг, бабочки с нежными прозрачными крылышками. Мы быстро собирали их

(каждый со своего участка) в приготовленную заранее посуду. Потом доставали из костра печёную картошку - вкуснее картошки я никогда в жизни больше не ел... Поев, мы шли домой - надо было как можно лучше сохранить впрок добытую наживку. Клади её за неимением в ту пору холодильников в погреб, на заготовленный зимой снег или лёд. А рыба в Суре после такого пиршества на удочки совсем не хотела клевать!

Здорово я тогда запомнил то место реке когда впервые пришёл с отцом. «Камешки»...

Потом, гораздо позже запомнились мне три случая, которые произошли в один и тот же день на этом месте. Один парень доставал из воды овсяник для наживки и на быстрине среди камней заметил стерлядь. Схватил камень покрупнее, с силой бросил его в воду и оглушил рыбу. Схватил её руками, обезумев от радости, выбрался на берег и долго не мог прийти в себя, растерянно твердил: «Надо же - попал!».

Почти в то же самое время чуть выше этого места, рассказывали, сидел дед за закидными удочками. Вдруг начал чертыхаться: «Коряга, что ли, какая по дну прёт? Смотри, леску к берегу тащит. Надо же - только ведь закинул!». Дед стал выбирать леску из воды, она подавалась с трудом, а когда он потянул её сильнее, то рыбаки, сидевшие рядом, увидели на поверхности воды огромную стерлядь, свернувшуюся кольцом.

Дед подтянул её к берегу, с трудом веря в происходящее. Стерлядь ни разу не шелохнулась. За всем этим следил, остановившись за спиной деда, мужик, тоже заядлый рыбак. В этот день по случаю приезда гостей он был «при параде» и навеселе. Сам не рыбачил, пришёл просто посмотреть. Но сердце рыбака не выдержало:

- Слушай, Петрович, давай поддержи, а ты - в воду, руками её на берег выбрасывай, очень уж большая.

- Держи, Василич, только, смотри, аккуратней, а то ведь ты - того...

- Да не бойся, давай!

Петрович, не раздеваясь, ловко смызнул в воду и, быстро подведя руки под рыбину, выбросил её на берег. Сбежалась толпа. Все с завистью рассматривали стерлядь.

- Килов шесть будет, а может, больше, - сказал кто-то.

- Слушай, дед, как же ты её поймал? Крючок вон лежит, насадка целая.

- Да она же в леске запуталась! Видите, одна петля под жабрами, а другая на хвосте. Ну, ты, дед, даёшь! Ну хитёр - в дугу согнул. Потому она у тебя и не брыкалась!

А дед тем временем быстро закутал рыбину в одежду - в рюкзак она не помещалась - и чуть не бегом рванул домой. Рыбаки разошлись по своим местам под большим впечатлением. Такие моменты - редкость, и запоминаются они надолго.

Но на этом чудеса в тот день не закончились. На берегу появился запоздавший рыбак со снастями. Он остановился на том месте, где сидел до этого дед.

- Мужики, здесь свободно?

- Садись, свободно, - ответил кто-то по соседству.

- Только тут уже всё выловили.

Рыбак всё же пристроился, забросил снасти. Прошло немного времени. Рыбак стал жалобно вопрошать, обращаясь ко всем сразу:

- Слушайте, мужики, что делать? Ключула, стал вытаскивать, за что-то зацепилась, но, чую по леске, там сидит. А, мужики?

Василич, совершив обход рыбаков и ещё «в настроении», вновь оказался на знакомом месте.

- Давай поддержку. А ты - в воду, иди по леске, повезёт - отцепишь, а я вытащу.

Рыбак быстро разделся, прыгнул в воду и, осторожно держась за леску, стал медленно продвигаться вглубь. Как только вода дошла ему до груди, он нащупал камень, за который зацепилось грузило, наклонился, чтобы его отцепить, и в это время, сорвавшись с крючка, свечкой взметнулась вверх стерлядь. Все, кто видел это, ахнули. Рыбина развернулась в воздухе и, чуть не задев рыбака, вошла в воду. Рыбак сделал какие-то невероятные

движения руками и скрылся под водой. С минуту или чуть больше, но всем показалось, что очень долго, его не было вид-но, но вот, вынырнув, он заорал на всю Суру: «Поймал!».

Он медленно шел к берегу, сильно прижимая стерлядь к голому животу. И когда вышел на берег, все увидели, что живот рыбака окровавлен, пораненный острыми шипами стерляди. Но добыча стоила того.

Такая фантастическая рыбалка, я думаю, не повторится уже никогда. Сети, оханы, жаки, а особенно варварские электроудочки, а также и загрязнение Суры, похоже, скоро вообще могут сделать рыбалку мечтой.

...Мои мысли вновь возвратились в детство. Первая рыбалка с отцом... Отец взял у дяди Коли две удочки и, к большой моей радости, в воскресенье мы пришли вот сюда, на «Камешки». Одну удочку отец взял себе, другую отдал мне, показал, как надо забрасывать леску в воду. Я обратил внимание, что удочки у нас разные. Отец пояснил, что у его удочки леса сделана из конского волоса, а у меня из обычной белой нитки.

А тогда в далёком детстве...

Мы начали рыбачить. Отец насадил червяков, помог мне и забросил удочки. Вскоре он уже снимал с крючка пойманную рыбу и сажал её на кулан, у меня же не получалось. Я с завистью смотрел на отца - он поймал уже несколько штук. Я вначале притих, потом засопел и, не выдержав, сказал:

- Да, хитрый ты - себе-то вон какую удочку хорошую взял, поэтому и ловишь А мне что дал? Давай мне твою, а этой лови сам.

- Ну ладно, давай, - сказал отец, и мы поменялись удочками.

Я обрадовался. Ну, думаю, сейчас у меня тоже будет клевать. Я неумело забрасывал удочку, не мог подсечь, когда клевала рыба, как ни старался. Отец успокаивал меня, подсказывал, учил, но ничего не получалось. А в это время у отца ловилась одна рыба за другой. И тут я не выдержал, разревелся. Бросил удочку и, обливаясь слезами, пошёл до-мой.

Только в поселке отец догнал меня, успокоил, обещал купить хорошую бамбуковую удочку.

- Слушай, ведь никто не видел, поймал ты или нет. А рыба - вот она у нас, на кукане. И друзьям можем рассказать, что мы вместе ловили.

Наконец-то успокоившись, я гордо зашагал рядом с отцом, неся кукан с рыбой. И когда мы шли по нашей улице, я чувствовал завистливые взгляды друзей. Так я стал рыбаком. Отец выполнил обещание - купил мне бамбуковую удочку, я увлёкся рыбалкой, и до сих пор ловля на поплавную осталась моим любимым занятием...

Ах, «Камешки», любимые «Камешки»!..

*Излучина здесь сурная,
Реки крутой поворот.
Нежно берег лаская,
Сура свои воды несёт.
Родник здесь в речку впадает,
Слышится песня воды.
Камни земля обнажает,
На склонах трепещут сады,
Здесь воздух стрижи взрезают,
А ночью поют соловьи,
За речкою филин вздыхает,
Думая думы свои.
На солнце ужжи свернулись,
Чёрные греют бока.
Ромашки чуть колыхнулись
От лёгкого ветерка.
Пчела деловито присела
На самый край лепестка,
Она отдохнуть захотела -
Далек её путь до летка.
Вдруг сон наяву я вижу:*

*На «Камешках» с удочкой я,
Голос отца я слышу,
Детство вернулось, друзья.
Родные и милые звуки
Душу мою бережат.
Помню отцовские руки,
Добрый родительский взгляд.
Будто рядом он снова -
Рыбу мы ловим вдвоём.
Сына он учит малого,
Волнуясь, поклёвки мы ждём.
Я никогда не забуду
Чуткость, заботу его.
И тоже рыбачить буду
И сына учить своего...*

ПРИВЯЗАЛ

Дядя Коля вернулся с войны. Что пришёл, такое сказать было не возможно. Язык, как говорят, не поворачивался. Ног у него не было. Ну, просто совсем. Смотреть было конечно, страшновато. В глазах каждого, кто на него смотрел, невольно появлялось сострадание. Редко кто не отводил и не опускал глаз.

О войне дядя Коля говорить не любил. На вопрос, что случилось? Отвечал коротко и просто:

- Мина.

После такого ответа желание расспрашивать почти у всех пропадало.

Передвигался он на деревянной скамеечке с колёсиками, которую с помощью ремешков присоединял к туловищу.

- Это мне ещё в госпитале друзья-товарищи такой транспорт соорудили, – говорил дядя Коля. – Спасибо им, а то бы я не знал как.

В руки он брал деревяшки похожие на тёрки, которыми ловко отталкивался от земли.

Но самой главной помощницей, конечно, была у него жена, которая со слезами горя и радости приняла его, и ухаживала как за малым ребёнком.

- Коленька, ты не переживай! Всё будет нормально, – ласково говорила она ему, помогая одеваться. – Ты не торопись.

От доброго женского сердца и заботливых рук дядя Коля как говорят, оживал прямо на глазах. На его лице стала появляться улыбка, а в разговоре всё чаще слышались весёлые нотки. Не каждый, конечно, человек мог справиться с таким ударом судьбы. Такое одолеть трудно. Знакомые, видя изменения в дяде Коле, преодолевая чувства жалости, начинали радоваться за него.

А он начал хвататься за разные домашние дела, по которым так соскучились его руки. Тщательно точил пилу и топор. Приловчился с женой пилить и колоть дрова.

- Ты, давай, я приподниму, а ты подсунь под бревешко сучок и мы с тобой отпилим чурбачок, – говорил дядя Коля жене. – А потом поставишь мне его, я и изрублю.

Иногда долго порой уговаривал жену, чтобы та доверила доить козу:

- Ты пригонишь, привяжешь её, и я попробую подоить, а ты сама другими делами займёшься.

Как-то на глаза ему попались удочки. Они были ещё с довоенных времен. Была тогда у Николая страсть к рыбалке. Многое тут, конечно поломалось и оторвалось. И он машинально, по старой привычке начал налаживать. Жена, увидев, удивлённо спросила:

- Ты чо это у меня, на рыбалку, што ли, собираешься?

- Увидел вот и у меня, понимаешь, в груди защемило, – с грустью ответил он жене. – Налажу, может, кто возьмёт порыбачить. Я видел сосед на мотоцикле подъезжал. С работы видно. Мотоцикл старенький с люлькой. Может, уговорю, съездим.

И дядя Коля, конечно, уговорил соседа.

Жена поначалу беспокоилась. Но после подробных рассказов мужа о рыбалке, о том, как он выбирал удобное место на берегу, о том как разматывал и забрасывал удочки, ну и конечно, как забыв обо всём на свете, ждал поклёвки.

- Понимаешь, а он вначале так легонько шевелит поплавок, ну я думаю, мелочь какая-нибудь, а потом когда повёл и положил его, и я подсёк. Чувствую, хорошая рыба попалась. А одного даже не вытащил. Так подержал, подержал, он как рванёт и сорвался. Даже крючок распрямил, – с восхищением рассказывал Николай жене.

- Крючок, наверное, плохой? Самодельный чай. Я тебе магазинных куплю, – говорила жена, радуясь вместе с Николаем. Она поняла, что рыбалка становилась её союзницей и помощницей в исцелении физических и душевных ран мужа, нанесённых проклятой войной.

Время шло. У дяди Коли с женой стали появляться дети. Родилась девочка.

- Ну, вот подрастёт, – говорил он жене, тебе помощница будут. – Потом мальчика бы надо. Он мне в рыбалке помогать станет.

Тем временем государство стало оказывать внимание инвалидам. Начали выделять транспорт. Вначале «каракатицы», как называл их дядя Коля. Короче, как говорил он: смесь велосипеда с мотоциклом. Затем мотоколяски, причём всё лучше и лучше. Дошло дело и до автомобиля «Запорожец». А вот с мальчиком дяде Коле не везло. Рождались у них с женой девчонки. Друзья рыбаки шутили над дядей Колей, говоря:

- Ни так удочку забрасываешь! На девчонок надо в одну сторону, а на мальчишек в другую и причём туда, где глубже!

Тем временем Дядя Коля купил резиновую лодку, а за долгие зимние вечера связал сеть трёхстенку. Семья-то увеличивалась, хотелось всех накормить рыбой.

В этот раз он надумал поехать в Сурку. Озеро большое, рыбное. Решил с ночёвкой.

С вечера половил на удочки. Затем накачал лодку. Положил в неё сеть, вёсла. Ловко перевалился через борт и оказался на дне лодки. Взял вёсла и оттолкнулся от илистого дна озера. Лодка закачалась на воде. От неё в разные стороны побежали лёгкие волны, искажая как в кривом зеркале отображение леса и камышей. Заплясали в лёгком танце на воде кувшинки.

Дядя Коля вздохнул грудью ароматный воздух приозёрных лугов, и осмотрелся вокруг, легонько работая вёслами.

- Эх, красота-то! А воздух! Дыши-не хочу! – подумал он про себя и почему-то зажмурился.

Сеть к этому времени он уже наловчился ставить. Привязав к тальнику у берега, он одной рукой распускал её в воду, другой подгребал веслом, направляя лодку к середине озера. Когда сеть закончилась, он опустил груз на дно. Потом поплыл к берегу, поправляя балберки. И у самого берега вдруг вспомнил, как ему рассказывали мужики, что на озере кто-то балует. Снимают ночью сети. Причём, как ни караул, всё равно не укараулишь.

- А я вот что сделаю, – сказал вслух дядя Коля и, вынув из кармана пиджака прочный шнур, привязал его к сети.

С помощью рук он выбрался из лодки на берег. Отдохнув, расстелил кусок брезента и прилёг. Но перед этим он обмотал шнур вокруг туловища и завязал узел.

- Вот так-то будет надёжней, – изрёк дядя Коля.

Лёжа на животе, он дотянулся до свёртка, который заботливо приготовила ему жена, развернул. Потом достал нож, висевший у него на ремне, на поясе. Зачем-то попробовал пальцем лезвие. Вначале отрезал кусок хлеба, затем ломтик сала и стал с удовольствием жевать. Закусив, он вытер нож, повертел его в руках, как бы размышляя, что с ним делать, и сунул в самодельные ножны на поясе. Он перевернулся на спину и стал смотреть в небо, слушая звуки окружавшей его природы, и вдруг незаметно уснул. А спать-то он совсем и не собирался. Ему надо было стеречь сеть.

Ему опять снилась война. Его снова раненого тащит санитар. И от этого он проснулся. Но взрывов не услышал. Санитара тоже не было, но его кто-то куда-то тащил. И тогда он закричал, стараясь в темноте ухватиться за траву и мелкие кустики. Но его всё тащили и тащили. Ему попалась под руки лодка, которая потом выскользнула из рук. И тут он всё понял и закричал ещё сильнее. Он кричал так, как не кричал там на войне. Он кричал и сопротивлялся, но не мог ничего сделать. А его всё тащили и тащили. И вот он уже барахтался в воде и, хлебнув воды, перестал кричать. А его тащили и тащили. Тогда он вспомнил про нож и левой рукой взял шнур, за который его тащили. Правой он нащупал нож на поясе и, уже плохо помня себя, обрезал его. Вплавь он добрался до берега. Тяжело дыша и часто отдыхая, цепляясь руками за траву, выбившись из сил, дополз до машины.

Где-то невдалеке затарахтел мотоцикл. Заметался и запрыгал луч фары и вскоре упёрся в дяди Колин «Запорожец». Подъехавшие рыбаки, конечно, узнали дядю Колю.

- Дядя Коля, ты чо так кричал? – спрашивали они. – Ты в селе тут всех, наверно, разбудил.

- Разбудишь... мужики... У меня такого испуга на войне наверно не было... – ответил им дядя Коля и рассказал, что с ним случилось. – Ладно ножик... А то бы я давно на дне был. Как пить дать.

- Да ты, наверно, уж напился озёрной водички, – пошутил кто-то.

- Да, хлебнул малость...

- Выходит, у тебя сетёшки-то теперь нет? – спросил кто из мужиков.

- Выходит, так... Слава Богу, жив остался. Жаль вот ножик утопил, – немного успокоившись, сказал дядя Коля.

ЗЕЛЁНКА

На Суре стала брать стерлядь. Нет, она ловилась и до этого. Но когда вода прогрелась, пошёл разговор, что клёв стал гораздо лучше. Герка ездил на реку, пытался, как он говорил, обрыбиться, но не получалось. Он ловил, конечно, рыбу, но всё это было не то. Густера, язи, сомята, не говоря уж там о ершах и пескарях. А вот стерлядь поймать не мог. И червяков отборных земляных на крючок насаживал, но никак и всё тут. И вот друг его один, как-то спросил:

- А ты на што ловишь-то?

- На что. На червя земляного, – ответил Герка. – На что ещё ловить? Овсянник ещё не подошёл. Он в этом году, наверно, к середине июля нормальный будет, чтобы его на крючок насадить можно было.

- Говорят, она на зелёнку хорошо берёт. Я вот сам хочу попробовать.

- Я когда-то пробовал на неё ловить, – сказал Герка. – Только где её для рыбалки наберёшь? Она вся в воде на корягах. И надо же такому маленькому червячишке в какой-то паутине на корягах приютиться. Вода-то вроде теплее стала, а не больно. Поныряешь за ней и околеешь. Нет уж никакой стерлядки не надо.

- Так мужики вон с берега баграми приспособились. Болотники наденут, багор в руки, коряжку небольшую на берег вытаскивают и зелёнку-то собирают.

- А где его багор-то найдёшь? У тебя нет? – спросил Герка.

- У меня нет. Один говорил, кошкой как-то коряги к берегу подтягивает.

- Кошка-то у меня вроде где-то была. От отца или деда ещё осталась, – поведал Герка другу.

- Ну вот и попробуй.

Герка долго рылся в сарае, но всё же нашёл прочную, острую, кованную кошку, которая от времени местами покрылась ржавчиной. Затем тайком от жены отрезал прочную бельевую

верёвку и привязал к кошке. Потом он начал размышлять, где лучше коряги цеплять. Толи с песка заходить, толи с крутого берега. Решил далеко не ездить. Здесь вот рядом на пляж. Если с этой стороны не получится, то на другую сторону на резинке можно переплыть. Резинкой он называл надувную двухместную резиновую лодку.

Сын Сашка, увидев его сборы, тоже начал проситься с ним. Герка вначале отмахивался, потом сказал:

- Ладно. Скажи матери. Собирайся и поехали.

Они погрузили в багажник «Жигулей» лодку, болотные сапоги ну конечно спрятанную в рюкзак кошку с верёвкой. И вскоре они уже подъезжали к месту на Суре, которое называют пляжем. Машина остановилась на границе, где полоска больших лопухов отделяет песок от земляного берега. А дальше за лопухами до самой воды маленькими барханчиками стелился чистый сурный песок. Герка с Сашкой вышли из машины. Сашка сразу начал бегать по песку.

- Пап, а пап! А почему говорят, что у Суры доньшко серебряное, а берега золотые? – вдруг спросил отца Сашка.

- Я конечно точно не знаю, где-то какой-то умный человек так в литературе написал, – ответил Герка и немного удивлённо посмотрел на сына.

На пляж уже притащили деревянную будку на полозьях. В воде к деревянным мосткам были привязаны две лодки. На бортах одной из них можно было прочесть: «СПАСАТЕЛЬНАЯ». Пляж был пуст. Ещё не сезон. На нём не было видно даже спасателей.

Герка с сыном перенесли все привезённые принадлежности ближе к воде. Герка надел болотные сапоги. Сашка увидев на отце болотники спросил:

- Пап а раньше в воду в чём лазили?

- В чём, тоже в сапогах, только они не резиновые были, а кожаные. И их тогда броднями называли, – ответил сыну Герка. В общем это такая обувь в которой, где вода, в брод можно переходить.

- А это что за железка у тебя к верёвке привязана? – снова спросил Сашка, увидев в руках странный инструмент. – А верёвку у мамки отрезал?

- Это железка кошкой называется, – ответил Герка сыну и добавил. – Ты, смотри, матери не скажи. Раньше ей твой дед из колодца вёдра вытаскивал, если они в него нечаянно упадут. Видишь, какие у неё когти острые? А я ей сейчас коряги из воды буду вылавливать. - А зачем тебе коряги? – допытывался Сашка.

- Сам увидишь. Ладно, я пошёл, – ответил Герка сыну, заходя в воду.

Он начал медленно ходить в воде вдоль берега стараясь нащупать ногой коряги. Иногда он останавливался и бросал кошку в воду и тянул её по дну к себе, стараясь зацепить корягу. Но как он не старался, ничего у него не получалось.

- Видно, тут уже дно почистили, – сделал вслух вывод Герка. – Придётся нам с тобой, дружок на ту сторону на лодке переправляться.

Они быстро накачали лодку, надули резиновые подушки, сели и поплыли. Герка работал вёслами, стараясь, чтобы быстрое течение реки, далеко не снесло лёгкую резиновую лодку. Сашка сидел в лодке и командовал:

- Права руля! Полный вперёд!

На том берегу они нашли не большую тихую заводинку и причалили к берегу. Герка, выходя на берег и вытаскивая за собой лодку пошутил:

- Суши вёсла и лодку тоже!

Потом он взял своё когтистое орудие и начал его забрасывать. Здесь коряг было много, но они были все такие здоровые и Герка не мог, конечно, их подтянуть к берегу.

- Да-а, тут коряжницу надо? – рассуждал он вслух. – Багром, конечно, лучше, ловчее. Можно нащупать не большую, зацепить и подтащить. Если не поддаётся, отцепил багор и ищи другую корягу. А тут, если этот зверь зацепится, его, наверно, и не отцепишь.

Герка, в общем, как в воду глядел. Кошка у него зацепилась. И как он её только не дергал, куда не заходил и по течению, и против течения, он не мог её отцепить. Тогда он сел в лодку, взял в руки верёвку, и отплыв от берега, попытался освободить кошку. Вначале это ему не удалось, но со второй попытки всё же получилось. Подплывая к берегу, он подумал:

- А что если с лодки попробовать. Конечно корягу вытащить невозможно, а вот кусты из воды подтащить к лодке вполне. И, действительно, получилось. На кустах нашёл несколько штук нужной ему наживки-зелёнки. Это воодушевило его. И он продолжал делать всё таким же образом. Зацепит. Подтащит. Соберёт зелёнку в банку и отпустит куст опять в воду. Вначале он даже не понял, что произошло. Куст, который он зацепил кошкой, вдруг соскользнул с него и быстро ушёл в воду. А кошка, сорвавшись с куста, с силой вонзилась в надутый борт лодки. Воздух мгновенно со свистом вышел из передней секции. И Герка нырнул в воду. Он даже не успел сильно испугаться. Вода тут же оказалась в болотных сапогах. Герка почувствовал, что к ногам его как- будто привязали гири, и он пошёл ко дну. Оттолкнувшись от дна, он вынырнул и успел крикнуть:

- Санёк, помоги! Найди палку и протяни!

Сашка, бросив занятие с лягушками у воды, кинулся искать палку. Герка тем временем глотнув воздуха, снова погрузился в воду. У него мелькнула мысль:

- Нет, он мне не помощник. Надо как-то самому.

Он вновь оттолкнулся от дна и сделал несколько взмахов руками. Течение сносило Герку, а болотные сапоги, наполненные водой, и намокшая одежда тянули вниз ко дну. И он вдруг он понял, что нужно опускаться до дна, а потом отталкиваться от него в сторону берега.

- Всплывать на поверхность, глотать воздух и делать несколько гребков руками и всё повторять пока есть силы.

Господи, дай силы и помощи, – неистово билась, единственная в Геркиной голове мысль.

Сколько раз делал он так, он, конечно не помнит. Выныривая, он видел, как растерянно бегают по берегу сын, и это придавало ему силы. Медленно, но Герка стал приближаться к берегу.

Потом, тяжело дыша, он на четвереньках выполз на берег. Сын молча, как мог, помогал ему. Герка перевернулся и лег спиной на тёплый клочочек песка под нависшей над ним кручей. Теперь этот песок, казался ему дорожке, чем золотой, а застывшие над ним в голубом небе облака, казались ему ангелами-спасителями.

Вначале Герка снял один болотный сапог и вылил из него воду, затем второй. Вскоре дошла очередь и до одежды.

- Пап, а где твоя охотничья фуражка? – заботливо спросил сын отца.

- Фуражку, сынок, сом, наверно, уже где ни будь под корягой примеряет, – немного грустно ответил Герка, улыбаясь. Ему было стыдно перед сыном за такую глупую промашку, которая с ним произошла. – А где у нас с тобой лодка?

- Лодка у нас туда вниз по течению поплыла, – махнув рукой, сказал Сашка.

- Давай, быстрее пошли. Наверное, где-то уж к берегу её прибило, – надевая на себя мокрую одежду сказал Герка.

Вскоре они подобрали лодку, затем надутые резиновые подушки.

- Хорошо две секции. А то тоже бы к рыбам на дно ушла – выпуская воздух из задней секции, сказал Герка сыну. – Мать уж точно нас за это не похвалила бы. Хотя нам с тобой и так на орехи достанется.

- Пап, а кошка тоже утонула? – спросил Сашка.

- Да все кошки плавать не умеют. А ты вот, давай учись. Это дело нужное, – сделал вывод для сына Герка.

- А как мы теперь на ту сторону переплывём – вновь спросил Сашка отца.

- Ждать будем. Кто ни будь на лодке поплывёт, попросим, и нас переправят. Или вон спасатели придут на дежурство, у них там две лодки, – начал перечислять варианты отец сыну. В жизни всегда можно выход найти. Самое главное, сопли не надо распускать. Мы же с тобой не на острове в океане, а рядом со своим посёлком.

- Есть и пить только хочется, – сказал Сашка.

- А ты терпи. В жизни, знаешь, сколько терпеть придётся? – вновь начал поучать Герка сына.

Вскоре у будки на другом берегу появился мужчина. Он деловито подошёл к лодкам, заглянув в одну из них. Затем залез в неё, и сев на скамью, начал банкой вычерпывать воду.

Герка окликнул его:

- Вячеслав, здорово! Выручай нас. Переправь на ту сторону!

- Здорово! А как вас туда занесло? – в свою очередь спросил Вячеслав.

- Вот переправишь, всё расскажу, – крикнул в ответ Герка.

Немного погодя Герка с сыном сидели на корме лодки и Герка рассказывал Славке что с ним приключилось. Тот выслушав, сказал:

- Да-а, легко ты отделался надо сказать, да ещё в моё дежурство.

Дома Герку с Сашкой встретила жена.

- Куда вы у меня запропалились? – спросила она сына.

- За зелёнкой ездили, – ответил Сашка.

- За какой ещё зелёнкой? За травой что ли? – спросила мать сына.

- Эх, ты, мамочка, не знаешь! Это червячок такой зелёный в корягах живёт, – ответил Сашка матери. – А ещё папа кошку утопил.

- Чью кошку? – не поняла мать.

- Чью, нашу, вместе твоей верёвкой, – пояснил Сашка.

- Так, я Мурку только что накормила, – удивилась мать.

- Так та железная, папа говорит дедушка, ей вёдра из колодца вылавливал, – вновь пояснил Сашка.

Герка тем временем молча выгружал порванную лодку из машины. Жена, увидев на Герке мокрую одежду, поняла, что с Геркой вновь что-то приключилось, и она сказала:

- Чему сына учишь? Нет бы, чему ни будь полезному, толковому.

- Жизни учу, вот чему учу, – огрызнулся Герка.

НА ЧТО ВЗЯЛА?!

Как нас занесло тогда на эту речку, в эти места, я уж теперь точно и не помню. Словно нам своих мест мало было. А виновата во всём рыболовная страсть. Если уж она, эта бацилла, в тебе поселилась, пиши пропало. Говорят, это теперь на всю жизнь. Правда, знал я один случай, который крайне меня удивил. Но начну я вот с чего. Работал я тогда в телерадиомастерской, и приезжает к нам новый главный врач больницы, и привозит на ремонт телевизор. Посмотрели мы его. Оказался там в нём какой-то пустяк. Приехал он его забирать и спрашивает:

- Сколько за ремонт?

Я ему тогда отвечаю:

- Да нисколько. До следующего раза, вот тогда уж.

Он промолчал. Забрал телевизор и к концу рабочего дня опять приезжает. Привозит бутылку коньяка. Я ему говорю:

- Зачем? Мы не пьём. Не надо.

- Нет, мужики, давайте за знакомство, хотя бы по рюмочке, а то я на вас обижусь, – говорит он.

Уговорил он всё-таки нас. Сели мы, так разговариваем. Познакомились. Звали его Олегом Викторовичем. В разговоре он меня спрашивает:

- А ты как насчёт рыбалки? Могу пригласить, на выходные, на воскресенье. Я помню, удивлённо посмотрел на него. Стояло

начало ноября. Только подморозило. Выпал небольшой снег. Какая рыбалка подумал я про себя, а вслух сказал:

- Летом рыбачу на Суре и озёрах. Люблю на закидные и поплавочные. А зимой нет. Так, иногда с черпалом на сгар. Но особо не люблю.

- А на блесну или мормышку не пробовал? – спросил меня Олег Викторович.

Вспомнил я сразу далёкое детство. Село Барышскую Слободу. Деда Ивана. Тот взял как-то меня в лес за Суру посмотреть выложенные там дрова. Рядом с местечком на реке Барыш с названием Суходол. С собой он взял леску и светлую блестящую штуковину, с приделанными к ней крючками, сказав мне:

- Видишь, это блесна. Мы там палочку вырежем и к ней леску с блесной привяжем. Во льду дырку топором вырубим и блесну туда опустим. Бабушке щуку на пироги с тобой поймать попробуем.

- А как дед? Просто на железку? – допытывал я тогда деда.

- Вот придём на Суходол, и всё увидишь, – отвечал мне дед, вызывая у меня этим ещё больший интерес.

Помню, напрасно дёргал я блесну, опущенную в воду под лёд, привязанную леской к палочке, которую держал в руке. В это время дед возился на берегу у кучи сложенных брёвен. Потом он подошёл ко мне и попробовал сам ловить. Но ничего у нас не получилось. Я хотел рассказать об этом Олегу Викторовичу, но, передумав, сказал:

- Так у меня ни блесны, ни мормышки нет.

- А это очень просто сделать. У вас всё тут для этого есть. Дай бумагу и карандаш, – попросил Олег Викторович и начал объяснять.

Сделал я тогда снасть, на первый раз не скажу, что хорошую, может быть, даже немного примитивную. Но, видимо, делал я её с душой, оказалась на удивление уловистой. Поехали мы, помню тогда в Сару, за Суру. Озёр там много. Одно Соловьёво чего только

стоит. Километров шесть, что ли, длиной. Старица Суры. Глубина местами метров пятнадцать. Недалеко озёра Адамово, Алексеево. Так мы вот на Алексеевом тогда остановились. И я в этот день сразу на хорошую уху и жарёво наловил. А сколько ещё сходов было. Порой прорублю топориком лунку небольшую, а возьмёт щурёнок или окунь побольше, я в азарте тащу его быстрее в лунку, а он не лезет. Ну я и вырву у него блесну из пасти. И с этого дня пошло. Все озёра мы в районе исколесили. Машина у нас была ГАЗ – 69, так мы её родную, на руках носили. Застрянет где-то, вот мы её и нячим. Важим и толкаем.

Олег Викторович, конечно, ловить был мастер, хоть на блесну, хоть на мормышку. Всяких премудростей у него по тем временам много было. Где он их только доставал. Тогда это не просто было. И ещё у него книжки по этой части были. Короче, был он профессор по этому делу. И вот тесно нам стало в своём районе. Стали мы в Мелекес на Черемшан ездить. Узнали мы от друзей, что там хорошо рыба ловится, ну и туда. Рыбаков там по выходным собиралось тысячи. Кто-то говорил, делали снимки с самолёта. Потом считали. Больше двадцати тысяч. Машины разных марок в те места колоннами шли и это в те застойные времена. Мы стали тоже автобус заказывать на два дня. Тогда хорошо на предприятиях профсоюзы были. Деньжонок выделяют, да своих добавишь, ну и терпимо. Ехать можно. Выезжать надо было рано, часа в два утра. Как-никак, двести километров ехать. К самому клёву, может, и успеешь. День половишь, и на ночлег. На пляже строителей организация была, а там начальство знакомое. Сторожа были гостям рады. Им глядишь не скучно, и ушичку свежую, смотришь, откушают, а перед ухой сами знаете, что положено. В те времена Олег Викторович с нами уже не ездил. Его перевели по работе в другой район. Но среди рыбаков и охотников хороших, интересных людей всегда хоть отбавляй. С нами Сашка частенько ездил. Он где-то сварщиком работал. Всех, кто немного старше его, дядями называл. Дядя Слава или дядя Валера, например, а сам на тебя хитровато, простодушно посматривал. Любил он применить в

рыбной ловле какую-нибудь самодельную новинку. Увидит или узнает, обязательно сделает и опробует. Ну, там какой-нибудь экран свяжет или косынку. В тот раз он на Черемшан косынки привёз. Мужики его всё, помню, предупреждали:

- Сашка, ты смотри, там рыбнадзор шерстит. Повяжут.

- Не бойтесь, ребята, прорвёмся! В сорок первом не то было, – весело отвечал Сашка.

- Гляди, сноха, тебе жить, – сказали мужики.

В этот день с утра клёв был, можно сказать нормальный. Потом стал стихать. Затем как обрезало. Рыбаки шутили:

- Перекур, што-ли, рыба взяла?

Кто-то стал вынимать из рыболовных ящиков закусь. На льду появились термоса. Кое-где начали собираться небольшие компании. Какой-то весельчак громко крикнул:

- Налетай, жор пошёл!

Все посмотрели в его сторону. Многие засмеялись. А затем полилась истинно русская речь. Всё это надо слышать, и не всё услышанное я здесь могу передать.

Сашка решил воспользоваться моментом. Он отошёл в сторонку и решил опробовать привезённые снасти. Осторожно, с оглядкой, он начал опускать в воду косынки, такие маленькие плетёные сетки. Наладив несколько штук и замаскировав их, он ушёл от них чуть дальше. А в это время по льду среди рыбаков продвигались двое мужчин. Они не спеша шли и останавливались, о чём-то разговаривали с рыбаками. Сразу можно было догадаться, что это не рыбаки. Сашка заметил их немного поздно. Он вынул из-за пазухи бутерброд и, отвернувшись, стал откусывать и медленно жевать, бросая иногда взгляды в сторону этих мужчин. Те, подойдя, опытным взглядом заметили запрещённые снасти. Они стали ходить и спрашивать рыбаков, чьи. Но кто у всех на виду выдаст, если даже и видел. Вспомните, разве в классе когда-нибудь кого-то выдавали? Дошла очередь и до Сашки. Когда подошли к нему он увидел на груди у мужичка небольшого роста ремешок от спрятанного под одеждой бинокля. Нервы у Сашки

натянулись сильнее, чем леска, когда выуживаешь большую рыбу. Мужичок, что повыше ростом спросил Сашку:

- Это твой инструмент? – показывая на удочки-косынки.

- Нет, – не совсем твёрдо ответил Сашка.

- Что нет? – спросил маленький. – Рыбаки говорят твои. Да я и сам видел, как ты их ставил.

И тут нервы у Сашки совсем сдали, и он, бросив не доеденный бутерброд, кинулся к крутому берегу. Мужики побежали за ним. Что повыше отстал, а маленький настиг Сашку, карабкающегося на кручу, и попытался схватить. Но Сашка ловко оттолкнул его ногой и мигом взлетел на берег, а там дальше в лес. Преследовать Сашку не стали. Вынув косынки и сложив в мешок, охранники рыбы решили узнать, откуда такой ловкий рыбак появился. Вскоре они уверенно подошли к группе наших рыбаков.

- Так, мужики, говорите, мы точно знаем, этот друг что убежал, с вашей компании. Кто он? Фамилию и имя, – наседали рыбабдзоры.

- А как вы определили, что он с нашего аула? – спросил кто-то. – У него что, на лбу написано?

Не добившись ничего, мужики ушли.

- Говорили ему, Шурику, нет, приключений на свою задницу ищет, – сказал кто-то, провожая инспекторов взглядом. – Хорошо что убежать ещё сумел.

Закончив рыбалку, мы пошли к своему автобусу. Надо было возвращаться домой. Мы сильно удивились, увидев мужчин с рыбоохраны у нашего автобуса.

- Ну вот, приплыли, – сказал кто-то. – Теперь не выпустят. Шурика ждать будут.

Мы сели в автобус. Инспектора зашли с нами. Мы доели оставшиеся припасы, и стали бузить:

- Давай заводи и поехали, – сказал кто-то водителю.

- Нет, не поедете. Будем ждать, – упёрлись инспектора.

- Ково ждять? Чево ждять? Мы этова мужика, што вы ловите, звать не знаем и звать не хотим, – загудели в автобусе. – Давай, шеф, заводи, поехали.

Водитель завёл автобус, и мы поехали. Мужики с рыбнадзора молча ехали с нами.

- Давайте мы их на Суру привезём, и пусть там охраняют, – шутили рыбаки в автобусе.

Проехав с нами километра два-три, инспектора остановили автобус и вышли.

- Куда-же Шурик-то у нас делся? – загалдели рыбаки.

- Так он уж давно дома, наверно, жену обнимает.

Вдруг куча вещей, сваленных у задней двери в автобусе, зашевелилась, и из неё появилось Сашкино бледное, потное, измученное лицо. На весь автобус раздался его страдальческий голос:

- Ох! Не могу! Еле выжил! Ещё немного и задохнулся бы!

Разговор в автобусе прервался на полуслове. С минуту стояла тишина, в которой хорошо прослушивался звук работающего двигателя. Потом несколько минут стоял хохот, от которого стёкла автобуса дрожали и готовы были вылететь.

- Ну, Санёк, с тобой в разведку можно ходить!

- Вот это маскировка!

- А выдержка-то, выдержка какая, – собачья!

- Санёк это дело надо обмыть! Щас у магазина остановим, и ты вперёд и с песней!

Долго ещё обсуждали мужики случившееся по дороге к дому.

В следующий раз мы собрались в те же края, только на речку Бирля, недалеко от Рязанова. Сашка вновь поехал с нами. Компания рыбаков была по сути та же. Над Сашкой сразу стали подшучивать:

- Санёк не боишься? Крестники-то ждут, наверно, тебя. Там ведь недалеко. Они же обещали тебя встретить. Приём тебе дружеский оказать!

- Пусть ждут. Живым я им не дамся. Коммунисты не сдаются! – отшучивался Сашка.

И надо же, и на этот раз Сашка тоже отличился. Хорошим людям видимо везёт на интересные приключения. Самому вспомнить есть чего и друзья надолго запомнят.

Речка Бирля небольшая, меньше Суры. Но в отличие от Суры, течение у неё, не столь стремительное. И есть хорошие, спокойные, тихие заводи. Здесь-то порой и был неплохой клёв по перволедью. Кто уж нас туда заманил, не помню. Приехали мы туда не очень рано и начали ловить. Клевало, надо сказать нездорово. Так себе. Первым отличился Василич, самый старый и опытный рыбак. Он еле выпер огромного красавца язя. Мы многие сбегались посмотреть.

- Чего вылупились? Рыбу, што-ли, не видели? Уходите, а то сглазите ещё, – ворчал Василич по-стариковски.

Немного погода Ульяновские рыбаки надыбали приличного сазана и начали, как говорят, багрить. Сашка, углядев это, ринулся к ним. Но есть такой закон, закон подлости. Кто-то ловит, а ты нет. Сашка и так и эдак. Нет, не берёт и всё. Но на конец и он дождался поклёвки.

- Так! Взял нормально! – сказал он вдруг не громко. – Здоровый! Тяжело идёт.

Сашка аккуратно выбирал леску из лунки. Она напряглась и ходила из стороны в сторону, задевая лёд, издавая жалобный звук. Сашка напрягся, наверно, сильнее чем леска. Чувствовалось, что сердце его колотится от волнения и радости. Видно было, что он с нетерпением ждёт, когда добыча окажется на льду. Но что произошло дальше, было невероятным. На льду вместе с выбранной леской оказалась здоровенная лягушка и сделала несколько робких прыжков. От увиденного Сашка свалился с рыболовного ящика. Рыбаки, сидевшие невдалеке, некоторое время молча, внимательно и непонимающе смотрели на Сашкину добычу. В зимнем воздухе над речкой вначале повис, а затем полетел по

ветру здоровый мужицкий хохот. Потом все наперебой стали громко кричать и спрашивать:

- Мужик, на что взяла?

- А как, со дна, с полводы или из-под льда?

- Кивок подняла или надавила?

- У тебя что, снасть, что ли, на неё специальная?

- Слушай! Ты не царевну ли лягушку выловил? Теперь она все твои желания исполнит!

- Нет, это он французский деликатес выловил!

- Он, наверно сейчас устриц начнёт ловить!

Что пришлось выслушать бедному Сашке, это вообще трудно передать. Нам показалось, что у него даже на глаза навернулись слёзы. К тому же он не знал, что делать со своей добычей. Как снимать её с мормышки? Помню, в детстве, когда рыбачили летом и не клевало, кто-то из друзей начинал озорничать. Водружал на крючок поплавочной удочки зелёный листок и начинал дразнить лягушек. Они бросались за листком и оказывались на крючке. А вот снимать с него их никто не хотел. Приходилось с силой размахивать удочкой и бить обо что-то. Так в конце-концов сделал и Сашка. Потом он смотал снасть и ушёл подальше от рыбаков. К завершению рыбалки он первым ушёл в автобус, сел на заднее сидение, поднял воротник, закрыл глаза и притворился спящим. К нему больше никто не приставал, понимая состояние его рыбацкой души.

А с Олегом Викторовичем я потом встретился гораздо позже. Вернулся он в наши места один. Говорили, что он схоронил жену и не мог оставаться в тех местах. А приехал он туда, где прошли лучшие годы их совместной жизни. Рыбалку, говорили, он забросил совсем. В это я почему-то мало верил, но потом убедился сам.

Как-то на машине возвращался я с рыбалки и на окраине села встретил Олега Викторовича. Он ехал навстречу на машине. Я узнал его, моргнув светом, подал сигнал ему остановиться. Он сбросил скорость и, проехав меня, остановился на обочине. Я

вышел из машины и подошёл к нему. Он приоткрыл дверку, и мы поздоровались.

- Ты где теперь? – спросил я

- Да вот в этом селе. В участковой больнице, – ответил он.

Мы начали говорить на разные темы, но разговор повисал в воздухе и не клеился. Тогда я спросил:

- А с рыбалкой как?

- Да никак. Рыбалка осталась где-то там далеко, – ответил он, с сожалением. – Другими вещами надо было раньше больше заниматься. Близким людям внимания уделять. Да сейчас чего уж говорить об этом.

Мы оба замолчали. Он достал пачку «Беломора» и закурил. Потом сказал:

- Ладно, давай. Пока.

Включив скорость, он уехал, оставив меня одного на дороге в раздумье.

ПО ПЕРВОМУ ЛЬДУ

Мы осторожно передвигались по тонкому льду. Сильных морозов ещё не было. Но озёра уже схватило. На Суре появились небольшие окрайки. Посередине реки, задевая друг друга, плыло «сало». Если прислушаться, можно было услышать лёгкий шелест, похожий на тихий шёпот реки. Это было её мирное, недовольное бормотание. В воздухе неслышно приплясывали редкие снежинки и с большой неохотой ныряли в холодную тёмную воду. Солнце запуталось где-то там за рекой, за лесом, в плотных, тяжёлых разводах облаков.

Я смотрел на Славку, который ловко мелкими шажками скользил по, как мне казалось, прогибающемуся под ним льду озера. Лёд порой слегка потрескивал, немного этим пугая нас. Мы проделали уже несколько лунок, но рыба почему-то не ловилась. Иногда, когда бур весело проходил лёд, добираясь до воды,

раздавался звук, напоминавший мне звук выстрела из малокалиберной винтовки или похожий на звук пастушьего кнута. Он заставлял на миг напрячься и замереть.

Сидя на рыболовном ящике, я вспомнил случай. Тогда мы так же по первому льду собрались на рыбалку. Частенько мы ездили с Валентином на машине ГАЗ-66. Был такой отличный вездеход на почте. Вместо кузова была на нём будка. Окон в ней не было. И когда мы, вповалку разместившись на полу, ехали по бездорожью, то будку начинало сильно раскачивать, ощущения тогда были из не приятных. Но мы готовы были терпеть всё ради въевшейся в наши души рыбацкой страсти. Порой кто-то не выдерживал и начинал барабанить по будке и кричать водителю:

- Да останови ты, ради бога! Открой дверь, дай на белый свет посмотреть! Воздуху вольного вдохнуть!

Валентин останавливал машину. Открывал дверь и говорил:

- Нечего было вчера вино лопать. Так што терпи.

- Может, это... Дверь оставим открытой, – молящим голосом упрасивал тот, кто остановил машину.

- Давай попробуем. Там верёвка была. Привязать надо её покрепче, – смягчившись, говорил Валентин.

Я иногда посматривал на Вячеслава, отрывая свой сосредоточенный взгляд от кивка зимней удочки. А потом спросил его:

- Помнишь, когда-то мы в Кадышевские луга, так же на рыбалку по первому льду ездили?

- Как же не помню, конечно, помню, – ответил Вячеслав. И, помолчав, добавил. – Мало только уж от нашей компании людей-то осталось. Почти никого. А ты помнишь? Как над тобой тогда подсмеивались, ты с собой в запас взял сапоги болотники и носки шерстяные. Ну, чо, говорят, Еромин думаешь, лёд растает и ты в болотниках рыбачить будешь?

- Кто тогда чего только не подъелдыкивал. Кто говорил, что я в них зайду, и лёд обкалывать буду, и на летние удочки рыбачить начну, – ответил я Вячеславу.

- Мы тогда на Притворное вначале заехали, помню, – сказал Вячеслав. – Лёд чуть держал. Вдвоём рядом стоять нельзя было. Да чево вдвоём. Лунку пробуришь, посидишь немного, и вода начинает выступать. Приходилось ящик рыболовный плашмя класть и на него коленями вставать. И надо же, тогда тоже так же, как сейчас, ни разу не клюнуло. А потом-то мы, куда на Промзюк, што ли, поехали? Да, точно. Подъезжаем, вылезли из машины, я смотрю, двое пацанов, по льду на велосипедах гоняют. Меня аж в дрожь бросило. Кадышевские, видно, у них много таких отчаянных. Мост тогда ещё был там через Суру у Кадышева. Вот они и приехали. Я посмотрел, едут по льду, а он под колёсами прогибается и такой волной бежит. Снегу-то на нём не было, ветром всё сдуло. Слушай, у меня кто-то кивок шевельнул или показалось, – и он замолчал.

- Да мы тогда, помню, потоптались, потоптались, а на лёд выходить боимся, – продолжил я. – Кто-то пешней попробовал, говорит, что тонковат, не выдержит. Вот если бы лыжи широкие охотничьи были, можно было бы попробовать. И тут, помню, Степан молчком к машине, и вытаскивает из будки лыжи. Настоящие охотничьи. А сам ведь не охотник. Но он был мужик дошлый, конечно. У кого-то, как-то выманил, видно. И когда он их в машину только успел сунуть? Пришёл, наверно, раньше всех. И тогда все мужики сразу с завистью на него посмотрели. Начали говорить, что сейчас Степан Иваныч зайдёт и начнёт рыбу багрить, а мы с берега смотреть будем. А он довольный, лыжи надевает и говорит, что наловит и нам мелочь по дешёвке продаст. Все, помню, начали советы давать, где лучше идти по льду. Кто-то говорит, к траве не подходи. Другие, что лыжи надо плавно передвигать. В общем, кто чего. Помнишь? Сколько он тогда метров прошёл? Восемь, десять, наверное, и всё. Лёд и на лыжах его не выдержал. И тогда он в воду рухнул. И всё это молча. Я смотрю, а у него глаза по полтиннику стали. А Степан развернулся и к берегу как лось ломанул. Ладно, там не глубоко было. По пояс,

наверно. У него куда ящик, куда пешня, куда шапка. Прёт и лёд ломает. А у самого глаза шесть на девять стали.

- Помню, помню! Он как ледакол шёл, только льдины в разные стороны и лыжи за ним плывут. Долго мы тогда всё его хозяйство вылавливали, – сказал Славка улыбаясь. – Ладно ты, его тогда болотниками и носками выручил, а то замёрз бы он.

- Да не только сапогами и носками, я ему тёплые спортивные штаны свои отдал. Ватники снял, а под ними у меня штаны были, – сказал я. – Степан тогда долго вспоминал и удивлялся, что один я только ему с себя одежду дал.

- Нет уж, лучше в такое время не купаться, – сказал Вячеслав поёживаясь. – Может, домой, поедим? Не клюёт. Лёд прозрачный. Бойтся рыба, наверно.

И БЫЛ-ТО ВСЕГО ОДИН РАЗ...

- Вот ты говоришь, рыбалка. Я ведь зимой - нет, не на удочки, ни-как. Да я разве мотыля на мормышку насажу?

- И он показывал огромные руки, сжимал пальцы в кулаки, и они превращались в пудовые гири. - И на блесну - баловство.

- Ну а на сгар? У вас там места хорошие, озёр много. Можно хоро-шо поймать, если удачно попадёшь. Майна для тебя - не проблема, лю-бой лёд пробьёшь.

- Ба! Сказал! На минуту. Ну, понимаешь, не в этом дело. Не люблю.

Как все большие люди, он был добродушным. Я слышал о нём ис-торию от рыбаков и ждал: расскажет или нет? И надежды мои оправда-лись.

- Ты понимаешь, это надо постоянно караулить, ездить, днём, но-чью - когда он будет, сгар-то. Правда, и черпало, пешня, и даже острога где-то валяются. Был я, будь оно неладно, всего один раз, и после ска-зал: всё: хорош, никогда больше не пойду. Она хоть там на лёд пусть вылезит, рыба, не пойду.

- А что?

- Что-что? Ну сделал как-то я все эти прибабасы для ловли. А у меня сосед, Колька, баламут, говорит: «Сашка, там, на Большом озере, рыба начала подниматься». «Что, говорю, горит, что ли?» - «Да не знаю, гореть, может, и не горит, март уже. Но я сегодня ходил, пару шук заколол. Собираюсь опять. Пошли». - «Хм. Из-за двух шук переться? Нет». - «Смотри, я пойду». Ну ушёл он один, баламут. И надо же, мне тоже в душу запало. Начал подумывать, а не сходить ли? Ну хоть в разведку. Собрался, надел новые резиновые сапоги. Только купил для весны. Думал, малы будут. Нет, даже свободны. Бросил в рюкзак острогу, топорик, фонарик. Пошёл. Прихожу на озеро и напрямик к соседу, к Кольке, баламуту. «Ну что?». - «Да вот, одну заколол. А ты что безо всего?» - «Да у меня острога в рюкзаке и топор. Щас палку вырублю, насажу». «Давай-давай. Иди, у меня вон там под деревом ещё одна майна, иди давай, лови». Ну я пошёл, вырубил палку побольше, насадил острогу. Встал у Колькиной майны. Смотрю в воду, жду. Мужики узнали, кричат. «Чо, Санёк, рыбки захотел? Ну давай, давай. Ты тока лёд смотри не провали, а то вон какой. И острога у тебя подходящая. А черен то! Жердь, что ли, приспособил?» - «Да ему тока китов колоть. А, Санёк?». - «Да пошли вы все собакам сена давать». Ну кое-что ещё добавил. И понимаешь, вдруг в майне появляется щука, килограмма, чай, на три. Я про всё забыл. Ну, думаю, щас я её. Ну и размахиваюсь острогой, да с силой! А она вместо того, чтобы туда, в майну, в щуку, бьёт мне в носок сапога. Ладно, в самый край. Пробивает подошву и врезается в лёд, да так глубоко! А я сначала думал, в ногу. Как заору. Потом говорили, в посёлке было слышно. Врут, чай. Но мужик у соседней майны, точно помню, упал. Говорил потом, что споткнулся. Минут пять, помню, тишина. Потом все ринулись ко мне:

- Ты чо орал? В ногу, што ли, саданул?

Тут я опомнился. И дальше Сашка рассказал, как повёл на всех ка-ким-то звериным взглядом и просвистел на выдохе: «Нет, вроде в сапог только». - «А ты пошевели ногой, пошевели. Крови

вроде нет». Санёк попытался освободить ногу, потерял равновесие и упал на спину. Нога каким-то образом выскользнула из сапога, и он всей тушей оказался на спине на снегу с высоко поднятыми ногами, правая была голой. А у майны стоял новый сапог, пробитый мощной острогой, она вошла глу-боко в лёд.

И ты представляешь, что тут было!? Н-да. Потом успокоились. Вы-долбили острогу из льда. Потом острогу вырезали из сапога: «Сашка, надо же, как ты метко в сапог, а нога цела?» Как-как... Щуку увидел, за-махнулся, а черен здоровый. Оттого что длинный, за куст задел. Вот те-бе и «как». На этом я свою зимнюю рыбалку и закончил. А этот Коля-сосед, баламут, нет-нет да спросит: «Ну, Санёк, когда ещё на сгар пой-дём?» А сам лыбится. А я зимой - нет. Вот летом бредешком - другое дело!

А НЕ ВРЁШЬ?

Мотор мотоцикла пел свою песню. На душе у Сашки было светло и спокойно. Было утро. Рано. Но село жило уже своей отлаженной време-нем жизнью. Вовсю орали петухи. Мычали коровы, которых гнали в стадо. Громко, звучно переговаривались бабы. Слышался тихий деловой разговор мужиков, дымивших куревом, и от них проплывал неповторимый аромат махорки. Звенела колодезная цепь. Музыкай звучала, ударяясь о стенки ведра, прозрачная упругая струя воды. Восходящее солнце меняло на глазах цвет неба и краски окружающего мира. От реки, где с одного берега на другой перекинулся новый мост, шёл серебряный туман, двигаясь с водой по течению в лучах медленно восходящего солнца, он с явной неохотой покидал родившую его стихию. За рекой, обласканный светом нового дня, застыл лес, обняв спящие в лёгкой дымке луга. Среди всего этого царства зародившегося дня он, Сашка, на мотоцикле. Его тело, большое, сильное, мощное, слилось с этим поющим механизмом, движущимся по обросшей высокой травой дороге, и выглядело довольно забавно.

Сашка выехал на мост, посмотрел на реку и подумал: «Эх, порыбачить бы. Давно не баловал. Всё некогда. Вот опять сенокос. Траву на лугах надо посмотреть. Косить пора, пока погода. А то дождь, и всё». Он прекрасно знал эту крестьянскую мудрость: день год кормит. «Но всё равно надо как-то порыбачить». Любил до смерти рыбачить бреднем, хлебом, как говорить, не корми.

Он всегда любил и ждал весну. Любил ледоход на реке. Много сельчан в это время идут смотреть на плывущие и кружащиеся в весен-нем танце льдины и слушать музыку проснувшейся реки. Порой они с интересом и удивлением смотрели на причуду рыбаков, которые на бе-регу разматывали бредень. Один из них надевал ватные штаны, валенки, а поверх - водонепроницаемый костюм, применяемый для химзащиты. Он должен был идти вдоль берега по мелководу. Никто из сельчан та-кой рыбалки нигде не видел, да вряд ли больше увидит, ну там, с намёт-кой - другое дело. Вторым рыбаком доставал из сумки бутылку водки и за-куску. Он быстренько, в два приёма, опустошал бутылку. Потом мед-ленно раздевался, оставался в одних «семейных» трусах и, почувство-вав, что кровь «подогрелась» и стала циркулировать быстрее, брал кок-шу от бредня и говорил напарнику: «Ну что? Пошли?» - потихоньку за-ходил в воду, растягивая огромный бредень. И у тех, кто видел, как он шёл в заброд, по телу невольно пробежали мурашки. В это время с бере-га кто-то кричал: «Санёк, ну как водичка? А?» - «Иди, узнаешь». Там, где было глубоко, он окунался с головой и тянул бредень вплавь, мощно загребая воду сильной рукой. А сила у него была! Он свободно поднимал одной рукой две двухпудовые гири, связанные вместе.

Когда выборазживали, Санёк растирался тряпкой, набрасывал на могучие плечи фуфайку. К нему подбегали ребяташки, спрашивали: «Дядя Саня, не замёрз?» - «Есть маленько. Сейчас погреюсь». И, схватив кого-нибудь из них, начинал высоко подбрасывать над собой в воздух, ловко ловил и нежно ставил на землю. Поднимался писк и визг: «Дядя Саня, а меня!» Затем Сашка

вновь брал кокшу бредня и шёл в заброд. Рыбалка заканчивалась, когда Санёк начинал чувствовать, что «горючее» перестаёт действовать да и рыбы уже достаточно. На рыбу он был нежадный. Тогда он просил принести его сумку. Доставал из неё вторую бутылку водки, с большим удовольствием выпивал её и при этом нисколько не пьянел. Его могучий организм превращал водку в тепло, которое согревало, немного дурманило голову и веселило. «Ну а ты как? Непьющий? Устал? Сейчас немного - и пойдём. Рыбу делить надо», - говорил он тому, с кем рыбачил. И так повторялось которую весну. А что говорить летом!..

...Переехав реку, Сашка оказался в пойменных лугах, в тех местах, где одна река впадает в другую. Много есть превосходных слов, но не-возможно найти такие, которые, соединившись вместе, передали бы то, как соединила и смешала природа эти краски, запахи и ароматы приреч-ных лугов. С огромной силой со всех сторон проникают они в человека, заполняя всю его душу и тело, каждую его клетку. И кто хотя бы раз увидел и принял всем сердцем великое чудо родных лугов, тот никогда не сможет предать свою землю и изменить ей. На миг Сашке показалось, что он в сказке, где всё так прекрасно, и нет тебе ни горестей, ни обид, ни забот. «Трава подошла. Надо. Надо косить». Дорога нырнула в осколок леса у речки. Мотоцикл тряхнуло на ухабе. Сашка сбавил ско-рость. И вдруг сквозь немного стихшие выхлопы мотора услышал дикий крик. Отборные мужские слова. Он остановил мотоцикл, заглушил мотор. Слез на землю. Механизм весело и радостно заскрипел, освобождаясь от тяжёлого груза.

Сашка прислушался и начал пробираться на голоса. На небольшой поляне он увидел два мотоцикла, один из которых, нервничая, впопыхах пытался завести Сашкин сосед Колька. Он был так взбудоражен, что мотоцикл у него не заводился. Недалёко на берегу весь мокрый, перепачканный, в тине, с грязным лицом и с огромным синяком под глазом сидел мужик. Слипшиеся волосы, тоже были мокрые и грязные. Он пытался снять с себя болотные сапоги, но у него ничего не получалось, он ложился на спину и по

очереди высоко задирает ноги, в это время из сапог с шумом выливалась грязная вода. При этом он свирепо рычал и злобно орал: «Сволочь, убью! Скотина поганая, зарежу! Сожгу, твою мать! Погоди, я сейчас. Башку твою пустую оторву!» Сашка вначале даже не узнал Фёдора, заядлого и удачливого на селе рыбака.

- Э-э-э! Мужики, да вы чо! - закричал Сашка, выходя из кустов.

- А тебе какого... надо?! Тоже получить захотел?! Сейчас, только воду из сапог вылью! - в пылу, в горячках орал Фёдор, не признав Саш-ку. А когда узнал, то орал уже больше по инерции, для порядку.

- Николай, чего случилось?

- Чево-чево. Спроси у нево.

- Да погоди. Брось ты заводить. Расскажи.

- Чево. Приехал я на рыбалку. Выбрал место. Забросил удочки. Си-жу. Тут этот, как с горы на лыжах. У нево, видишь ли, ботник в кустах, - с обидой начал Николай. - Ну посидели. Покурили. Он пошёл, отцепил ботник, поплыл, у нево, видишь ли, тут жаки поставлены. Браконьёр хренов.

- Ну...

- Видишь, вон там, у таво берега, ветла склонилась, а сюда ближе коряга из воды торчит. Ну вот. Подымат он жак, еле выволок, а в нём сом, с тебя, чай, здоровый. Смотрю, Федька его по башке топором не-сколько раз долбанул, тот притих, и он его в ботник, башкой в корму. Дальше поплыл. Весёлый стал. «Ну, Колянъка, вино будет». Вон туда, чуть выше, у нево там тоже жаки. А я всё наблюдаю. И вижу: Федькина добыча вдруг ожила, да как ево по роже хвостом шарахнет! Ну он-то вместе с ботником кувырк - и вверх дном. Я аж подпрыгнул. Малость погода вынириват и орёт: помоги. Виш, какой он у нас ловкай: сома в воде за жабры ухватил. Ну а я чо, растерялся. Бегаю по берегу и ничего не соображу. Ни лодки у меня, ничево. А он вынырнет и опять орёт: по-моги. Нанырлся и нахлебался, наверно, вдоволь. Я каку-то шелушину схватил на берегу и ему протянул. Он сома-то отпустил

и за палку. Я ево на берег еле выволок. А он на меня драться. Да ты, чай, слыхал. Обидно, конечно, ему. Сом-то большой был! Подсоби, давай заведём, толкни. Да я домой поеду. Ну её, рыбалку эту.

Долго не мог успокоиться Фёдор после разыгравшейся трагедии. Всё грозил Кольке карой. Долго успокаивал его Сашка: «Да ладно тебе. Посмотри, красотыща-то какая! А воздух?! Чо тебе жрать, што ли, нече-во? Мы ево как-нибудь бредешком загребём. А синяк у тебя, конечно, шикарный. Не поверил бы. Слышь, Фёдор, давай собирайся домой. У меня бутылка есть, поехали, угощу.

Фёдор встрепенулся: «А не врёшь?!»

ПОДЛЁДНЫЙ ЛОВ

Славка плохо спал всю ночь, хоть и завёл будильник, - боялся про-спать. Раза два он вставал, сначала смотрел на часы, потом брал фона-рик и светил в окно, бросал взгляд на недавно выпавший снег. Потом он пристально вглядывался в шкалу термометра, прибитого за окном. Славка собрался на первую зимнюю рыбалку в этом году и страшно бо-ялся, что небольшой мороз, который сковал озёра, не дай Бог, вдруг сменит оттепель. Тогда мечты о рыбалке, о первом подлёдном лове рух-нут. Под утро на него набрёл сон, от которого ему стало так страшно, что он начал громко кричать. Вскочил с кровати, тяжело дыша. Встала и перепуганная жена:

- Что с тобой?

Славка посмотрел на неё непонимающими глазами и пробормотал:

- Не знаю... Ничего... Сон... Надо ведь, как наяву, - начал было объяснять Славка. - Помнишь? Мы ещё на старой квартире жили. На ок-тябрьскую, на праздник, тоже был снег, немного подморозило. Ты тогда упёрлась: «Никуда не пойдём. Никаких

праздников, никаких гулянок, никаких компаний. Надоело всё, давай дома отдохнём».

- Ну, знаешь что, - строго перебила жена, - хватит! И надо так орать! Со мной аж плохо стало. Я думала, ещё чего. Дай отдохнуть, и в выходные мне покоя нет. Давай, или спи или вставай, готовься куда со-брался. А то вскочишь: «На автобус опаздываю. Где то, где это».

Славка хотел матюгнуться, но передумал. Он вспомнил, что жена очень не любила эти «народные» слова. Скажешь, война будет, и от ры-балки потом никакой прелести.

А жена, как бы прочитав его мысли, продолжала:

- А то ты отдыхать поедешь, а я весь день - полы, посуда, стирка.

Славка засопел и ничего не сказал и на этот раз, а так хотелось. Он только вспомнил, как после подобных речей когда-то взял летом жену с сыном на рыбалку. Накачал лодку и уплыл на прикормленное место ры-бачить. И как через час жена, отдохнув и нарыбачившись, попросила сына звать отца и тот на всё озеро кричал: «Папа, поехали домой!». А когда Славка не обратил на это внимания, как бы не расслышав, присо-единилась к сыну. Славке пришлось, как говорят, сматывать удочки, а, как назло, так клевало...

Славка снова прилёг. И надо ведь, всё во сне, как наяву, отпеча-та-лось. Он вновь вспомнил тот ноябрьский день. Тогда стоял лёгкий моро-зец, улицы чуть припудрило снегом. Славка вышел во двор. Полюбо-вался прелестями погоды и подумал: «А в лесу-то и на озере ещё лучше!» Прошёлся по двору. Под ногами похрустывал ледешок в промёрзших лужах с большими белыми воздушными пузырями. «А на озёрах держит, что ли?» - спросил он сам себя. Он прошёлся по двору и зашёл домой. Включил телевизор. Шёл парад на Красной площади. Славка смотрел куда-то за экран и видел покрытое льдом озеро, на нём рыбаков и самое главное: они ловят рыбу, а он - дома! Такое не может терпеть ни

один уважающий себя рыбак. Он встал и пошёл на кухню. Жена что-то готовила.

- Мотоцикл, что ли, новый обкатать? - начал с подходом Славка.

В ответ громыхнула посуда.

- Давай-давай. Ледешок проверить хочешь. Да? Давай. Нет бы с семьёй, с сыном побыть.

Эти слова вызвали в Славке прилив упрямства. Он боднул головой воздух и твёрдо сказал:

- Надо обкатать. Погода - самое то, греться не будет.

Славка нашёл и надел ватные брюки, валенки с глубокими галошами, старую меховую куртку, а на голову - большую рыжую цигейковую ушанку. Выходя из дома, услышал слова жены:

- Смотри, сам не перегрейся где с друзьями!

Но эти колкости уже никак не могли задеть его, окутанного рыбацкой одеждой и мыслями. Он вывел из гаража мотоцикл, привязал пешню, сунул в карман несколько блесен, а за пазуху - удочку для блеснения.

...Он вырвался из посёлка, занятого праздничными хлопотами. Дорога, поднявшись по улице в гору, врезалась в лесной массив, оставив позади сельский погост и одетые лесом бугры, обступившие посёлок. Скоро остались где-то там, за спиной, лесная пожарная вышка, Озер-ский овраг и Фомичёва караулка. Дорога вырвалась на Полянскую стрелку. Впереди притихли на бугре домишки. Дорога прыгнула через мосток и покатила по окраине села, затем вдоль Долгого озера. Славка свернул направо - к речке. Проехал ферму. Слева за деревьями притаилось большое красивое озеро, Старая Сурка, старица Суры. Снегу здесь было гораздо больше. Хорошо были видны следы мотоциклов и машин. Славка дрогнул: «Неужели лёд держит? Неужели ловят?» Мотоцикл сам рванулся быстрее. Но когда он поехал вдоль покрытого льдом пустую-щего озера, в голове мелькнуло: «Недолго музыка играла... Нет, не держит». Славка остановился. Заглушил мотоцикл и слез. Подошёл ко льду. Место,

где соединялись несколько отрогов озера, называлось Кресты. Было видно: многие подъезжали, подходили, пробовали пешнёй, и всё. Но ему так не хотелось домой, в душную комнату! Он невесело скользил взглядом по тонкому, припудренному снегом льду, по берегу, по редкому кустарнику и одиноким деревьям. Взгляд его остановился на огромном сломанном дереве, нежно обнятом первым льдом. «Так. Может с него попробовать? Ветки, чай, до дна. Да и рыба у коряг и упавших деревьев любит собираться».

С этими рассуждениями Славка сделал первый шаг по стволу дерева. В одной руке он держал пешню, в другой - удочку с блесной. Второй шаг, третий - и дерево начало погружаться в воду. Потеряв равновесие, Славка рухнул на молоденький лёд, пробив его, оказался по горло в воде.

Вначале ему показалось, что его сунули в кипяток. Потом он попал в ледяные тиски. Зубы лязгнули, ко рту подступила вода. Славка подумал, что вокруг никого нет никого, и страшно испугался. И вдруг он вспомнил случай из раннего детства. Бабушка летом взяла его на Суру полоскать бельё. Пока она занималась делом, Славка купался и забрёл в глубокую яму, окунувшись с головой. Возраст был такой, что не только плавать, он думать-то толком не умел. Но вдруг откуда-то услышал голос:

- Выходить надо.

И тогда на виду у перепуганных женщин он появился из воды. Потом на протяжении многих лет он не мог понять, что это был за голос. И стал подумывать: наверное, откуда-то свыше.

Немного и на этот раз успокоившись, сказал себе: «Как-то надо выбираться». Он посмотрел вверх и увидел спускающийся куст вербы. Дотянулся до ветки, но она сломалась. Повторил попытку, и опять не-удача. Ноги всё глубже уходили в тину. Вода стала доходить до глаз. Да ещё шапка сползла на глаза. И Славка уже не помнил, как он ухватился за куст и стал подтягиваться, хватаясь за прочные ветки, оставляя на крутом берегу след от стекающей с него грязной воды. Отдышавшись, он встал, завёл мотоцикл и поехал. Вот ферма, дом для животноводов, а одежда

уже покрылась ледяной бронёй. Дрожал он сильнее, чем работающий мотоцикл, а лязг зубов заглушал, как ему казалось, звук двигателя. Когда он ввалился в дом, то у сторожа, растапливающего печь, выпало из рук полено: «Сынок, ты чо, утонул, што ли?». И кинулся раздевать Славку. Притащил откуда-то старые халаты и фуфайки, стал растирать трясущееся Славкино тело, придвигая к огню и укутывая. Сухой на Славке осталась только цигейковая шапка с развязавшимися полуопущенными ушами.

- Слу-ш-ш-ш-а-ай, д-д-дед, - выстрадал из себя Славка, - у м-м-м-е-е-ня д-д-друг Са-а-ашка рядом живёт, п-п-по-з-з-зови.

- Знаю, знаю, тоже рыбак. Я тебя мигом отвезу, у меня лошадка!

И вскоре Славка уже сидел в жарко натопленной избе, Сашка с от-цом и матерью хлопотали вокруг него. Отец налил гранёный стакан водки:

- Ну-ка, давай. И сразу весь.

- Ты на-ко, сынок, чайку горячего... А ты Саньк! Одежду-то на печь, а валенки-то на шесток, - суетилась Сашкина мать.

- Давай ещё по пять капель, - предложил отец, поглаживая порозо-вевшую лысину, - и лезь на печку, тебе прогреться надо.

Славка растянулся на тёплых кирпичах и ощутил блаженство, ко-торое он испытывал только в детстве, когда приходил зимним морозным вечером с улицы в родительский дом и располагался на печи. Звуки в трубе, букет запахов и какой-то неповторимый живой дух исходили от этой русской печи, приносившей тепло, уют и такое ласковое спокойствие. Только умный, добрый и душевный народ мог создать такой источник домашнего тепла. С этими мыслями Славка провалился в приятную яму глубокого сна.

Когда он проснулся, тихие сумерки вползали в окна деревенской избы. В доме никого не было. Старенькие ходики равномерно отстуки-вали время, расталкивая его качающимся маятником. «Пора, - подумал Славка, - дома, наверное, уже

хватились». Он слез с печки, надел приго-товленную ему одежду, вышел во двор, завёл мотоцикл и покатил. Ко-лёса дружно отмеряли метры замёрзшей земли. Синева вокруг густела и всё плотнее окутывала со всех сторон. Славка включил свет, и он запля-сал перед мотоциклом, раздвигая сумрак. Дорога пошла на подъём. «Ну вот, скоро вышка, а там и до дома недалеко, - подумал Славка, - расска-жу жене и сыну о моих приключениях».

Мотоцикл вдруг так кинуло в небольшой колее, что Славка еле удержался на нём. Мотор смолк, свет погас, и навалилась настоящая тьма. Славка сразу всё понял: слетела цепь, заклинило колесо.

- Да што это такое?! А? - взвыл он. - За што? Вот это денёк!

Дальше он изрёк такое, что, наверное, с трудом восприняла и по-глотила лесная тишина. Немного успокоившись, на ощупь приступил к ремонту. Он сломал все ногти, ободрал все руки до крови, но, увы, колесо не поддавалось. Славка так согрелся, что от него валил пар, а из-под шапки по лицу стекал пот. И за всё это время никто не проехал по дороге. Все нормальные люди сидели за праздничным столом.

Немного отдохнув, Славка волоком оттащил мотоцикл в кювет. «Пусть лежит. Пойду за подмогой». Спотыкаясь и скользя, в чужих, не по размеру, ботинках он зашагал в посёлок. Подходя к своему дому, Славка столкнулся с соседом. Тот и в будни, и в праздники всегда был трезв. Славка кинулся к нему:

- Сергей, выручай! Давай на твоём «жигулёнке» доедем, я в лесу свой мотоцикл оставил. Посветишь, я колесо отремонтирую и пригоню.

- А ты что за барахло на себя нацепил?

- Сергей, поехали, а то мотоцикл упрут! Я тебе всё потом расскажу.

- Ладно, сейчас. Дома ключи только возьму. Жди.

Славка тоже кинулся домой. Увидев его, жена остолбенела. А он молча метнулся на кухню, схватил кусок хлеба и колбасы и вылетел из дома.

И вот они с Сергеем уже мчатся к месту, где осталась сломанная техника. За это время Славка, как удав, проглотил еду и вкратце, но смачно и с картинками рассказал свою историю.

- Я тебя, Славка, никак не пойму. Как это тебя тянет от горячей ба-бы к холодному льду? Вот отморозишь свою удочку, бросит тебя баба... Слушай вот. Один рыбак собрался на зимнюю рыбалку. Вышел рано утром, а на улице мороз, буран. Он потоптался-потоптался и опять домой. Разделся и опять молчком к жене под одеяло - мырк. А она прижалась к нему и говорит: «А мой-то дурак в такую погоду на рыбалку поехал!»

- Анекдот, да? Сам придумал или кто рассказал? Стой, вон мото-цикл лежит! - выпалил Славка. - Ты давай развернись и свети.

Сергей стал разворачиваться, и машина, вдруг скакнув на кочке, смызнула в кювет. И как они ни бились, и что они ни делали, не могли вызволить её оттуда.

- Ну чо, грешник великий? Топай за машиной. Иначе хана, - поды-тожил Сергей.

Славка вновь поплёлся в посёлок, в душе проклиная всех и вся. «Это, чай, она намолила», - вспомнил он и жену. - Пойду в ментовку, может, помогут». Когда он зашёл в милицию, дежурный вначале не узнал его, а, признав, спросил:

- Ты что в таком наряде в праздник да середь ночи?

- Слушай, - взмолился Славка, - машина нужна!

- Ты чо, какая машина? Ты посмотри, время два часа ночи.

Мы во-дилу домой отпустили.

Но, сжалившись, посоветовал:

- А ты до скорой дойди. Может, помогут.

Славка, весь разбитый и измученный, призывая вех богов на по-мощь, направился в скорую помощь, и хорошо, что она находилась ря-дом. Славке повезло, дежурил знакомый врач, хороший мужик, сам лю-битель охоты и рыбалки.

- Что случилось? Заболел кто? - спросил он.

- Да нет. Тут вот такая история, - поведал Славка.

- Ладно, у нас в той стороне посёлка вызов, - сказал врач, - садись в машину. Мы больного обслужим ну и проскочим.

Славка не поверил своим ушам.

...В Славкином доме не ложились спать. То сын, то жена поглядывали в окно. Переговаривались и думали: что же случилось и что делать. Вдруг около дома остановилась машина. Жена посмотрела в окно.

- Ну вот, иди, сынок, погляди. Нарыбачился твой папаша. Выгру-жают, винца напоролся и мотоцикл где-то бросил, - как из ружья, выпала-лила она. Сын долго и внимательно смотрел в окно, потом произнёс:

- Да нет, мам, это папа из «скорой помощи» мотоцикл выгружает. А вон и дядя Серёжа подъехал.

Немного погодя Славка втащил в комнату Сергея.

- Давай, давай, заходи, раздевайся, сейчас праздновать будем.

- Ты же знаешь, я только чай.

До утра в Славкином доме горел свет, и он, разгоряченный и хмельной, рассказывал:

- И когда я это, нырнул с дерева в воду, там рыбы - тьма. Окунь вот такие!

На то он ведь и рыбак.

...Вот от такого сна проснулся и всех всполошил криком Славка. Он тихо встал, собрался, подошёл к двери, чтобы выйти из дома, и услышал голос жены:

- Ты уж, пожалуйста, не как в том году!

РЫБКА МОЯ

Лёшка и сам толком не понял, как это всё получилось. Не залади-лось как-то с женой. Раньше жили нормально. И называл он её часто «рыбка моя». А тут слово за слово - «акула зубастая» и даже гораздо хуже... И вот однажды она собрала вещички и уплыла

к маме в город. Лёшка сильно переживал, хотя вида не показывал. Немного успокоившись, начал писать жене письма. Перед отправкой перечитывал их и сам содрогался от написанного: «Неужели это не тронет, не проймёт её? А?» - с надеждой думал он.

И вот долгожданный ответ: «Может быть, приеду в гости на Новый год».

В душе Лёшка ликовал, но на людях был спокоен, едва скрывая свои чувства. Новый год медленно, как казалось Лёшке, но приближался. Дня за два он решил съездить в лес за ёлкой, а заодно проверить озёра. На некоторых уже прошёл «сгар». «Повезёт, попаду на «сгар», пой-маю рыбы к новогоднему столу», - мечтал он, кладя в коляску старенького мотоцикла топор, пешню, черпало и пару мешков.

Мороз и снег не пугали Алексея. От природы он был крепким и здоровым, а помахав в кузне молотом, ещё больше закалил себя. Раскрасневшись от облизывающего его лицо холодного воздуха, он пробирался по снежным волнам лесной дороги. Иногда спрыгивал с мотоцикла, чтобы подтолкнуть, если тот застревал. А вот и еловые посадки. Лёха выбрал приглянувшуюся ёлку.

- Думаю, понравится моей Снегурочке, - улыбался он, нежно укладывая ёлку в коляску и вслух разговаривая сам с собой.

- Так, а теперь проверю озеро.

Лёшка знал, и не только от рыбаков, что оно «горит» обычно на Новый год или накануне, и крайне был удивлён: на озере не было ничего. Взяв пешню, он сошёл на лёд, выбрал место и играючи прорубил майну. Очистил её ото льда. Пристально глядя в тёмное водяное окно, старался угадать: будет «сгар» или нет. Вода припахивала, «мимра» - мелкая рыбёшка - начинала клубиться в майне. Лёшка сделал вывод: надо ждать.

На озеро и окружавший его лес, как-то сразу рухнув, упала ночь. Лёшка наладил костёр. В большой жестяной банке заварил смородино-вый чай. Закусил салом с хлебом. Ночевать одному в

лесу даже зимой ему было нормально. Он был настоящий мужик - рыбак и охотник. Лёнька дремал у костра, который согревал его тело, а душу грела пред-стоящая встреча с женой. В дреме ему даже виделись любовные сцены, и он что-то бормотал и улыбался. Временами, стряхивая сон, проверял майну - рыба не шла. Минула ночь. И только днём немного стала тя-нуться рыба и то периодами. В Лёшке проснулся инстинкт - зов предков. Он прорубил ещё три майны и забыл обо всём на свете. Он метался от одной майны к другой.

К вечеру он наловил целую коляску рыбы, а она всё шла и шла. Он умудрился утопить топор. Попробовал достать палкой, черпалом - не получилось. Надумал нырять. Разделся догола и, попрыгав у майны, не решился. «Да ну его на хрен, ещё русалка утащит или прибор оторвёт», - и, рассмеявшись, мигом оделся и кинулся к костру. Теперь это было тлевшее большое сухое дерево на берегу. Так он вторую ночь ловил, бе-гал, грелся, дремал. А рыба всё шла. Когда он спал, ему привиделось, будто его окружили огромные чудовища и решили казнить - сжечь на костре. Лёшка вскочил и рванул от чудищ, очнулся в лесу недалеко от костра. Большой палец правой ноги стал мёрзнуть - прогорел валенок. Дыру пришлось заткнуть тряпкой.

Зародилось новое утро. А рыба шла. Лёшка, сломал черпало. А рыба шла. Он наловил ещё два мешка. Сбросил старый шубнячок, закатал рукава и ловил руками. Они стали похожи на красные гусиные лапы. Мужики, приехавшие на озеро, издали с другого берега не могли понять, что это. Что за зверь на льду и что он делает. Подойдя ближе, они всё поняли. А Лёшка, взглянув в их сторону, дико сверкнув глазами, прохрипел:

- Не подходи, это мои майны! Моя рыба. Руби свои!
- Да ты чё, Лёха? Чо с тобой? С Новым годом тебя!
- С каким ещё Новым годом?
- Да сегодня же первое января!

Тогда-то Лёшка пришёл в себя и принял человеческую позу - встал на ноги.

- Там, Лёха, у тебя вроде жена приехала.
- Не вроде, а точно, - сказал второй мужик, - моя её видела.

Что-то прорывав, Лёшка ринулся к мотоциклу. И вскоре, гружённый рыбой и ёлкой, он летел домой, бормоча: «Рыбонька моя, да что же это я наделал! Рыбонька моя!» Ворвавшись в дом, он увидел мать, хлопотавшую у русской печи.

- Где? - выдохнул Лёшка. - Жена где?
- Где-где. Уехала... Не знай, где тебя носит!

Лёшка молча доскочил до автостанции, но автобус уже ушёл. Можно себе представить, в каком состоянии бедолага добрался до дома. Там его ждали друзья.

- Лёша, да не переживай ты так! Ты пойми: самое главное, что лю-бит она тебя. Дурило! Раз приехала, точно любит! Да ещё не всё потеря-но, у нас ещё один Новый год впереди – по-старому! Махнёшь к ней сам, к своей «рыбке»! Ну и рыбки отвезёшь!

НОВОРОЖДЁННЫЙ

Анатолий шёл по улице посёлка и радовался. Он не радовался так никогда в жизни. А может, просто забыл, что когда-то радовался с такой силой чувств.

- Нет, это надо сегодня обязательно отметить, отпраздновать, сна-чала на работе, а потом дома, - сказал Анатолий вслух.

Незнакомая женщина, которая прошла мимо, с удивлением огля-нулась на него.

А Анатолий шёл по заснеженному посёлку, с удовольствием вдыхая лёгкий морозный воздух. Душа его играла, пела и приплясывала, как ему казалось. Негромкое поскрипывание снега под сапогами слышалось ему громким гимном, гимном жизни. Ему хотелось обнять, поцеловать идущих людей. Сегодня он любил всех, весь мир. Ему даже хотелось поцеловать стоящий на площади памятник, мимо которого он проходил. Он с такой любовью посмотрел на идущих навстречу молодых девушек, что

они невольно переглянулись, потом тихо засмеялись и о чём-то негромко зашептались. А Анатолий шёл и радовался. Впереди стояло несколько человек. Это были знакомые Анатолию мужики, они о чём-то разговаривали между собой. Он подошёл к ним и с большим удовольствием, с широченной улыбкой поздоровался с каждым. Он крепко пожимал протянутую руку, произнося:

- Здравствуйте, здравствуйте! Как ваша жизнь молодецкая? Как обстановка военная? Спрашиваете, как у меня? Всё отлично! Лучше не бывает! Вери вел! Как говорят наши лучшие друзья!

- Слушай, Анатолий, - спросил его Георгий, поглаживая свою начинающую седесть бородку. – Ты, говорят, рыбу продаёшь? Вчера, слышал, много наловил. На згар удачно попал. Угостил бы рыбкой-то.

И было заметно, как лёгкие тучки набежали на лицо Анатолия. Их тень поубавила радости на нём. Он внимательно, изучающе посмотрел на Георгия, размышляя при этом, как воспринимать его слова.

- Да понимаете, мужики... Я ведь вчера ничего и не поймал, - от-ветил он.

- Как не поймал? – переспросил Михаил. – А я слышал, наоборот.

- Ты даже руками, говорят, ловил, а не черпалом! – с улыбкой до-бавил Виталий.

- Да кто вам наборонил такое, - чуть нахмурившись, произнёс Анатолий.

- Я даже слышал, что ты увидел в майне огромную щуку и бросил-ся за ней, забыв своё черпало, - с наигранной серьёзностью добавил Алексей.

И тут Анатолий понял, что мужики всё уже знают и подтрунивают над ним.

- Ни за какой щукой я в майну не прыгал. Это уж вы сами приду-мали, - изрёк Анатолий.

- Как не прыгал? Я слышал, прыгал! Да ещё как прыгал, - сказал кто-то.

- Это вам кто-то здорово насвистел, а вы уши и развесили, - уже повеселев, ответил Анатолий. И он начал рассказывать о случившемся на рыбалке:

- Услышал я, мужики, вчера вечером, что Сурка начала гореть. Ну, я к ребятам, и предложил им махнуть на згар. Мы снасти в машину, и туда. Приехали, уже стемнело. Народу полно. Окунишка, говорят, начал тянуться потихоньку. Ждут хорошей рыбы. Мы пешни и черпала в зубы, и давай место на льду под майны искать. Я нашёл, полушубок снял, и давай майну рубить. Поторапливаюсь. А лёд не сказать чтобы толстый, но, в общем, приличный. Я, наверно, с час упражнялся. Пробил, и надо было мне льдину из майны под лёд толкнуть. Решил мужиков позвать, а рядом все куда-то подевались, нет никого. Ладно, думаю, один управлюсь. Утопил у льдины один край, в другой упёрся пешнёй. Подналёг. Вначале она не поддавалась, а потом - шмыг под лёд. У меня пешня соскочила, и я головой в воду, в майну. Помню только - одни ноги на льду остались. Даже испугаться не успел, и тут же отключился. Сколько прошло времени, не знаю. Очнулся в машине на заднем сиденьи, в чужой одежде, и меня всего колотит.

- Тут, небось, заколотит, - сказал кто-то с сочувствием.

- Мужики увидели, что я очухался. Остановили машину, достали бутылку, наливают, а у меня зубы барабанную дробь отбивают. Я всё-таки с трудом, но выпил.

- В этом случае обязательно надо. Пьёшь или не пьёшь, а надо. Это как лекарство, - сказал Алексей, сглатывая слюну.

- Малость погода я чуток оправился. Мужики интересуются, куда едем: в больницу или домой? Говорю: только домой. А их потом спрашиваю: что со мной приключилось-то? У меня ведь память разом от-шибло. А они мне отвечают: благодари бога, поставь, говорят, обяза-тельно свечку. Хорошо, говорят, Колька с Генкой мимо твоей майны пошли. Фонариком светят и видят: в майне шапка плавает и ноги торчат. А я к этому времени воды озёрной много выпил. Они меня вытащили, и эту воду, говорят, из меня - назад в озеро, и дыхание давай восста-навливать. Потом - в

машину. Переделали, а в чувство никак не привели, ну, и меня в больницу. А я по дороге-то и очухался. Спасибо огромное мужикам. А дома-то я в баню угодил, жена днём топила, как словно чуяла.

- Ну, что, Анатолий, с днём рождения! Больше, чай, не поедешь за щуками-то? – улыбаясь, спросил Георгий.

- Да што это. Она, зараза-то, во мне крепко сидит. Не едешь, и ума нет. А вот разок-другой, и всё, гребтись начинает. Так и тянет, будто от соски оторвали. Жена, правда, кричит: больше никуда! На кой мне твоя рыба, говорит, сдалась. А я так думаю: поживём – увидим, – высказал свои мысли Анатолий.

- Ты, чай, сегодня день рождения отмечать будешь, считай, вто-рой раз родился, - сказал кто-то из мужиков.

- Да вы што, мужики! Обязательно! И свечку поставлю, - воскликнул Анатолий.

СТЕРЛЯДЬ

Дед услышал от соседа, что в Суре вновь появилась стерлядь и даже стала брать на закидные удочки на овсянник. Правда, как пояснил Михаил, была очень мелкая. Гвоздики-то и раньше как помнит дед, тоже клевали и их тогда приходилось выпускать опять в речку. А сейчас, наверно, мало кто отпустит, размышлял дед, но если уж мелочь клюёт, то и крупная должна быть. И вдруг ему вновь захотелось на рыбалку. Да так, что он стал искать припрятанные в сарае закидные удочки. Нашёл он там и старый керосиновый фонарь, как его раньше называли: «летучую мышь», с которым он когда-то рыбачил по ночам. Принёс и положил всё в сени, решив посмотреть и отремонтировать.

Жена, увидев это, начала недовольно что-то ворчать. Дед, услышав её, коротко, но твёрдо сказал:

- Не брюзжи. Вот возьму и пойду!

Он сел и стал перебирать снасти. И только как он взял в руки удочки, словно наяву стали появляться, как живые, картины из прошлого. Как будто они притаились и жили в этих нехитрых приспособлениях, палочках с леской и крючками.

Он увидел себя мальчишкой с такими же удочками, спешащим на красавицу Суру. Вот он вышел из дома. Прошёл по своей улице и спустился с Горюновой горы. А там мимо нефтебазы по мостику через речушку Промзу. По Ёрзовке дошёл до моста через Суру. А вот она и печина на той стороне реки. Сколько раз он сюда приходил и охотился на стерлядку. Вначале он раздевался и доставал из воды крух ила и выбирал из него вкуснейшую наживку для стерляди – овсянник. Так местные рыбаки называли бабочку однодневку. Потом он торопился забросить удочки. Сильно раскачивал рукой грузило и старался закинуть снасть как можно дальше в воду. Но ему постоянно не везло. Клевала и попадалась на крючок разная мелочь, пескари и ерши, а вот стерлядь почему-то нет. Как бы не просил он этого у реки.

И вот однажды он увидел двух рыбаков плывущих на рыбацких лодках от моста вниз по Суре. Лодки плавно и легко скользили по серебряному зеркалу воды. Это были специальные выдолбленные из ствола ветлы ботники, так ещё называли эти лодки. В посёлке были настоящие мастера по изготовлению таких лодок. Иван, который управлял одной из них, был хорошим специалистом в этом деле. В другой лодке, ловко орудуя одним веслом, плыл Александр, сын Ивана. Он слыл большим мастером ловли стерляди на закидные удочки. Дед в то время хоть и был парнишкой, но многие знали его в посёлке по отцу. Посёлок-то их был не особо велик. Пройдёшь по улице, и тебя многие увидят и обсудят до десятого колена. Узнав плывущих на лодках рыбаков, дед помнит, поздоровался с ними. Те тоже ответили ему, а Александр ещё к тому же сказал:

- Я смотрю, ты больно далеко забрасываешь. Здесь надо метров на десять на двенадцать не больше. Ты попробуй.

Дед вспоминает, как бесшумно проплыли мимо него рыбаки, как он выбрал из воды леску вначале одной закидной удочки. И, разводя руки в стороны, отмерил десять метров и вновь забросил её. Потом выбрал из воды леску второй и отмерил двенадцать метров и тоже забросил. Сколько прошло времени, он не помнит, но, наверно, очень мало. Рыбаки на лодках даже ещё не успели скрыться за изгибом реки. Короткое ореховое удище одной из закидных, где он отмерил десять метров, вначале кивнуло раз, потом второй, а потом и третий. Дед не помнит, как выдернул он тогда воткнутое в берег удище, как дёрнул его на себя. А вот когда перехватил левой рукой леску и начал её выбирать, то понял, что там, в воде на крючке, уж точно не пескарь или ёрш. Леска натянулась и ходила из стороны в сторону, и чувствовались её рывки. А вскоре, помнит он, увидел тогда в воде, у берега, как ему показалось, огромную рыбину. Это была стерлядь. Его первая стерлядь, которую он так хотел поймать и вот, наконец, поймал. Он с трудом верил в это счастье. Сердце его быстро-быстро забилося в груди. Руки слегка задрожали, но он не растерялся, и крепко держа леску в руках, побежал подальше от воды. Остановился он только тогда, когда рыба была на берегу на безопасном расстоянии от её стихии. Увидев, что она слетела с крючка, он бросился и упал на неё грудью, при этом уколовшись об её острые шипы. Затем, усевшись на рыбу верхом, стал держать её ногами. Он, путаясь в одежде, быстро снял с себя рубашку и завернул в неё стерлядь, и только после этого отдышался и немного пришёл в себя. Потом как попало, сильно торопясь, смотал удочки, постоянно посматривая на завернутую в рубаху добычу, которая пыталась делать движения и выбраться на свободу. Бросив удочки в высокую траву на берегу, он побежал домой. Пробегая по мосту, споткнулся и чуть не упал и не выронил драгоценную добычу. Мужик, дежуривший на барже, с помощью которой разводили мост, чтобы пропустить катера и баржи, удивлённо посмотрев на него, спросил:

- Ты што это сынок? Што случилось? Што так бежишь?

- Ничего не случилось! Рыбу поймал! Стерлядку! Вот што случилось! – не останавливаясь, на бегу, радостно крикнул ему он в ответ.

Прижимая к груди свёрток, он то бежал, то переходил на шаг, стараясь как можно быстрее добраться до дома. А в голове билась радостная мысль:

- Счас я им покажу. Счас я их обрадую.

- Ты бы лучше делом занялся. Ведро бы вон вынес. Воды для полива запас. Луку к обеду нарвал, – услышал он недовольный голос жены. – А ты тут принёс свой хлам, только грязь разводишь.

- Тьфу ты, – сплюнул дед, оторвавшись от удочек.

Он встал и размял затёкшие ноги. На его лице было выражение, словно его оторвали от телевизора, где он смотрел любимый фильм.

После обеда дед вновь уселся за ремонт удочек. И надо же, словно кто вновь включил телевизор, опять к нему явились картины – воспоминания.

- Так вот эта, пожалуй, не пойдёт. Леска вся испрела. Удилище треснуло, – рассуждал он вслух.

Дед вспомнил, как тоже мальчишкой не заметил подобных изъянов на удилище и чуть не упустил хорошую стерлядку. А всё на том же любимом местечке за печиной. И клюнула она тогда хорошо. Можно сказать даже здорово. Удилище аж чуть не до воды кивнуло. Помнит, подсёк он её тогда ловко, а затем услышал вначале треск, а после увидел отплывающий от берега обломок удилища. И тогда он прямо в одежде нырнул в воду и уж не помнит, как ему удалось схватить изломанную снасть и выбраться с ней на берег. Он, не обращая внимания на стекающую с него воду, начал быстро выбирать леску. Та легко вынималась из воды, и он не чувствовал никакого сопротивления, какое обычно оказывала пойманная рыба. Он едва удержался, чтобы не закричать от обиды, что так всё глупо получилось. Что он упустил добычу. Но что это? Леска вдруг натянулась, и на глади воды появилась стерлядь неплохих размеров. Затем она нырнула в глубь и,

вырвавшись от туда, выпрыгнула высоко в воздух, и как говорят, дала свечу, пытаясь освободиться от поймавшего её крючка. Но всё, к счастью, обошлось. Вскоре она плавала в воде, но только уже на надёжном и прочном кукане. А он, довольный, снял с себя мокрую одежду, отжал и повесил на прибрежные кусты.

- Ну, смотри-ка, опять ерундой занялся, – услышал вновь дед, слова жены. – Приляг, отдохни маленько. Што тебе неймётся? Или вот иди, закрути лучше банку с огурцами. У меня што-то не получается. И куда же это ты у меня наострился?

- Куда, куда, на Суру, за стерлядкой! Вот куда, – сказал дед, орудуя закруткой.

- Так её там давным-давно уж нет. А помню, какая была! Ты тогда килограмма на три с половиной как-то привёз.

- Это мы тогда, вообще-то, за карасями поехали. На Красный яр. Там озеро недалеко от Суры. Метров сто, не больше. И за одним другом, помню, ещё в Лаву заехали. Он сетёшку для верности взял, чтобы на уху наверняка поймать. Приехали мы, а с нами ещё был Николай Иванович с внучатами. Ну, ты его знаешь. Он на соседней улице жил. Без руки, а рыбак был заядлый.

- Так как же это он? Червяков-то ему кто на крючок насаживал, с одной рукой-то? Внуки што-ли? – спросила деда жена.

- Да нет, почему же, он и сам мог? – ответил дед.

- Как он их, зубами, што-ли, держал, когда насаживал? – допытывала жена деда.

- Конечно, зубами, – пряча улыбку, ответил серьёзно дед.

- Фу, гадость какая! Как это он только мог? Я, вот убей ни за што на свете, заразу такую и в рот! – скривив лицо и закрыв глаза, сказала жена.

- А он их, прежде чем насаживать, процедуру с ними одну делал, дезинфекцию, – ответил дед.

- Это ещё какую дезинфекцию? – не поняла жена, внимательно смотря на мужа.

- Очень простую. Он, прежде чем червяка в рот брать и на крючок насаживать, он его в стакан с водкой опускал. А потом когда насадит, рот водкой прополаскивал, а водку затем проглатывал, – серьёзно без улыбки пояснил дед.

- Вот что я тебе скажу. Язык твой, враг твой, был и до старости остался, – с обидой сказала жена.

- Да ладно уж. И пошутить нельзя.

- Надоели мне за жизнь твои шуточки!

- Ну как он червяка-то? Между коленок зажмёт и крючком его подцепит, и все дела тут, – уже серьёзно сказал дед. – Так вот, мы тогда стали в озере-то ловить. А в нём карась чуть больше пальца, и ведь надо весь такой. Как один. Я помню, ещё на лодке заплыл. И туда, и сюда, и прикормку кидал. Всё одно. Думаю, нет, с такой рыбой ты меня домой непустишь. Ну и ловить перестал тогда. Прикинул, если утром так же будет, уйду на Суру. Хорошо што с собой закидные взял.

Заварганили мы тогда уху, помнится целое ведро, из этой мелочёвки. А тут гром, гроза. Дождик, правда, так, малость сбрызнул и перестал. Уху мы потом доварили. Николай Иванович внукам говорит, чтобы принесли из машины перца. Какая уха без перца? Те спрашивают сколько нести. Дед им говорит, чтобы несли весь. Бабушка должна положить на целое ведро, ну и чтобы высыпали сразу. Те взяли и бухнули. Мы туда, сюда, но было поздно. Попробовали ложкой, а эта уха до задницы, кишки продирает. Из рта и штанов искры вот-вот полетят. Огнетушитель хоть из машины бери.

- Ну и как же вы? – спросила жена деда.

- Как на рыбалке и на охоте-то? Достаем бутылку. Разливаем. Ну и за неё. Штобы ни чешуи и не хвоста. В общем, за удачу. Выпили по одной. По ложечки ухи хлебнули. И ложки положили. Поговорили малость. По второй пропустили. Перец тем временем малость осел на дно. Мы уже по несколько ложек съели. Только ложками приходилось работать потише, што бы перец со дна не поднимать. А когда вторую бутылку открыли, то не заметили, как

ложками до дна ведра добрались. А тут дождик. Мы в машину и спать. Утром опять рыбачить. Только карась за ночь несколько не подрос. И я тогда, как говорят, закидные удочки в зубы, ноги в руки и на Суру. Нарыл в круче овсяннику, в одном месте попробовал, закинул ничево. Перешёл выше печины и только забросил, вот она и взяла. Только я её вытащил и на кукан приладил, пароходишко этот идёт, на воздушной подушке. Волну как поднял, ну и всё. Вся рыба, видно, разбежалась. Потом всё только вроде бы успокоилось, он обратно идет. Все надежды у меня и рухнули. А тут друзья идут. Они там ещё раз уху варили. Подлечились. У них настроение хорошее. Стоят на круче и мне всякие шуточки отпускают. Ну, мол, как клёв? А у нас, наверно, клевало лучше. Я так потерпел немного, потом говорю, чтобы они посмотрели там, у дерева, што склонилось в воду, вроде там што-то плавает. А они опять мне, что очки и бинокль в машине оставили. И што они ничево таково там не видят. Пришлось кукан самому ближе к берегу подтянуть. И тут, увидев стерлядь, они сразу, помню, замолчали и переглянулись, а потом все дружно побежали к машине за снастями. Но, увы. Долго мы тогда ещё сидели, но поклёвок ни у ково не было.

- Давно ты не хвастался. Вот тебе губу-то и разъело, ты и навострился. Думаешь, опять, как тогда повезёт? Не знай. Навряд-ли, – покачав головой, сказала жена деду.

- Да уш. Везенье-то дело такое, – согласился дед. – Порой другой закон действует. Даже не поймёшь какой. Вот мы с другом Степаном, тоже где-то в тех местах рыбачили. Только мы туда с нашей стороны на машине подъезжали. А на другую, на правую сторону Суры, мы тогда, переплывали на лодке. Да, может, я тебе и рассказывал? Нет. Переплыли мы как-то утром рано. Дело было после дождя. Он где-то там, в верховьях Суры, прошёл. И вода у нас здесь прибыла. Подплыл я к месту, где раньше рыбачил, смотрю, песок затоплен. А чуть в стороне такая земляная глыба выступает. Она чем-то на шар была похожа, выступающий из воды. Вот я подумал, с неё и порыбачу. Лодку резиновую причалил

рядом, взобрался на это место. Пару закидных удочек забросил вроде бы ничиво. Правда, места маловато.

- Короче не можешь? А то рассусолил, – сказала жена деду.

- А если короче, долго ничего не клевало. Потом поклёвка. Подсекаю, вытаскиваю – стерлядка. Не больно большая, но и не маленькая. С крючка снял и хотел в лодку бросить. Смотрю, в ней грязи полно, думаю, нет, в жабры набьётся. И стал по карманам кукан искать. Встал во весь рост, по карманам хлопаю левой рукой, а правой за жабры стерлядку держу. И вдруг чувствую, равновесие теряю, ну и замахал руками, как словно взлететь хочу. Качался-качался, мотался,-мотался, махал-махал. Да так махнул, что стерлядь-то у меня из руки в воду и полетела. Метров на пятнадцать я её маханул. Ну и заорал я тогда, вроде того, такие слова, «что в текстолитовую шестерню газораспределительного механизма! В дуб её мать корня кубического возведи!» Ну и так далее. А Степан-то слышит, а не поймёт, чо это я такое кричу. Спрашивает. Ну а я ему, мол, разнеси её неси, чистая теперь стала. А он только одно слово, чистая и разобрал, а кто чистая, не поймёт. Ну и пришлось ему всё по мужски объяснить. Я с расстройства бросил рыбачить, сел в лодку и уплыл. Переплыл, лёг в машину. Хотел задремать, успокоиться, да только куда там.

- Иди, Христа ради. А то голову от твоих рассказов что-то сверлить начало, – потирая лоб, как после ушиба, сказала жена.

- С этими бабами, всё ни славу богу. То это не эдак, то это не так, – сказал дед, возвращаясь к своим удочкам.

В этот раз ему попалась удочка с грузилом и тонким, напрямую разогнутым крючком на поводке. И он сразу всё вспомнил. На неё он охотился там, за Никольской горой. Много тогда здесь народу рыбачило одно время, только вот не все ловили. А тоже стерлядь клевала. Они со Степаном туда тоже наладили. Што-то только вначале у них не заладилось. Рядом с ними люди ловят, а они нет. И тогда дед, помнит, ушёл в самый низ, где народу нет. Раньше тут на берегу склады заготзерна были, и надыбал он там местечко. Правда, ни сразу, но нашёл, где ход у

стерляди. Пришлось снасть забрасывать, где-то на двадцать три метра. Стал немного ловить и молчал об этом. Даже Степану не сказал. А тот всё метался, садился на те, места, где кто-то ловил. Но ему или не везло, или не на то расстояние он удочки забрасывал. Не ловилось у него, и всё тут. И тогда он пошёл на хитрость. И надо же, выбрал время. Звонит, помнит дед, к вечеру. Вначале разговор о том, о сём. Потом говорит, что сегодня уж на рыбалку, наверное, не пойдём. Говорит, там видишь на улице, гром, гроза, тучи надвигаются, уж если пойдём то завтра. Так и решили. А в конце разговора просит сказать, как другу, что ловишь ты там или нет. А сам божится, что никому говорить не будет, и на моё место садится рыбачить не собирается. Да и не знает, на какое расстояние там забрасывать. А сам говорит, что думает, метров на двадцать пять, наверное надо. И дед тогда решил проверить друга, если он ему скажет, на сколько, забрасывать надо. Поедет тот сегодня один, или нет? Взял и сказал.

Утром деду позвонили, и сказали, что его друг ходит на работе и всем рассказывает и показывает, как он вчера двух стерлядок огрёб. Вот тебе и друг. Вот и не поедем. И в следующий раз дед пошёл на рыбалку один. Он сидел, как обычно, на своём месте, но поклёвок не было. Тогда уже был конец июля. Это то время, когда начинал вылетать, или как говорили, сориться овсянник. И клёв стерляди начинал немного угасать. Ей начинало хватать любимого корма и так. Но всё же она немного, но брала. И дед, не терял тогда надежды. Вскоре к нему присоединился Василич, старинный или как говорили, бывалый рыбак.

Начинало темнеть, но клёва по-прежнему не было. Они зажгли керосиновые фонари и продолжали ждать поклёвки. Дед посмотрел на старого друга, «летучую мышь», который сейчас стоял рядом с ним в сених. Он хорошо помнил, как они начали в то время разговор с Василичем, почему и от чего не клюёт. Тогда он стал доказывать Василичу, что крючки у них тяжёлые, и от этого поводки плохо играют в воде. Что надо крючки по тоньше и полегче, и что у него есть такие, но слабые и разгибаются, и не

выдержат хорошую рыбу. Василич, помнится, стал его уговаривать, чтобы такой крючок он опробовал. На любой почти крючок, говорил он, можно, умеючи, рыбу вытащить. Дед тогда сопротивлялся в душе, но всё же взял и привязал тонкий крючок. Помнит, выбрал и насадил самую крупную наживку, и забросил. Ждал тогда несколько минут, и потом последовала поклёвка, которая немало удивила Василича. Дет вспомнил, как он плавно и нежно подсёк и, взявшись за леску сразу почувствовал крупную добычу. И нутром почуял, что не вытащит он её. Василич, видя его волнение, подошёл к нему и стал давать советы. Дед сейчас вспоминает, как он мягко и ласково обращался с выбираемой им леской, медленно подвигая добычу к берегу, с которого Василич был готов зайти в воду, и руками ещё в воде взять улов. Не доходя метров двух до берега, стерлядь почуяла, что глубина воды становится всё меньше и меньше, а берег всё ближе. А ей так не хотелось на нём оказаться. Стерлядь плавно всплыла на поверхность, это была хорошая рыбина, и сейчас, она вновь как бы появилась перед глазами деда. Василич тогда замер и не мог отвести глаз от стерляди. А та вначале медленно развернулась хвостом к берегу, а затем резко рванула вглубь, взметнув в воздух большое количество брызг. В это время, помнит дед, леска натянулась сильнее, чем струна, и издала жалобный звук. А затем из воды вылетело грузило, вместе с леской и поводком и, чуть не ударив деда по голове, упало на берег. Вот и тогда он, как и сейчас, внимательно рассматривал крючок, выпрямленный сорвавшейся с него рыбой. Только тогда он был гораздо моложе и не думал о том, что это была последняя стерлядь, сорвавшаяся с его снасти. И было это не потому, что он не мог или не хотел её ловить. А потому, что она просто исчезла из его любимой реки. А если она и водилась, то в таком количестве, что её поймать на удочку можно было только лишь случайно. Но вот новость, которую ему сказал сосед, вновь зажгла в его душе огонёк надежды и такие сильные воспоминания.

ОХОТА

*Провёл к охоте подготовку.
Ружьё начищено стоит.
Пиши-ка, егерь, мне путёвку,
Душа охотника горит.
Заварим мы уху двойную,
Наполним с верхом стаканы,
И вспомним жизнь
Охотничью былую,
Как уток зоревали мы.
Ещё стакан нальём
И смачно выпьем снова.
Потом пойдём на водоём.
Быть может утки будут в нём?*

ГЕРКИНА ОХОТА

Повесть

В Геркину память на всю жизнь вошёл старый родительский дом. В общем-то ничего особенного в нём не было. Обычный русский рубленый, деревянный деревенский дом, задняя с передней. Дом, которых в посёлке, как говорили, было полным-полно. Может, только вот большое, несуразное, с массивными ступенями крыльцо, которое далеко выступало к дороге, выделяло его из всей улицы. Крыльцо, под которым удобно расположился рыжий пёс Шарик, который через щель оторванной доски лениво посматривал на тихую и спокойную жизнь улицы посёлка. Дверь, что вела с крыльца в дом, открывалась с большим трудом, хотя имела фасонный резной вид. Крыльцо было каким-то страшно неудобным и несуразным, и, видимо, поэтому по нему никто не ходил. Хотя ранней весной Герка любил на нём погреться на тёплом весеннем солнышке, наблюдая, как ребята постарше режутся в орла рядом на проталине у забора соседнего дома. В весеннем ожившем воздухе под лучами солнца, поплёскивая, падала на согретую весенним теплом землю монета. Порой среди игравших возникал спор, который потом переходил в драку по любви.

– Да ты чо? Не было у тебя орла, торчок был. Мечи по-новой. Чо «нет»? Щас получишь!

– От кого?

– От тово. От меня!

Ну, и начиналось. Дрались, как правило, до первой крови или кто первым скажет: всё, хорош. Но были случаи, когда тех, кто дрался, друзьям удавалось разнять с большим трудом. Со стороны всё это казалось интересным и даже забавным. Но каково было бойцам? Это мог знать только тот, кто прошёл эти испытания.

Иногда в солнечную погоду Герка брал у брата большое увеличительное стекло и что-то выжигал, сидя на крыльце, следя,

как из-под маленькой, яркой точки появлялась струйка сизого дыма, а временами вспыхивал язычок пламени. Запах дыма, смешавшись с весенним упругим воздухом, приятно щекотал ноздри. Устав от этого занятия, Герка поднимал глаза к небу, по которому, как кусочки ваты, иногда пробежали белые облака. Порой, когда он лежал на ступенях крыльца и смотрел в эту небесную бездну, ему казалось, что он летит среди облаков, расправив волшебные крылья. Прищулив глаза, он видел, как вспыхивают разноцветные солнечные круги, рисуемые чародеем-художником, и он не переставал удивляться этому непонятному, сказочному миру вокруг себя. И как же всё-таки было хорошо!

В дом ходили через калитку, расположенную у массивных ворот, а там, далее, через сени в заднюю. В сенях на столике, на железном листе, стояла двухфитильная керосинка. В доме, в задней, справа от входа стояла русская печь. Это было что-то, это было русское чудо! Согревавшее и кормившее русского человека в суровой среде его жизни. Чуть левее стояла печь-голландка, а между ней и стеной – шкафчик со скромным набором посуды. За ними – маленькая кухонька со столиком и выходящим в прогал окном. У стены, рядом с русской печкой, толпились ухваты для чугунов. В центре задней стоял небольшой стол, который окружали венские стулья. По вечерам зажигали и ставили на стол пятилинейную керосиновую лампу.

В передней были две спальни. Та, что была без окна, называлась «тёмной». Спальни разделяла маленькая перегородка и печь-голландка. В левом углу передней стояло старинное зеркало, которое опиралось на небольшой столик. В правом верхнем углу зеркала было большое тёмное пятно. А само стекло оплетала красивая, немного непонятная, причудливая резьба. Рядом, с левой стороны, между окнами, выходившими во двор, располагался старинный комод с ящиками. На нём толпились различные статуэтки, шкатулки и вазочки для цветов. Это было любимое место матери. Рядом на стене старинные часы «заморского» мастера в деревянном резном футляре, на верхней

части которого восседала деревянная птица с побитыми крыльями. За стеклянной дверкой, поблескивая, размеренно двигался маятник, отмеряя время. Через каждый час комната наполнялась боем часов. В центре стоял раскладной квадратный стол с круглыми, толстыми точёными ножками, которые старательно пожирал жук-точильщик. Комната была пропитана своим, ни с чем не сравнимым ароматом ухоженного жилища. Она играла своими красками, своим цветом, так радовавшим и умилявшим Геркино сердце, особенно когда в неё заглядывало солнце. Всё это несло необыкновенный уют и тепло, долгие годы гревшее Геркину душу, да, в общем-то, оно осталось в ней навсегда. Неизвестный Герке мастер, а может, это заботливые и умелые руки матери, покрыли разную по виду мебель приятным тёплым, тёмно-коричневым, с красноватым оттенком, лаком.

Особо выделялась в проёме между окнами, выходящими на улицу, чёрная тарелка-радио. Герке нравилась эта не совсем понятная штукавина. Он любил, оставшись один, в тишине слушать её. И тогда он жил другой жизнью. Эта «тарелка» раздвигала и расширяла горизонты его жизни, будоражила и волновала его воображение. И эта представляемая им жизнь казалась ему интересной, красочной, лёгкой и свободной. Он мог представить себя капитаном корабля, который плывёт по океану, или путешественником, идущим по сказочным странам, или таёжным охотником, отслеживающим зверя и метко стреляющим, как тот охотник Дерсу Узала. А в общем, это было так ужасно здорово!

В правом углу была спальенка родителей, в ней была дверь. В спальне было окно и стояла небольшая этажерка с книгами. Здесь же находилась массивная железная кровать с шарами на спинках. В спальне было очень светло. Стены и потолок в ней так же, как и в других комнатах, мать аккуратно побелила мелом. И когда Герка был маленьким, он любил забираться к отцу на кровать в те редкие минуты, когда тот отдыхал. Особенно он любил слушать рассказы отца, а рассказывать отец умел. У него это получалось хорошо,

можно сказать, здорово. А ещё Герка любил, когда тот читал ему книги. Впервые в жизни он от отца услышал пушкинские строки из той толстой, уже пожелтевшей книги, которую Герка сохранил потом на всю жизнь. А те услышанные строки затем, как казалось Герке, поселились в нём навсегда.

В «тёмной» спальне, где спал Герка, стояла кованая железная кровать. Двери в спальне не было, там вместо неё висела занавеска. Герка любил лежать на кровати и подолгу слушать радио. Особенно он любил радиоспектакли. Ах, какие это были спектакли! Какие красивые, разнообразные, красочные картины рисовали они в его детской голове. Эти картины оживали при звуке голосов героев, шуме моря, цокоте копыт скачущих коней, при свисте ветра и уносили Герку в чудесный, сказочный мир. Ещё Герка любил играть этой железной штуковиной, которая висела за голландкой на перегородке и поблескивала каким-то строгим, холодным светом. Правда, это можно было делать только тогда, когда в доме никого не было. И не дай бог, если кто-то увидит, тогда несдобровать. Отец когда-то объяснил Герке, что это ружьё, и это не игрушка. С ним взрослые ходят на охоту. Он строго наказал Герке: брать его нельзя.

– А почему его брат Гена берёт? – спросил Герка. – Ему можно, а мне нельзя?

– Так он же взрослый, вот ему и можно. Ты вот вырастешь, тоже на охоту будешь ходить, – ответил отец, ласково потрепав Герку за волосы.

– И ты мне его подаришь, да? – спросил Герка, тем самым согласившись с отцом.

– Конечно, подарю.

– А наган подаришь?

– Какой наган? – тревожно, удивлённым голосом спросил отец.

– Который мне Гена показывал.

– Так он, наверно, тебе чей-то игрушечный показывал, – схитрил отец. – Я тебе тоже куплю или брата попрошу, чтобы он тебе сделал. Он же у нас мастер, я это дело устрою.

Так Герка впервые познакомился с оружием. Он, конечно, ещё не мог знать, сколько хорошего и сколько плохого и страшного несёт в себе эта вещь. Пока для него это была всего лишь вещь, а попросту – игрушка.

И точно, брат сделал Герке деревянный наган и автомат, ну прямо как настоящие, такие, что ребятишки на улице всегда просили у него ими поиграть.

Только много лет спустя Герка узнал, что наган, который показывал ему брат, был настоящий, и что брату за него сильно тогда попало от отца. Оказывается, отец тайно хранил его как память о друге-коммунисте, который ушёл на войну и не вернулся. Когда отец провожал друга на фронт, они обменялись с ним на память оружием. Отец отдал свой так полюбившийся ему американский кольт, взамен получив наган.

Закончилась война. Товарищ не вернулся. Его забрала та страшная, проклятая, ненасытная война. Отец хранил памятную и дорогую для него вещь, пряча её от посторонних глаз. А от старшего брата не смог. Брат каким-то образом случайно нашёл оружие и стал его брать, несмотря на уговоры и просьбы отца. И тогда, чтобы не попасть в неприятную историю, отец сказал брату, что сдал наган в милицию, а сам спрятал его, как ему казалось, в надёжном месте в сарае. Но однажды, когда решил проверить, то нагана не обнаружил. Отец, конечно, вновь подумал на брата, но тот клялся и уверял со слезами, что не брал. Отец немного обиделся на сына, но не подавал вида. И, как всегда бывает в жизни, прошло время, всё улеглось и успокоилось. Оно, время, такая уж вещь. И вот как-то раз отец стал менять деревянные полы в сарае, в том углу, где обычно держал свиней. И неожиданно, вначале к радости, а потом к большому сожалению он нашёл памятный наган, а вернее то, что от него осталось. Сильно ржавую железку. Он показал её брату Геннадию.

– Ну, вот видишь, а я думал, что ты взял. А он вот, посмотри, полюбуйся. Извини, что на тебя подумал.

Геннадий долго и усердно чистил, а затем и ремонтировал наган, чувствуя долю своей вины. Но делал он это напрасно, вида у нагана не было никакого. Но механизм, к удивлению, начал действовать. Стрелять, по сути, он перестал, начал просто, как говорили, «плеваться» пулями. По просьбе отца Геннадий выбросил наган, схоронив его на дне лесного озера, которое похоронило все его тайны.

– Оно, может, и лучше, что так всё закончилось, – сказал потом отец, как показалось Герке, с большим сожалением. При этом он, конечно, с грустью вспомнил своего друга.

А Герка время от времени, оставшись дома один, закрывал дверь на крючок и снимал ружьё со стены. В нём, видимо, сидел многовековой мужской инстинкт охотника. Вначале он рассматривал рисунки, сделанные на ружье. Позже он узнал, что этот рисунок называется гравировкой. Потом он брал ружьё в руки и маршировал с ним по комнате. Затем он начинал из него целиться, произнося:

– Бчих, бчих, бчих, – изображая выстрелы.

Иногда он ложился на пол и принимался ползти к воображаемому врагу или зверю. Хотя это была детская игра, но она была совсем другая. В Геркиных руках был не деревянный автомат, а настоящее оружие, а это было уж точно другое дело. Он воображал себя то солдатом, то добрым разбойником или удачливым и метким охотником, добывающим дичь.

Герка часто с завистью смотрел на старшего брата, собиравшегося на охоту. При этом он иногда канючил:

– Ну, возьми меня с собой.

– Маловат ты ещё. Вот вырастешь, тогда возьму. Ты ешь, давай, побольше, а то, я смотрю, ешь ты слабовато. Охота – она слабаков не любит. Знаешь, сколько сил надо, чтобы на охоту пешкодралом ходить?

– А чо это – «пешкодралом»?

– А это когда ноги в руки, и пошёл, – смеясь, говорил брат.
– Как это «ноги в руки»? – переспрашивал Герка.
– Да пошутил я. Ладно, давай, некогда мне. Леонид меня ждёт, – говорил брат, уходя.

Герка подолгу в тот день сидел у окна и ждал брата. И когда тот приходил, бежал встречать и спрашивал:

– Ну, кого стрельнул?

Мать обычно в этом случае говорила:

– Ноги, наверно, убил и время. Чево же ещё.

Брат, немного помолчав, говорил Герке:

– Ружьё што-то нынче осечку дало.

– Какую осечку?

– Ну, не стрельнуло. Я курки взвёл, прицелился, а оно щёлк, щёлк, и не стреляет. Может, капсюль плохой попал. А может, порох отсырел.

Отец в этом случае обычно говорил:

– Плохому танцору обычно што-нибудь да мешает.

– А сам-то, сам. Ружьё, наверно, забыл, с какой стороны в руки брать. Возьми да сам сходи. Вот тогда и посмотрим, какой ты охотник-танцор, – говорил Геннадий, немного обиженно поглядывая на отца.

Герка глядел внимательно на отца и ждал, что он скажет, но тот обычно молчал или переводил разговор на другую тему. Только потом Герка понял, что ходить отцу было трудно, он был инвалидом. Какая ему была охота.

Порой брат рассказывал, как он стрелял в дичь, как та падала куда-то в траву ли, в кусты, как он мучительно долго искал её и не мог найти. В общем, та куда-то исчезала бесследно.

– А может, подранок был и убежал, – говорил порой брат.

Отец начинал подтрунивать:

– Мазила ты, я скажу. Промазал, а говоришь, подранок!

Брат начинал горячиться и говорил:

– Да нет, точно говорю, попал. Да я собственными глазами видел, что попал.

Но когда брат приходил с добычей, он уже обычно больше молчал. Он обводил всех взглядом, как будто спрашивая: «Ну, что теперь скажете?» Тогда отец говорил:

– Вот теперь видно, что попал.

Герка тоже был горд за брата. И ему так же хотелось ходить на охоту и приносить в дом добытую утку или зайца. А пока он только мечтал об этом. И выходя к друзьям на улицу, он как будущий охотник хвастал:

– А у меня брат с охоты вот такую утку принёс, – и в подтверждение этого вынимал из кармана утиные лапы. Друзья, конечно, просили посмотреть. Герка демонстрировал, как они двигаются, дёргая за сухожилия. Начинались «торги» и обмен на что-то. Только Сашка, живший неподалёку, слушал и смотрел на это равнодушно. Он был постарше других. И, выслушав, он обычно говорил:

– Подумаешь, я скоро сам пойду на охоту, вот только сделаю себе ружьё, и пойду, – и при этом демонстративно вынимал из кармана пугач. Снимал с него резинку, вынимал из трубки согнутый гвоздь. Затем доставал коробок со спичками и деловито начинал соскабливать серу в трубку. Потом осторожно, со знанием дела принимался разминать серу в трубке. Кое-кто из ребят начинал незаметно отходить подальше. Эта машина могла бабахнуть в любой момент. Все знали: игрушка хорошая, но сильно опасная. Шарахнет, в ушах зазвенит. Но самое-то страшное, что руки или глаза может повредить.

– Чо, забздели? Сопляки, – говорил Сашка в этом случае, взводя своё устройство, натягивая гвоздем резинку. Затем он, отворачиваясь, поднимал над головой руку и нажимал на резинку пальцем. Гремел выстрел. Кто-то порой зажимал уши. Иногда резинка обрывалась, гвоздь, как пуля, со свистом вылетал из трубки. Трубку порой разрывало. Да мало ли чего могло приключиться с этим устройством. Но, несмотря на это, Сашка любил, даже обожал эти игрушки. Больше всего он любил поджиги. Он мастерил их сам. Из доски или из прочной деревяшки

он делал пистолет. Затем брал медную трубку, один конец которой сплющивал и как только мог, прочно прилаживал её к деревянному пистолету. Сбоку, с правой стороны, в трубке он пропиливал небольшое отверстие. И поджиг был готов. Сашка брал всё ту же серу от спичек, засыпал её в трубку, в ствол своего нагана. Затем вставлял бумажный пыж, на него шарик от подшипника, иногда это была дробь, а порой просто кусочек проволоки. Затыкал бумажным пыжом, и пугач был готов к выстрелу. Испытания оружия Сашка обычно проводил в огороде, возле своей бани. Для мишени он брал стеклянный пузырёк или консервную банку, а когда их не было под рукой, стрелял просто в доску. Чтобы сделать выстрел, он прилаживал спичку около прорези трубки, подсыпал немного серы, вытягивал чуть согнутую правую руку вперёд, чиркал по спичке коробком, порой не один раз, чтобы прозвучал выстрел. Вот за эту процедуру стреляющую штуку и прозвали «поджигом». За такие игрушки крепко влетало, и не только от родителей. Но Сашку это не останавливало, и он конструировал всё новые модели. Он выливал их из свинца, заливая туда трубку, порой не одну. Тогда получался двух- и даже трёхствольный наган. Он был, конечно, невероятно тяжёлым, и Сашке приходилось привязывать к нему верёвочку, а её привязывать к поясу. Ни один карман мальчишеских штанов и слабенькие резинки не могли выдержать такого грозного оружия. Иногда Сашка делал для него кобуру. И когда шёл, то с гордостью поглядывал на неё.

Из дома он любил выходить не в свой переулок, а на соседнюю улицу по тропинке через огород. Так было удобней и ближе к центру посёлка. Тропка шла мимо Геркиного огорода и бани. У бани Геркин отец обычно прибывал на жердочке скворечник. Вооружённый Сашка не мог спокойно пройти мимо такой заманчивой цели. Он доставал самый мощный поджиг, заряженный шариками от подшипника, и делал выстрел. И если попадал, то с довольным видом рассматривал пугач, дул в ствол и не спеша засовывал за верёвку на поясе или в кобуру. Возвращаясь с улицы, он проделывал ту же процедуру и уходил к себе домой с

довольным видом. Герка порой молча наблюдал за этим, а что он мог сделать? Сашка старше и сильнее, да ещё с поджигами. Жаловаться старшим, или, как говорили, ябедничать или кляузничать, в то время было недостойно для мальчишки. Потом Сашка, как понял Герка, был наказан судьбой за свои не совсем хорошие дела.

Герка как-то стал невольным участником испытания очередного Сашкиного грозного изобретения. Тот где-то по случаю раздобыл ржавый ствол от старого шомпольного ружья. Он долго и тщательно драил его золой и отмывал керосином, чтобы придать ему нужный вид и боевое состояние. Затем он смастерил деревянное ложе, с ручками. Приладил к нему ствол. Всё это смотрелось очень здорово и напоминало автомат. Вид у оружия был о-го-го, как говорят, будь здоров. Сашка любил демонстрировать его друзьям в огороде. Многие смотрели на него и завидовали.

– Эх! Жалко пороха нет и дробы, а то бы я из него шмальнул! Я бы уж из него шарахнул, – говорил он.

– А патроны к нему подойдут? – спросил Герка.

– Ты чо, какие патроны? Это же шомполка. Она со ствола заряжается. Сначала порох, потом пыж, потом дробь или пуля, а потом опять пыж. А вот сюда надевается капсюль. Правда, таких капсюлей нет, но я придумал, как спичкой поджечь, – говорил Сашка, показывая свои знания в этом дела.

– Слушай, у вас же ружьё есть. Принеси патроны. Я из них порох и дробь достану, и стрельнём, – обратился он к Герке.

– Нет, Сашка, я не смогу. Отец с братом их куда-то прячут. А если я их и найду, ты знаешь, чо они со мной сделают? Нет, не могу, – шмыгнув носом, изрёк Герка.

– Эх ты! Сопля зелёная! Ладно. Я сам найду, – сказал Сашка, презрительно сплюнув через зубы.

– Слушай, а у меня есть! Даже два, – сказал Виталька, хитровато сверкнув карими глазами. – Тока я тебе так не дам. Давай махнём на чо-нибудь или купи.

– Ладно, неси. Я вот в чику или в орла денег выиграю и куплю у тебя. Только, чур, без булды! Без обмана. Приноси.

Санька, наверно, был самым заядлым, азартным и громогласным игроком в чику и орла на всей улице, а может, и во всём посёлке. Герка же был только наблюдателем. Хотя эти азартные битвы проходили рядом с его домом. Во-первых, он ещё был небольшим, а во-вторых, и это было, наверное, самым главным, отец и мать строго-настрого запрещали ему играть. Мать постоянно следила за ним. Порой он выносил из дома одну, две или три копейки и говорил друзьям:

– На, поставь. Сыграй за меня.

– А ты чо сам?

– Я не могу, – и при этом Герка оглядывался на свой дом.

А Сашка играл с наслаждением и с присущим ему темпераментом. Игроки ставили монеты стопкой на землю, на проведённую по ней черту. Это, как говорили, был кон. Отмеряли шагами расстояние, проводили ещё черту, место, откуда надо было бросать металлическую битую. Биту обычно делали из днища старого разбитого чугуна. Но однажды Витька, что жил напротив Герки, принёс откуда-то небольшой бронзовый диск, и он стал незаменимой битой. Все игроки зорко следили, чтобы она не пропала. Биту бросали по очереди, вначале «поконившись», кто первый, кто второй, а кто последний. Нужно было бросить битую так, чтобы она как можно ближе легла за чертой у кона. Особым шиком считалось попасть битой в кон и крикнуть: «Чика на кон, орлы берём!» И тогда можно было сразу забрать перевернувшиеся на орла монеты. Неперевернувшиеся монеты вновь ставили на кон и продолжали метать битую. Особо ловким, конечно, был Сашка. Бита ещё только отрывается от его руки, а он уже кричит: «Чика на кон, орлы берём!» – и, если попадает в кон, тут же бежит к разлетевшимся в стороны монетам с криком: «Не трогай, мои!» А вот он, продолжая игру, бьёт битой по монетке, стараясь перевернуть её на орла. Он как-то по-особому приплясывает на корточках, высоко поднимая руку с битой и при резком ударе,

выдыхая, произносит: «А-а». Но всё это надо было по крайней мере видеть и слышать, а ещё лучше самому окунуться в эту игру.

Вскоре после очередной игры в чику Сашка заполучил от Витальки два долгожданных заветных патрона. Он сразу же побежал домой. Тут же распотрошил оба патрона. Весь порох он высыпал в ствол своего «мушкета», затем засунул пыжи и, сбегав во двор, притащил железный прут. Один конец его он вставил в ствол, а другим, взяв «мушкет» в руки, стал ударять в кирпичи русской печи, уплотняя порох. Потом он ту же самую процедуру проделал с дробью. Наконец всё было готово к первому испытанию. Сашка с друзьями вышел в огород. Он приказал им поставить несколько бутылок около своей бани в конце огорода. Сам же он встал у сарая, спиной привалившись к деревянной стене, пояснив:

– Это я чтобы не упасть, если будет сильная отдача.

Он прикладывал и примерял свой «мушкет», при этом почему-то медлил стрелять, что-то соображая. Потом вдруг произнёс:

– Што-то немного боязно. Возьмите-ка вон ту верёвку да привяжите мне ружьё к рукам покрепче. Боюсь, как бы ствол не оторвало, приклад-то самодельный.

– А стрелять как будешь? Как поджигать-то станешь? – спросил Виталька.

– Как? Вот ты и будешь поджигать.

– Зачем мне это надо? Нет, я не буду, больно мне нужно.

– Чо зассал, засикал? Давай вот из-за угла сарая, а вы все за угол, сопляки, и не выглядывать! Поняли?

Всё было сделано, как попросил, вернее, приказал Сашка. Он прицелился и крикнул:

– Давай!

Виталька поджёг запал и шмыгнул за угол сарая. Грохнуло так, как Герка ещё ни разу не слышал. И что-то сверкнуло. Грохот смешался с воем, похожим на звук гудка на пенькозаводе, только, как показалось Герке, немного сильнее и пронзительнее. Из-за угла

вырвался клуб сизого дыма и пахнуло гарью. У бани в конце огорода с жалобным звоном, блеснув осколками, разлетелось несколько бутылок. Герка вздрогнул и, если честно сказать, здорово испугался, но вида постарался не подавать. Да и друзья, было видно, трухнули тоже. Первым опомнился Виталька. Он кинулся к Сашке. Вслед за ним выглянул Герка с друзьями. Вначале то, что они увидели, вызвало у них испуг, а потом развеселило. Они увидели Сашку. Тот сидел у стенки сарая, вытянув вперёд широко раскинутые ноги. Руки, застыв, держали раскуроченное ложе со свисающими обрывками верёвки. Сашкино чёрное, словно ваксой измазанное лицо, вытарашенные, округлившиеся до больших размеров неподвижные, испуганные глаза и широко раскрытый, но уже беззвучный рот. На лбу с правой стороны над глазом прямо на виду у всех росла огромная шишка и меняла красный цвет на лиловый. Вверху над головой проломленная в стенке сарая доска, рядом с Сашкой валялся чуть раздутый ствол, который прикрывала его старенькая закопчённая фуражка. Доска и фуражка, возможно, спасли Сашке его бесшабашную жизнь, смягчив страшной силы удар оторвавшегося ствола.

– Сашка, – кричал Виталька, наклонившись к нему. – Ты живой?

А Сашка застыл в одной позе. Он был похож на деревянную или каменную фигуру. Затем он вдруг вновь заорал, заставив отпрянуть ребят:

– А-а-а-а-а-а!

– Ты чо орёшь? Живой? Давай деревяшку! Чо вцепился? Ну, – и Виталька с большим трудом вырвал из Сашкиных рук то, что осталось от приклада.

– В-о-о-т э-э-т-о-о ш-а-а-р-а-а-х-н-у-л-л-о, – немного опомнившись, заикаясь, выдавил из себя Сашка, поглаживая огромный рог на запачканном лбу. – Ничо не слышу.

– Это тебя контузило, – сделал вывод Виталька. – Ты и так на этих штуках помешался, а теперь тебе ещё добавило.

– Чево? Чево?

– Таво, таво. Бери свой фургон, иди домой и рожу свою отмой, а то посмотри, на негра стал похож, и железяку ко лбу холодную приложи.

– Каво, каво? – опять переспросил Сашка.

– Ты чо завакал? Одно и то же, как пластинка с трещиной на патефоне. На негра стал похож, говорю.

– На какого ещё негра? По зубам хочешь получить?

Тут все поняли, что Сашка пришёл в себя окончательно.

– А ты иди домой и в зеркало посмотри, и увидишь, на кого ты стал похож, – с обидой в голосе сказал Виталий.

– Ладно, сейчас разберёмся. А бутылки-то смотри-ка, как из пулемёта скосило, – довольным голосом сказал Сашка, отправляясь домой, прихватив с собой фуражку и что осталось от ружья. Потом, остановившись и слегка повернувшись, добавил:

– Если кому разболтаете, получите. Поняли? – и показал кулак.

Долго ещё Сашка не мог успокоиться со своими опасными игрушками и изобретениями: то бутылку с карбидом взорвёт, то банку, как ракету, запустит. Он и в школе не мог от этого удержаться. Рассказывали, что на уроке черчения, снарядив пугач, бросил его на выступ печки-голландки, а там бумаги, пыли скопилось тьма. Пугач так рванул, всё разом и очистил. Бумага и пыль разлетелись по классу. Девчонки с испугу подпрыгнули на партах и завизжали. Класс зашумел. Только старый учитель был спокоен. Он воевал, прошёл всю войну, видел и слышал ещё и не то. Герка от кого-то слышал, что люди, прошедшие ужасы войны, потом долгие годы ещё воюют во сне, как наяву. Вот что она делает, война-то. Успокоив класс, учитель уверенно спросил:

– Саша, это ты?

– Александр Петрович, да вы чо? Нет, не я, – нагло ответил Сашка, направив на учителя невинные глаза.

– Саша, я спрашиваю: это ты?

– Нет, я же сказал, не я. Чо сразу я, Александр Петрович?

– Саша, выйди из класса. И завтра с матерью или отцом в школу. Если не придёшь, я сам к вам зайду. Ты знаешь, я рядом живу.

Но ничего не могло остановить Сашку. Хотя порой его сильно, даже жестоко наказывал отец. Герка иногда слышал и видел, как подавал голос Сашка, извиваясь в крепких отцовских руках. Проходило какое-то время, и всё начиналось с новой силой. Он придумывал что-то новенькое. Однажды он принёс в класс какой-то мощный капсюль. После войны в детские руки порой попадали разные оставленные войной страшные вещи. Сашка вбил в ножку деревянного табурета гвоздь, заточил его и перед уроком немецкого языка подложил под него капсюль. Пришла молодая учительница.

– Штей ауф, киндер, – сказала она.

Все дружно встали.

– Гутен таг. Зетцен зезих, – продолжила она общение с классом на немецком языке.

Класс не очень дружно сел, громыхнув крышками стареньких парт. Учительница бодро и энергично села на табурет за учительский стол. В классе резко и звучно хлопнуло. Из-за стола появилась струйка голубоватого дыма. Учительница, громко вскрикнув, вскочила с табурета и вновь рухнула на него. Упав руками и головой на стол, она чисто по-женски разрыдалась, что-то невнятно говоря, но уже на русском языке. Класс испуганно и тревожно замер. Было слышно даже, как бьётся бабочка о стекло окна. Кто-то из девчонок сбегал и принёс в кружке воды. Учительница, немного успокоившись, дрожащими руками взяла со стола журнал и, прикрывая лицо платком, вышла из класса.

Через несколько дней Сашку исключили из школы. Закончились Сашкины университеты. Но он сильно не расстраивался. Вскоре он пошёл работать. Тогда же как-то сразу закончилась его страсть к изобретательству.

От природы Сашка был рослым и крепким парнишкой. Его молодое, здоровое, жилистое тело хорошо справлялось с работой.

В общем, работа не особо была ему в тягость. Работал он разнорабочим, как раньше говорили: «Бери больше, кидай дальше, отдыхай, пока летит». Вскоре он на кровно заработанные деньги купил с рук старенькое одноствольное ружьё, чем очень гордился. Затем каким-то образом он выправил охотничий билет и стал ходить на охоту. Чему Герка страшно завидовал.

Герке нравилось местечко, где он родился и рос. Ему нравилась его природа. Чего только стоила красавица речка Сура. Её золотые пески. Любующаяся собой в её быстрых водах цветущая черёмуха и плывущий в утренних лучах вместе с розовым туманом её сладкий, нежный аромат. Это место, наверно, было подарено людям самим Богом. О чём всегда напоминала святая Никольская гора. Эти места казались ему всегда, во все времена года просто великолепными. Он даже иногда видел их во сне. Он видел их так, как видят эту землю птицы, летящие в небе. Сон рисовал ему эту взлохмаченную холмистую местность, изрезанную реками, озёрами-старицами и оврагами, покрытую лесами, полями, лугами и болотами. В лесах он видел растущие ели, сосны, берёзы, осины, дубы и липы. И он знал, что там, в лесах, водятся белки, зайцы, лисы, рыси, волки, кабаны, лоси и многие другие животные. А также различные птицы: тетерева, глухари, рябчики, вальдшнепы и, конечно, утки. В общем, его воображение даже во сне рисовало тот мир, который должен знать и любить каждый человек, ну, а охотник уж тем более.

Потом, уже гораздо позже, он стал понимать, как рыбалка и охота воспитали в нём человека, любящего природу своего маленького, светлого, уютного и красивого местечка этой большой или, как пели в песне, необъятной Родины.

Охота во все времена делилась на весеннюю, осеннюю и зимнюю. Ходил ли Сашка на весеннюю охоту, сказать было трудно, наверное, ходил, но особых приключений он про неё не рассказывал. А вот на осеннюю на уток... Про неё знал весь маленький посёлок. Если Сашка убивал хотя бы одну утку, и это было на утренней зорьке, да к тому же день был выходным, как

говорили, базарным, он возвращался с охоты через центр посёлка. Где бы он ни охотился: за Сурой, в Зачёрном или на Промзе, он возвращался с охоты там, где было многолюдно. И Сашка непременно искал повод с кем-нибудь остановиться и поговорить. В это время он не торопился идти домой. Он старался, чтобы как можно больше людей могли увидеть его. Он по несколько раз рассказывал, как он охотился, как стрелял и сколько уток не мог найти. Если это происходило вечером, после вечерней зорьки он обязательно приходил с добычей к районному Дому культуры или к техникуму молочной промышленности, где могли проходить танцы. За плечами у него было ружьё, а на поясе висели добытые утки.

– Санёк, привет! – громко здоровался с ним кто-то из толпившихся у входа пришедших на танцы или вышедших немного прохладиться после бурной пляски ребят. А порой они выходили просто покурить и принять стаканчик винца местного розлива для храбрости, чтобы не робеть и не пасовать перед девчатами. Как говорили, для смелости.

– Сашка, да у тебя крякаш какой большой, хороший! Прямо как гусь. Где добыл? – подходили некоторые парни к нему с разговором.

– А мы ходили и даже не видели ничего, – говорил кто-то.

– А вот я сколько утки видел! Как-то попал я на Пичерки. Подхожу к озеру, а там уток тьма, со всего района. Ну, я и начал...

– Ну, чего-то ты загнул, со всего района, – перебил кто-то Сашку.

– Кто? Я загнул? Давай, пойдём со мной и посмотришь, сколько там утки. А вы-то, наверно, на Петельку или под Банный Городок на охоту ходили, – съязвил Сашка.

– Санёк, да чо ты с ними споришь? Они ружьём-то только ворота запирают умеют. Какие они охотники? Чо ты их с собой равняешь? Санёк, пошли с нами на танцы, крякаша твоего девчонкам покажем, – подшучивали парни, поднявшие своё настроение вином.

– Да нет уж, я лучше сейчас домой сбегаю, переоденусь и приду. Рыбка-то моя там, што ли, на танцах? – серьёзно говорил парням Сашка.

– Рыбка-то твоя? Да там вроде была, куда она от тебя уплывёт, – всё так же весело отвечали ему парни. – Только ты её, как в прошлый раз, крепко не прижимай, а то она в обморок опять упадёт.

Но Сашка ничего уже не слышал. Он, как на крыльях, летел домой, придерживая рукой ружьё, и только добыча болталась у него на поясе.

Но вот однажды приключился с Сашкой небольшой конфуз, которого он никак не ожидал. В тот вечер он так же гордо расхаживал с ружьём и утками у входа на танцы. И тут вдруг появился Вовка с братом Николаем. Вовка был остёр на язык, как в народе говорили, этот в карман за словом не полезет. А ещё он нисколько не боялся Сашки, хотя немного был моложе его, но он был крепкий и здоровый и всегда мог постоять за себя.

– Саша, здорово! Ты опять с утками? Везёт же тебе! – как бы немного завидуя, сказал Вовка.

– Уметь надо! Везёт тому, кто везёт! – в тон подхватил Сашка, не подозревая, что ждёт его впереди.

– А я знаю, почему! Ты, наверно, опять в материных рейтузах с начёсом и сестриных тапочках по Баранову Истоку за утками лазил? Может, ты сегодня и лифчик надел?

Девчонки, стоявшие неподалёку, прыснули негромким дружным смешком, одарив Сашку удивлёнными взглядами.

Сашку аж затрясло от неожиданности. Слова застряли у него, нет, не в горле, а где-то ещё глубже. Он вытаращив глаза, молча водил нижней челюстью и шевелил губами, набирая в себя воздух. Вначале он издал шипение, потом свист, затем срывающимся голосом прокричал:

– Какие ещё рейтузы? Какой лифчик? Откуда ты взял? – задыхаясь, кричал Сашка, и на его жилистой шее вздулись вены

чуть ли не в палец толщиной, показывая силу его душевного напряжения.

– Не рейтузы, так трусы с начёсом. Колька, скажи ему. Где мы его видели, когда на рыбалку ходили? Я думал сначала, русалка с палкой из озера появилась. Потом присмотрелся, Санёк с ружьём и патронташем на шее, рейтузы женские ниже колен и тапочки белые. Чо, нет, што ли? – посмеиваясь, спросил Вовка.

Вокруг уже дружно хохотали.

– Санёк, ты чо сегодня лифчик не надел? Оно ж, в нём теплее и вообще, – кричал кто-то свозь хохот.

Сашка резко развернулся и кинулся к крикнувшему ему обидные слова, но тот, ловко увернувшись, шмыгнул в дверь Дома культуры.

– Надел, надел! Да, надел! А вы знаете, какой там, в озере, мударезник и осока, да ещё коряги и пиявки? Вот и надел, – оправдываясь, выпалил Сашка, только потом поняв в этом свою оплошность.

– А чо ты, Санёк, пиявок напугался, што ли? – продолжал Вовка. – Так у тебя я видел твою пиявку, што из рваных рейтузов выглядывала. Ого-го, будь здоров, пиявка! Всех пиявок распугает!

Толпа, собравшаяся у входа на танцы, уже смеялась так, что заглушала музыку, доносившуюся из зала в открытую дверь.

Сашка, сбросив ружьё на землю, рванулся к Вовке, сжимая довольно приличные кулаки, но, увидев Кольку, вставшего рядом с братом, отступил. Он взял ружьё, поправил на поясе уток, с силой толкнул кого-то плечом и вышел из толпы. Про себя он в это время решил: больше никогда сюда после охоты не заходить.

Сашка хоть и был горячий и вспыльчивый, но не был злопамятным. Душа-то у него была, в общем, добрая. Долго на других зла он не держал.

После выпавшего снега, убив зайца, он вновь заглянул на танцы, к зданию Дома культуры. Его встретили радушно, как старого друга, с которым ждут встречи и всегда ей рады.

– Санёк, ты чо, зайца шарахнул, што ли? – спросил кто-то.

– Не шарахнул, а добыл, – поправил Сашка. – Ты вот попробуй шарахнуть. За ним надо походить, потропить его надо, а он, заяц-то, тоже не дурак. Наследит, скидок наделает и ляжет. Вот и поди, распутай.

– Ну, и как же ты его? – продолжали расспрос его слушатели, ожидая что-то интересное.

– Как? А я вот распутал. Подхожу поближе, думаю, лёжка должна быть, а он услышал и убежал. Я опять за ним. В общем-то, побегал я за ним. Потом подхожу, а он в кустах залёг. Вылетает он из кустов, а я его влёт. Только перья полетели!

– А он чо, с крыльями у тебя, што ли, попался?

– С какими ещё крыльями? – обиделся Сашка.

– Ты же сам говоришь, «вылетает из кустов».

– Ну да, выскочил.

– И ты его влёт!

– Ну, выскочил он из кустов и рванул, что есть силы, а я в него выстрелил. Вот и всё.

– А из него перья! – засмеялись вокруг.

– Какие перья? Пух полетел, – перебил Сашка.

– Ну, ты же сам только что сказал – перья, – весело галдела толпа.

– Ну, оговорился я, чо тут такова, а вы сразу ржать, как жеребцы стоялые. Так я до этого по осени всё уток стрелял, так в неё попадешь, порой только перья полетят.

– А ты на Пичерках, Санёк, давно был? – спросил кто-то.

– Давно. А чо там?

– Так, говорят, зайцы со всего района сбежались, – ввернул какой-то остряк.

– Да пошли вы все в стойло, – огрызнулся Сашка.

– Это зачем же, Саша?

– Коровам хвосты крутить и быков доить, – ответил Сашка, довольный своей выдумкой. А потом добавил: – А ты иди-ка, посмотри, какой русачок-то, как телёнок. Мать с молочком да с

картошкой потушит, пальчики оближешь! – и усталый, но довольный пошагал к дому.

Любил Сашка показаться после удачной охоты на людей. Как говорили, похвалиться добычей. Увидеть его можно было в самых невероятных местах, и это нисколько его не смущало, наоборот. Однажды с зимней охоты он явился в пивной бар. И, не смотря ни на кого, прошёл к прилавку, за которым из бочки разливали пиво. Он подал деньги продавщице, которая смотрела на него изумлёнными, широко раскрытыми глазами. Глазами, которые много видели в пивной разного. Но чтобы с ружьём и убитой лисой, привязанной за спиной, – такое было в первый раз. Народ в пивной на секунду сбавил громкость разговоров, и все посмотрели на Сашку. Затем пивная зашумела с удвоенной силой. Был слышан сильный звук упавшего стула. Затем звон разбившейся кружки и громкие, уже не совсем трезвые голоса:

– Санёк, иди к нам. Садись.

– Смотри-ка, лису добыл. Повезло!

– Нет, Саша, ты уж к нам. У нас рыбка солёненькая есть.

– Ну-ка, ну-ка. Дай-ка за хвост, Санёк, подержаться.

Кричали с разных сторон. А Сашка внешне был серьёзен. Но внутренне он ликовал и едва сдерживал себя от радости. Он наслаждался признанием мужской компании.

– За свой хвост подержись, – ответил Сашка сдержанно, присаживаясь к столу и ставя на него кружку с пивом.

– Так у меня нет его, Санёк.

– А ты в штанах получше поищи, – предложил Сашка, но уже с улыбкой.

Вскоре возле стола, за который сел Сашка, собралась и толпилась, галдела дружная компания.

В это время Герка учился в школе-восьмилетке. И он, конечно, был в курсе всех Сашкиных подвигов. Он частенько рассказывал о них отцу, надеясь, что тот, наконец, поймёт его и всё-таки сходит с ним на охоту. А пока он в школе научился неплохо стрелять из «воздушки». Порой учитель физкультуры

Валентин Васильевич предлагал ребятам остаться после уроков и организовывал стрельбы из пневматической винтовки, а проще «воздушки», по мишеням. Вскоре учителю надоело терять своё драгоценное время, и он стал выдавать Герке под его ответственность винтовку, пульки и мишени. И сказав, что ему срочно куда-то надо, исчезал. На Геркин вопрос, а винтовку-то куда потом, говорил:

– Возьмёшь домой, а завтра утром принесёшь в школу.

Такое доверие надо было, конечно, заслужить. И Герка гордился этим и старался вовсю. В классе он был немного старше других, учился хорошо, занимался спортом, поэтому друзья уважали его. Дисциплина и порядок в стрелковом кружке поэтому были нормальными.

Когда он приносил «воздушку» домой, он старался продемонстрировать свои навыки отцу, прикрепив мишень к воротам дома во дворе. Отец тоже иногда стрелял с увлечением, и, на удивление Герки, у него, надо сказать, получалось неплохо.

– Вот так первые комсомольцы посёлка стреляли, – довольным голосом говорил отец Герке.

А Герка всё надеялся и ждал. Когда же?

Уж что случилось с отцом, но только он как-то вдруг однажды сказал Георгию:

– Ты чем завтра будешь заниматься? Мы с Фёдором Георгиевичем решили в лес прогуляться. Я ружьишко возьму, а он хотел винтовку малокалиберную взять. Ты знаешь, у него отличная винтовка. Пятизарядная с магазином.

– Правда, мы тут недалеко пойдём. Ты же знаешь, мне нельзя. Ты с нами пойдёшь? – спросил отец и внимательно посмотрел на Герку.

Вначале Герка подумал, что ослышался и с радостным удивлением посмотрел на отца. Он понял, что это отец организовал для него, и, насколько мог, сдерживая мальчишеское волнение, сказал:

– Конечно, пойду, обязательно! А стрельнуть из ружья дашь?

– Да чо же, конечно, дам. И дядя Федя из винтовки, думаю, разрешит, – уверенно сказал отец.

Была осень. Она подходила к своему зениту. И Герка своей юной душой воспринимал это явление как одно из самых красивых времен года в Присурье. Менялась природа. Менялись её краски. Лес догорал своим желтовато-красным огнём. В тихом, прозрачном воздухе, пропитанном синевой и уже бодрившем людей своей утренней прохладой, срываясь с деревьев, плавно, в бесшумном танце стремился к земле золотой осенний лист. Вот по такому лесу шёл Герка с отцом и его другом. Герка впереди – неся ружьё на плече. Отец со своим товарищем детства шли чуть сзади. Дядя Федя правой рукой придерживал ремень, на котором в такт с плавным движением его массивного тела совершала своё движение и его винтовка. Они разговаривали. О чём могли разговаривать мужчины, мальчишками пережившие смену власти в стране, гражданскую войну и отечественную? Конечно, о политике. Иногда вспоминали случаи из жизни. От охоты они были очень далеки.

– Фанасич, а ты не помнишь, как тут, где-то под Белой горой трагедия произошла? – спросил отца Фёдор Георгиевич.

– Это ты о чём? Если ты об этих влюблённых, то, конечно, помню. Жаль, конечно, их. Видишь, отец у него богатый был. Купец. А она бедная. Ну, и не надо ему такую невестку. А парень-то как уж отца-то, говорят, упрашивал, а тот ни в какую, и всё. И та его, видимо, тоже без ума любила. И как они только на это решились? Вот оно, оружие-то. Будь оно неладно. Вот так, можно им и пропитание добыть, от голода спастись. И защититься. А в остальном ерунда получается. И где это он ружьё-то нашёл? Ушли сюда, за гору, и вначале он её жизни лишил, а потом себя. Такого в посёлке, говорят, раньше никогда не слыхивали. Ты видишь, какая любовь-то была. И никто в том месте крестика даже не поставил, – с горечью, как заметил Герка, сказал отец.

– А про Толю ты помнишь историю? – вновь спросил отца Фёдор Георгиевич.

– Которого в народе Ломаным, што ли, звали? Конечно, помню. Он тоже где-то тут в лесу в землянке жил. Потом над ним в посёлке кто-то сжалился и домишко маленький уделил. Он в нём стал жить. Всё по ночам книжки читал. И столько, говорят, у него их было! И чай густой глушил беспрерывно. Голова, говорят, што ли, у него болела. Спать не мог. В гражданскую, говорили, где-то воевал. То ли ранило ево, то ли контузило, то ли нервы так сдали, Бог ево знает. И ходил он, я помню, постоянно в старенькой шинели.

– Так он вроде не чай, а водку пил и спился, – вступил в разговор Фёдор Георгиевич.

– Так это он уж в конце войны, я помню, когда я сюда вернулся. Дело-то при мне было. Чаю-то тогда не достать. Где возьмёшь? Нигде не найдёшь. Вот он тогда, помню, к председателю Райпотребсоюза пришел и чуть ли не на коленях со слезами стал просить, чтобы ему чаю продали. А я как раз у председателя был. Тот ни в какую. Нет у нас чаю, говорит, и всё. Так Толя раза три заходил. И вот председатель ему говорит: надоел ты мне, и если вот водки сто пятьдесят граммов выпьешь, то мы тебе чаю продадим. А Толя, он же водку не пил, и даже не пробовал, и был противник этого. Короче, он ушёл, но потом всё-таки вернулся и согласился выпить. Помню, принесли чирок водки и закуски. И Толя выпил. Прошло немного времени, он ещё выпил, а дальше и говорит нам: какой же я, говорит, дурак был, что водку не пил. Ну и всё, с этого момента и пошло. Всё пропивал – и книги, и одежду, и обувь, и босой, почти голый, зимой ходил. Она, водка, тоже, как оружие, правильного обращения требует. Это как там в анекдоте. Какая разница между водкой и атомной бомбой? А нам, говорят, всё равно, лишь бы с ног валило.

Герка иногда шёл рядом и слушал, когда ему было интересно, временами уходил вперёд, порой останавливался и поджидал отца и Фёдора Георгиевича. Отец шёл, прихрамывая, опираясь на клюшку, Фёдор Георгиевич двигался, шурша опавшей листвой, переваливаясь с ноги на ногу, выдвинув вперёд грудь и

живот. Смотря на них, Герка про себя с сочувствием проговорил: «Да, охотнички, конечно, будь здоров. Пострелять бы скорее хоть дали. А то они пока всё вспомнят да всё разберут, пожалуй, порох отсыреет».

Прочитав его несложные мысли, отец произнёс:

– Ну што, Георгий, стрелять будешь? Давай. Вон там впереди видишь пенёк? Поставь на него чего-нибудь и отсчитай шагов тридцать.

Герка мигом выполнил всё, что сказал отец.

После этого отец дал ему два патрона и сказал:

– На, заряжай, но курки пока не взводи.

– Да знаю, – услышал отец Геркин ответ.

– Так, левый у нас чок, а правый получок. Целься по планке и мушке. Да к плечу лучше прижимай.

– Да чо я, маленький, што ли? – тихо огрызнулся Герка.

Отцовская курковка, тулка шестнадцатого калибра, на первый взгляд не выглядела какой-то особенной. Но взяв её в руки, можно было сразу понять, что она сделана ещё теми старыми русскими мастерами-ружейниками. Она была лёгкая, удобная, прикладистая, с настоящим ореховым прикладом, пистолетной формы. В общем, не ружьё, а игрушка.

Герка взвёл курки и начал целиться.

Отец вновь стал давать наставления:

– Поднимай стволы снизу, подводи...

Но он не успел договорить – прозвучал выстрел, и обрезок сучка, поставленный на пенёк, был сбит зарядом дробы.

– Ну вот, а ты его учишь. Видишь, как у него всё ловко получается, – вытирая пот с лица платком, сказал Фёдор Георгиевич.

– Так это ты с какого, с правого? А теперь в палку давай с левого. У него кучность хорошая, одна дробинка да попадёт. Ну, давай, – подбодрил Герку отец.

Герка вновь выстрелил. Палка, воткнутая рядом с пенёком, качнулась, но не упала.

– Смотри-ка, зацепил всё же! – вновь с удивлением сказал отец.
– Как плечо-то после отдачи? Нормально? Ну, и хорошо.

Фёдор Георгиевич долго копался в карманах. Он вынул сложенный лист бумаги и протянул его Герке, со словами:

– Иди-ка, прикрепи к дереву. Я там мишень нарисовал.

Герка долго возился, прикрепляя мишень. Помогла нитка, найденная в кармане.

Фёдор Георгиевич показал Герке, как вставляется в винтовку обойма, как передёргивается затвор, и сам сделал первый выстрел и выбросил гильзу. После выстрела от дерева отлетела небольшая щепка. Герка побежал к мишени и закричал:

– Попал, попал. В листок попал.

Потом стрелял Геркин отец и тоже попал в листок бумаги. Дошла очередь до Герки. Когда он начал целиться, винтовка заплесала в его руках, и он промазал, и даже не попал в дерево. Пришлось искать упор для винтовки. Нашли развилку небольшого деревца, и после этого Герка стал посылать пули в цель.

– Ну, вот видишь? Дело пойдёт. Думаю, на будущий год мы с тобой на уток обязательно сходим, – сделал вывод Фёдор Георгиевич.

Герка в этот день пострелял нельзя сказать чтобы вдоволь, но, в общем, нормально. Он собрал все гильзы и потом показывал их в школе друзьям, и рассказывал им о своих ощущениях от стрельбы.

На следующий год в начале августа Фёдор Георгиевич зашёл навестить Геркиного отца и, увидев Герку, напомнил ему:

– Готовься на охоту. Это где-то третья суббота августа. Обычно так открывают.

– А куда пойдём, дядя Федя?

– Я так думаю, мы с тобой в Зачёрное на озёра пойдём. Причём с ночевой. Как ты, согласен?

– Конечно! Мы с ребятами с ночёвкой на Суру на рыбалку ходим. Мы там на песке под кручей костёр большой разведём, песок прогреем, костёр уберём и ночуем.

– Одежду прожигают. Как только сами-то не сгорят? – вставила в разговор Геркина мать свои слова.

– Ну, в лесу песка, к сожалению, нет, но мы с тобой что-нибудь придумаем. Так что готовься. Патроны зарядить не забудь.

– Фёдор Георгиевич, а не рано ему на охоту-то? – вновь сказала мать.

– Ладно, мать, пусть сходит. Ничего плохова в этом нет. Пусть к жизни привыкает. Учится с природой дружить, – вступился за Герку отец.

Герка нашёл у брата гильзы, капсюли, порох, пыжи, дробь и начал заряжать патроны. Заряженные патроны он аккуратно складывал на полочку рядом с висевшим на стене ружьём.

Накануне дня открытия охоты дядя Федя вновь зашёл и предупредил:

– Так, завтра в обед приходи ко мне. Ружьё заверни в чего-нибудь. В общем, не показывай никому. Да, патроны не забудь. Возьми закусить. Если котелок есть, тоже возьми. Чайку на костре вскипятим.

– Котелок у меня есть. Солдатский. Мне дед Афанасий подарил. Он с ним с самой Маньчжурии не расставался. Он воевал там и оттуда пешком японцев пленных в Сибирь провожал, – с некоторой гордостью сказал Георгий.

– Ну, вот и хорошо. В общем, я жду, приходи, – попрощавшись, сказал дядя Федя и ушёл.

Герка в эту ночь спал плохо. Ему снились стаи уток, летящие над лесом. Они кружились и садились на гладь озера. Утки плавали и громко кричали, иногда ныряли в воду. А Герка тихо, тихо подкрадывался к ним. Он целился и нажимал на курки, но выстрела он не слышал, всё нажимал и нажимал в отчаянии на курки. Утки улетали, едва не задевая его ружьё, и Герка провожал их взглядом, чуть не плача от обиды.

Днём мать собрала Герке кирзовую хозяйственную сумку, положив в неё котелок, кружку и немного еды. Отец помог завернуть в мешок и завязать разобранное ружьё. Герка рассовал по карманам старенького пиджака патроны, надел кирзовые сапоги и отправился к дяде Феде, который жил на соседней улице. Когда он шёл к нему, то повстречал своего школьного друга Лёньку, которого за его белую, с золотистым отливом шевелюру прозвали сивым. Однажды какая-то приезжая училка, рассердившись на его проделки, даже пыталась искать у него золотой волос, схватив с силой его за чёлку. Поравнявшись, Лёнька спросил Герку:

– Ты куда?

Герка, вспомнив наказ отца особо не распространяться насчёт охоты, немного замялся, но всё-таки выдал Лёньке свой секрет.

– Да вот с Фёдором Георгиевичем на охоту собрались.

– А у меня брат уже ушёл. Я тоже просился. Не взял. Говорит, нельзя. Ну и пусть. Больно мне, чай, надо. А я на рыбалку, на Суру пойду. Ну ладно, давай, – сказал Лёнька и зашагал домой, но чувствовалось, что он завидует Герке.

Дядя Федя ждал Герку во дворе своего дома, примеряя «сидора», так называли солдатский вещмешок.

– Ну што, пошли? Всё взял? Ничево не забыл? – спросил дядя Федя Герку.

– Да вроде всё, – прикидывая про себя, сказал Герка.

И они двинулись в путь, размышляя каждый о своём. Дорога их проходила через овраг, который разделял посёлок на две части. Они спустились в него, перешли ручей, поющий свою песню под деревянным мостиком. Поднялись на другую сторону оврага, вдоль которого проходила улица. Она уходила влево, вверх к кирпичному заводу и буграм. Местечко это называлось в народе Белогоровка. Здесь всегда были сады. Они тянулись до самых белых бугров или, как говорили, до белых гор. За садами толпились бугры, поросшие лесом. Бугры и лес на них, казалось, нежно обнимали и охраняли посёлок. Они чем-то напоминали мускулистые руки древнего

богатыря. Дед Афанасий говорил Герке, что он когда-то охранял Белогоровские сады. Зайцев, по его словам, там в те времена было много, и он частенько ловил их силками. Охотников-то на них совсем мало было. Вот они из леса с бугров и перебирались в сады. Георгий знал, что каждый бугор имеет название: Стрелка, Кубышка, Белая. С правой стороны отдельно возвышалась Никольская гора. Зимой Герка с друзьями катался по буграм на лыжах, а с Никольской горы съезжал прямо до самого оврага. Теперь стало нельзя. Герка собственными руками со школьными друзьями под руководством директора школы Николая Ивановича рассадил у подножия школьный сад.

Герка с Фёдором Георгиевичем шли не быстро, иногда перебрасываясь короткими фразами. Обогнув Никольскую гору, они вышли на дорогу, что шла из Белогоровки в Заготзерно. Она шла вдоль бугров к впадине, разделявшей Никольскую гору и Белую и, извиваясь, ныряла туда, к красавице речке Суре. Отсюда открывался живописный, как на картине, вид. Была видна Сура, которая, петляя, прокладывала свой путь среди зелёных лесов, уходящих на север, к горизонту. Герка с Фёдором Георгиевичем сторонились машин, везущих зерно нового урожая, которые обдавали их белой, похожей на муку пылью. На некоторых машинах виднелись из красного материала транспаранты. На них можно было прочесть «Сдадим Родине ... тон зерна» или что-то в этом роде.

Фёдор Георгиевич провожал их уважительным взглядом. Он сам когда-то работал директором совхоза и вспомнить было чего, он очень гордился этим.

– Вот видишь, Георгий, люди воюют, ведут битву за урожай, делом занимаются, а мы с тобой прохлаждаемся. Ты знаешь, как раньше в народе про рыбалку и охоту говорили? Кто стреляет и удит, у того ни хрена не будет, – при этом он остановился, переводя тяжёлое дыхание, и снял с головы старенькую выцветшую фуражку сталинских времён с матерчатым околышем.

Отдышавшись, продолжил:

– Я, правда, своё уже отработал, а у тебя всё впереди, – и он потом замолчал, погрузившись, как понял Герка, в свои далёкие воспоминания.

Они спустились по извивающейся между невысоких пригорков грунтовой дороге почти к самой Суре, оставив позади склады Заготзерно. Слева от них остались небольшие здания конторы и магазина, возле которых был навес, а под ним столы, где можно было перекусить и отдохнуть водителям, ожидавшим сдачи зерна. От складов доносился шум механизмов для обработки зерна, привезённого с полей. А вокруг стоял какой-то особый запах собранного урожая.

Охотники двинулись вдоль Суры. Они могли видеть быстрое её течение, плетни, стоящие в воде на другой стороне реки. Плетни ещё больше усиливали её стремительный бег. На этой стороне они видели светло-коричневый песок Коровьего пляжа с крупной галькой. На песке стояли коровы, лениво помахивая хвостами. Некоторые лежали, двигая ушами, отгоняя назойливых мух. Другие зашли в воду и, опустив головы, пили, раздувая бока, помахивая хвостами. На дорогу от Коровьего пляжа вышло несколько женщин, которые несли в руках блестящие на солнце ведра-дойницы. Сверху ведра были завязаны материей. Следом за ними плыл запах парного молока. Было время обеденной дойки.

На берегу под небольшим деревцем отдыхали пастухи. Один лежал на спине, положив под голову старую полевую сумку, прикрыв глаза правой рукой. Другой, привалившись спиной к деревцу, курил сигарку. Он из-под надвинутой на глаза фуражки поглядывал на стадо. Лёгкий ветерок доносил запах табака-самосада, перебивающего все другие запахи. Увидев идущих по дороге людей, пастух повернул голову в их сторону. Левой рукой он слегка приподнял фуражку для приветствия и, вынув сигарку из рта, спросил:

– Чо, Фёдор Георгиевич, никак на охоту решили сходить?

– Да вот, Иван, видишь, молодёжь проявляет желание к этому делу.

– Чо ж, надо, надо. Это дело такое. Охота, она, как говорят, пуще неволи. Оно, стало быть, в природу хотите окунуться. С природой слиться, стало быть. Это неплохо. Она, природа-то, любви учит. Пущай постигает, – немного пофилософствовал пастух и сладко затянулся табачком.

Герка и его спутник, на время приостановившись, двинулись дальше. Вскоре они прошли мимо высоких тополей, кем-то посаженных, как по линейке, вдоль небольшого болотца, из которого чуть приметный ручеек пробивался и бежал к Суре. Тут, за тополями, начиналась поляна. Она была хорошо знакома Герке. Сразу за тополями в земле было вырезано изображение пятиконечной звезды. В центре её было место для костра. Каждый год здесь отмечали день рождения пионерской организации. Всё это было близко и знакомо Герке. Его отец был организатор первого пионерского отряда в посёлке. Даже табличка висела на доме по этому случаю. Сейчас эти воспоминания пролетели особенно быстро в его голове и тут же исчезли. Сейчас его мысли больше начинали настраиваться на охоту. Его первую охоту. Они мешались с воспоминаниями о тех местах, по которым они шли. А дальше они шли по поляне. Она тянулась вдоль Суры с одной стороны и вдоль небольших бугров, поросших лесом, с другой. Как её называли раньше, Герка не знал, а сейчас её в народе звали Пьяной поляной. Здесь в летнее время проводился народный праздник, День песен. Сюда съезжались люди со всего района. На самой поляне проходили соревнования по футболу и волейболу. Но главным, конечно, были песни, выступления художественной самодеятельности. Там, в конце поляны, на бугре, была сцена. Ниже располагались сколоченные на скорую руку тесовые лавки. Их было немного. На передней за столиками сидело, мучаясь и изнывая от жары, жюри. Вокруг всего этого стоял, толпился и двигался народ. Над лесом и Сурой звучали песни. Люди, пришедшие на праздник, старались расположиться компаниями под деревьями. Многие с баянами или гармошками. Здесь тоже звучали песни. В общем, поляна пела, играла, плясала, шумела и галдела на разные лады и голоса. На поляне бойко, вовсю

шла торговля. Из наспех построенных ларьков или прямо с кузовов машин торговали водкой, вином, пивом, лимонадом, мороженым, колбасой, солёной рыбой и закусками. Было шумно и весело, порой даже слишком весело. Милиция, как говорится, была начеку. Милицейская машина – «чёрный воронок» – порой делала рейсы в посёлок. Она увозила в отдел слишком разгорячённых «песенников». Герка помнил, что здесь праздновали также День молодёжи и ещё какие-то праздники. Все эти воспоминания как-то сами собой, непроизвольно толпились в Геркиной голове, пока шли они по Пьяной поляне. Войдя в лес, дядя Федя решил сделать привал. Он снял с себя «сидора» и положил на землю. Сам сел на пенёк, держа в руках ружьё. На спине, на рубашке у него расплылось влажное пятно. Он опять снял фуражку, вынул из кармана платок и с удовольствием вытер выступивший на лысине и лице пот.

– Нам с тобой надо было через Святые колодцы идти. Там покороче будет. Да и лесом – попрохладней. Ладно, на обратном пути так и сделаем, – сказал дядя Федя, размахивая снятой сталинской фуражкой, как веером.

– А мы куда идём? На какое озеро? – спросил Герка.

– Мы с тобой идём на Дубовенькое. А рядом с ним там Мочилки, мужики мочало готовят, вот у них и остановимся. Шалаши у них хорошие, в них и заночуем.

– Я знаю Дубовенькое. Мы с соседом Виктором караса там ловили. Правда, некрупный, но клевал – забросить не успеешь. Я тогда почти ведро наловил. Домой пришёл, поел, лёг на кровать, глаза закрываю, а у меня в глазах вода, поплавок и клюёт всё время, уснуть не могу.

– Это ты переутомился, это бывает. Вы уж, видимо, лишнего порывачили. А ты знаешь, там ведь ещё озёра есть. Урал, Плетни... По некоторым из них зимник проходит на Полянки и Бар-Слободу.

– Да-а. Мы с матерью как-то по этому зимнику на лошади в санках ехали. А лошадь, оказалось, тракторов боялась и машин. Вот нам и встретился трактор, и она нас понесла прямо по вырубке по пням. Я хоть и маленький был, а здорово запомнил, испугался

тогда. Даже помню, как санки перевернулись. Как лошадь волокла нас вместе с ними по пенькам, пока мы не вылетели из-под них. Мать долго потом вспоминала, как мы чудом живы остались.

– Ладно, хватит грустных воспоминаний. Пошли дальше. А озёр там, если мне память не изменяет, много: Чёрный Исток, Большое Ольховое, Малое Ольховое, это всё около Ольховой поляны, дальше Кругленькое, Уральский Затон, Урал, Садок, Плетни, а вот сейчас сразу Долгое будет. Вода в нём чистая, прозрачная, холодная, со святых колодцев ручей течёт. Правда, в нём ни рыба, ни утка, ни лягушки не водятся. Ладно, пошли. Нам с тобой ещё к ночёвке надо приготовиться.

– Дядя Федя, а почему это место Зачёрным называют? – спросил Герка.

– Точно я не знаю, но думаю, что из-за леса. Здесь ведь в основном какие деревья? Липа, дуб, вяз, или, как раньше говорили, чернолесье. Вот я так думаю. А в общем, бог его, конечно, знает. Может, здесь какие-то чёрные дела творились. Тут, говорят, в войну дезертиры прятались. Ты вот смотри, тут даже в лесу и на Суре народ местам названия придумал: Чёрный яр, дальше Липовый яр, потом Ветлянка. На той стороне Вязовый. Любил человек природу, жил он ей.

– Смотри, смотри! Гера! – вдруг негромко воскликнул Фёдор Георгиевич и показал рукой вперёд.

Через узкую поляну, на которую они вышли, окружённую молодой, невысокой порослью деревьев, быстро перебежал небольшой зверёк. Герка увидел его. Вначале ему показалось, что это была белка, но присмотревшись, он узнал в нём лисёнка. Тот, посмотрев в их сторону, ловко шмыгнул в кусты.

– Давай пройдем немного то место, где он скрылся, остановимся и посмотрим, он обязательно выйдет из кустов поглядеть на нас. Молодой, несмышлёныш. Они в это время сильно любопытные, всё изучают, всё им интересно, – сказал Фёдор Георгиевич.

Всё так и получилось. Лисёнок вышел из кустов, уселся на стерню скошенной травы и стал рассматривать непрошенных гостей. Он зачем-то вытягивал вперёд и опускал вниз свою симпатичную и, как показалось Герке, озорную мордочку. Со стороны могло показаться, что он с ними так здоровается.

А вокруг жила природа только ей одной ведомой жизнью догорающего лета. На местах полянки, где коса не коснулась травы, ярко белела ромашка, отцветал мышиный горошек, горели лиловым цветом колокольчики. Местами у деревьев поникла и пригнулась, начинала желтеть высокая трава, в которой непреклонно стояли и смотрели соцветия высохших летних цветов. В траве на солнце всюду упражнялись кузнечики, исполняя свою нехитрую мелодию. Прислушавшись, можно было услышать и тихую песнь листвы, с которой заигрывал лёгкий ветерок. Порой он срывал ещё редкий пожелтевший лист и, играя с ним, плавно опускал его на землю. Это было время, когда дни стали короче, а ночи чуть длиннее, когда лето ещё не закончилось, но уже легонько отступало перед тихо, но настойчиво идущей на смену ей осенью. Ночью стало уже холоднее, вода остыла и не манила так своей прохладой. Над лесом всё чаще по утрам нависали кудри седого тумана.

Вдруг стайка скворцов, вынырнувшая из чащи леса, раскатилась чёрными шариками, рассыпалась по скошенной поляне.

Невдалеке сороки затеяли какую-то непонятную игру, ныряя в воздухе, при этом громко сообщая о своём присутствии окружающему миру. Они также сообщали своей руганью живому миру о непрошенных гостях леса. На всю эту картину сверху смотрели чуть отяжелевшие облака. Они спокойно плыли по изменившему уже свой цвет небу.

Фёдор Георгиевич громко хлопнул в ладоши. От неожиданности Герка вздрогнул, а лисёнок подпрыгнул и растворился в кустах.

– Он подрастёт к зиме. А зимой этих глупышей охотники первыми подберут, – сказал Фёдор Георгиевич, как показалось Герке, с некоторым сожалением.

Они шли по лесной дороге, местами глубоко прорезанной колёсами трактора. В чёрном бархате колеи то тут, то там поблескивали лужицы воды. Порой к ним кое-где склонялись кусты черёмухи с остатками несобранного сладкого урожая. Герка машинально срывал ягоды и клал в рот, наслаждаясь их вкусом.

Не доходя до озера Дубового, лёгкий ветерок донёс до них пряный, своеобразный запах липовой коры, лыка и мочала. Там, чуть дальше, было озеро Мочилки. На протяжении долгих лет в нём замачивали стволы липовых деревьев, которые срезали здесь же, рядом с озёрами. Вот вам и названия. Вода в озере была тёмная, коричневатого цвета, и в нём, как знал Герка, рыба не водилась. Выйдя на поляну, рядом с озером Герка увидел несколько лубяных, аккуратных шалашей одинаковой формы из липовой коры. Рядом жерди-вешала, на них висело мочало, источая свой сладкий аромат. Неподалёку от шалашей чернело кострище с вбитыми в землю кольями. Здесь же был сооружён дощатый стол. Вокруг него сиденья. Людей видно не было. Рядом с берегом белели стволы ободранных брёвен, сложенные в кучи. В тёмной воде озера были видны притопленные плоты из необработанных стволов липы.

– Ну вот, Георгий, мы и на месте, – услышал Герка голос Фёдора Георгиевича. – Что-то только никого не видно. Садись, отдыхай.

Герка, присев к столу, вынул из мешка ружьё и аккуратно начал собирать его.

В это время совсем как-то неожиданно, тихо и незаметно появился небольшой сухопарый мужичок. На вид ему было лет сорок. На нём был старенький, серый, местами засаленный пиджак, такие же брюки с большими заплатами на коленях. Брюки были заправлены в сильно изношенные кирзовые сапоги, давно не выдавшие сапожной щётки. На голове не по размеру большая офицерская фуражка с тусклым сломанным околышем. На лице

привлекали внимание живые, с блестящими в них озорными огоньками глаза. В правой руке мужичок держал плетёную корзинку с дикими яблоками, поверх которых лежало несколько веток чёрной смородины. За спиной у него Герка заметил кошель, таким же частенько пользовался и его дед Афанасий.

– Ну, вот и я. Явился, как говорят, не запылится. Здравствуйте вам. Давно ли прибыли? – поздоровался мужичок, протягивая руку.

Герка почувствовал твердое пожатие костистой, жилистой руки, которая долгие годы, надо понимать, добывала средства существования себе и своей семье, а в войну защитила эту богом данную землю и поборола страшного врага.

– А я думаю, надо до озера сбегать. У меня там верши стоят. Вот на ушицу бог карасишек послал.

При этом поставив корзину, он ловко снял с себя и открыл кошель. В нём, поблёскивая золотой чешуёй, трепыхались и двигали жабрами несколько красных карасей. Они старались выбраться из-под кустиков лесной крапивы.

– Так што уха у нас будет... Ну, как дошли? Говорите, нормально. Ну ладно. Да вы располагайтесь, где кому нравится. Места всем хватит. Вам, наверное, скоро идти уж надо. Так вы давайте, давайте. Открытие-то, как обычно, в пять, я слышал. Я там мужиков у одного озера видел. Они уже галдят, мытарятся. Один, я слышу, уж заливал больно здорово и красиво. А какой ты охотник, если рассказывать не умеешь? Вы давайте, идите, идите. Я тут один управлюсь. Как говорят: «Ни пуха, ни пера!»

– К чёрту, Николай! – сказал Фёдор Георгиевич, прилаживая патронташ.

Так Герка узнал, как зовут этого разговорчивого, приветливого мужичка, который остался на выходные сторожить и заправлять этим нехитрым хозяйством. Он неподдельно был рад им. Теперь ему было не так скучно в этом лесу, ставшем на время вторым домом. И как радельный хозяин он старался принять их.

– Мы тут свои припасы тебе, Николай, оставим. Ты, если что надо, бери, – сказал Фёдор Георгиевич перед тем, как уйти.

– Ладно, ладно. Да у меня, в общем-то, всё есть. Мужики оставили.

Герка растолкал по карманам патроны и, взяв ружьё, двинулся за Фёдором Георгиевичем.

Они направились к соседнему озеру, решив обойти его и присмотреть места для охоты. Обходя небольшое болотце, они, можно сказать, на расстоянии немного большем вытянутой руки с ружьём неожиданно в кустах увидели лосиху с небольшим лосёнком. Герка не успел даже испугаться и внимательно смотрел на животных. Те замерли и тоже с интересом и удивлением смотрели на людей, и, как показалось Герке, даже как бы спрашивали, кто и зачем нарушил привычное течение их жизни. Лосиха втягивала в себя воздух, было видно, как слегка раздувались и вздрагивали её тёмные, влажные ноздри. По её телу пробегала мелкая, чуть заметная нервная дрожь. Чувствовалось, что она превратилась в сгусток энергии, готовый мгновенно взорваться и прийти на помощь своему продолжению жизни – лосёнку. Герка вздрогнул от неожиданно прозвучавшего выстрела. Этого лосиха не ожидала, ей, видимо, был знаком этот ужасный звук, и она непроизвольно в страхе сделала огромный прыжок, дав этим сигнал лосёнку, который мгновенно последовал за матерью. Они тёмной молнией сверкнули по лесу, оставляя за собой приглушённый топот копыт и звучный треск сломанных сухих веток. Герка вопросительно посмотрел на Фёдора Георгиевича. Тот, переломив ружьё, чуть заметно вздрагивающими от волнения пальцами вынимал пустую гильзу из патронника. Его лицо, как показалось Герке, немного побледнело. Он зачем-то понюхал гильзу, дунул в ствол и, перезаряжая ружьё, сказал:

– Ну што, Георгий? Как в том анекдоте? Пронесло? Трухнул малость? Я, надо сказать, тоже немного растерялся вначале. Корова с телёнком – это, я тебе скажу, опасно, даже очень опасно. Затоптать может. Они человека, как бумагу, копытом пробивают.

Вот я и пальнул в воздух. Теперь охотники подумают, что кто-то раньше времени охоту начал. Ладно, Бог с ней, пошли дальше.

– А как она маханула! – сказал Герка.

– С испуга маханёшь!

– Я в книжке читал, на севере за полярным кругом, на военном аэродроме механик самолёт обслуживал, а к нему сзади белый медведь. Так тот с испугу на крыло сразу запрыгнул. Потом, когда медведя прогнали, вся эскадрилья прыгала, никто не смог запрыгнуть.

– Вот так он, человек, устроен. Сколько он невозможного порой в жизни преодолевает. Разные его прыжки судьба делать вынуждает. Правда, не все их в нужном направлении делают. Порой, духом если слабоват, то... Но русский народ суровая природа и трудная жизнь закалили. Ладно, ты давай здесь вставай, а я ещё немного пройду и тоже встану. Ты не торопись. Стреляй лучше, наверняка, когда утка на воду сядет.

Герка, оставшись один, пробрался на островок, поросший высокой травой, притащив и приладив для этого сухой ствол дерева. Место ему понравилось. Он стоял и прикидывал, как и откуда могут прилететь утки и как он будет в них стрелять. Он уже давно зарядил ружьё и взвёл курки. Часов у него не было, и он стоял и слушал. Он знал: когда начнётся охота, будет такая канонада, это и будет означать её открытие. В это время в воздух поднималось обычно большое количество уток, которые начинали стремительно летать над озёрами и лесом, ища спасения в укромных местах.

Когда ждёшь, время тянется неимоверно долго. Герка вспомнил отца, правду говорил тот: ждать и догонять – хуже нет.

И вдруг охота началось для Герки совсем как-то неожиданно. Вначале где-то прозвучал одиночный далёкий глухой выстрел. И тут началось... Герку словно кто-то сильно встряхнул, и в нём как будто загорелся какой-то огонь. Словно кто-то раздул тлевший костёр. В нём сработал инстинкт далёких предков, занимавшихся охотой. Он почувствовал, что весь сжался в пружину, готовую с

силой разжаться. Сердце вдруг сильно и часто заработало в его груди, и он почувствовал, как руки непроизвольно крепко сжали ружьё. Слух и зрение его напряглись. Он слушал и смотрел. Он ждал. Но время шло, а утки и не думали удовлетворить пылавшее Геркино нетерпение начинающего охотника. Это чуть-чуть разочаровало его. Он начал немного даже ругать себя за то, что выбрал это место, потом за то, зачем они пришли на это озеро, где нет никаких уток. Но дуллет, два выстрела, следовавшие один за другим, в том месте, куда ушёл дядя Федя, вернули к нему надежду. И оказалось, не зря: три утки, быстро описав за его спиной полукруг, широко раскинув крылья, с шумом будоража воду, сели на спокойную гладь озера недалеко от Герки. В разные стороны от них побежала небольшая волна. Передать Геркино волнение было невозможно. Сердце так стучало, что руки сильно вздрагивали, а мушка ружья отчаянно прыгала в глазах. В голове стучало: «Вот она, охотничья удача! Сейчас я их...» Герка нажал на курок. Что произошло, он не понял хорошо в то время, да и в последующие времена тоже. Вспоминая, он так и не уяснил всего до конца. Он мог только сравнить это со взрывом бомбы на Суре, когда в половодье самолёты бомбили ледяные заторы. Его такшибануло в плечо прикладом, что он, не удержавшись на ногах, вскрикнув, отлетел и шлёпнулся плашмя на спину в воду недалеко от берега. Две здоровых лягушки выпрыгнули из воды. Ружьё, которое вырвалось из рук, подбросило в воздух, и оно, несколько раз перевернувшись, упало на берег в траву. Прохладная уже вода быстро привела Герку в более или менее нормальное состояние. Он в горячке попытался сразу выбраться из воды на берег, но не смог. Одежда его намокла и стала тяжёлой. В сапоги залилась вода. Ноги по колено провалились в тину. Вода чуть выше пояса своей прохладой обняла его тело. Высокая осока опутала его и не давала двигаться. Когда он брался за неё, она сильно, до крови резала его пальцы. Герка невольно совал пальцы в рот и сплёвывал кровь вместе с грязью. Покрасневшее от напряжения лицо его тоже было испачкано грязью и местами покрыто ряской. Герка напрягал свои

силы, чтобы выбраться из столь недружелюбных объятий природы. Кричать, звать на помощь он не хотел, это было как-то не по-мужски в его юношеском возрасте. На какое-то время ему стало немного страшно. Он почему-то вспомнил рассказ отца, как один охотник, убив чирка, полез в болото доставать его, но вылезти не смог. Его нашли по руке, торчащей из воды и держащей добычу. Герка, немного успокоившись, снял с головы фуражку и вытер пот, заливавший его глаза, а затем выбросил фуражку на берег. Он вновь попробовал освободить ноги, но не смог. Он вспомнил случай, когда спрыгнул весной с сарая в плотный, подтаявший большой сугроб снега и тогда тоже не мог вытащить ног, и стоял по пояс в снегу, и кричал, звал, чтобы ему помогли. Тогда его услышал отец. Взял лопату и откопал его, шлёпнув при этом лопатой по мягкому месту. Сейчас кричать Герке совсем не хотелось. Да и отца-то рядом не было. Он представил себе, что будет, если друзья узнают про эту историю, вот уж тогда ему не поздоровится. Он стоял и думал: что же делать? Что же это за тина такая?словно в гудрон попал. Нет, надо за что-то зацепиться. А за что? Руки его саднило от порезов осокой. На правой руке сильно болели и кровоточили указательный и средний пальцы. Посмотрев на них, он понял, что это от курков ружья. «Хорошо ещё, пальцы целы. Ладно, после разберёмся, а сейчас надо выбираться», – сказал он сам себе. Окончательно успокоившись, он внимательно посмотрел вокруг себя. Среди осоки, приглядевшись, он увидел пригнутый кустик ивняка. Он попытался до него дотянуться, но не смог. И вокруг подходящего для этого ничего не было. Тогда Герка снял с себя старенький ремень и, сделав петлю, попытался набросить её на торчащий сучок и подтянуть куст к себе. Только, наверное, с десятой попытки это удалось ему сделать. Куст был не очень крепкий, но это всё же была какая-то опора. И вот он стал сантиметр за сантиметром вытягивать вначале правую ногу, вытащив её, он подмял под неё пучок осоки, и нога уже провалилась не так глубоко. Затем он стал вытягивать левую ногу, напрягая силы, так, что ему казалось, он сейчас оторвёт ногу

вместе с сапогом, но вдруг куст выскользнул из грязных рук. Герка вновь испугался, но напрасно. Потянувшись, он с трудом, но всё же смог достать до куста. Он раскачал немного ногу, и теперь дело пошло лучше. И вот, оставив за собой след примятой и вдавленной в тину травы и вспененную грязную воду, Герка наконец-то с трудом выбрался на берег. С него стекала чёрная жижа, оставляя след на берегу. Пот с ещё большей силой выступил на его лице. Он глубоко и часто дышал. По высоко и часто поднимавшейся груди изнутри словно кто-то сильно настукивал молотками. Он вначале лежал, перевернувшись на спину, затем сел и, отдышавшись, попытался снять старенькие кирзачи, но они как приклеились к его ногам. За голенища плотно набилась тина. Носки и брюки, заправленные в сапоги, намокли и разбухли. Тогда он снял пиджак, рубашку и майку. Выжал из них воду и, встав, развесил на кустах. Затем он расстегнул брюки и спустил их до колен. Потом давнишним детским приёмом скатал трусы на ноги, и наклонившись вперёд, выставив голый зад, стал отжимать их.

За этой процедурой застал Герку Фёдор Георгиевич.

– Ты чего это? Не фотографировать ли меня собрался? – весело спросил он, не понимая, в чём дело.

– Да вот... – начал было Герка, которому совсем было не до шуток.

– За уткой лазил, что ли? – опять спросил Фёдор Георгиевич.
– Я слышал, ты выстрелил. Только уж больно сильный выстрел был. Убил?

Смутившись, Герка отрицательно покачал головой, расправляя на себе вначале трусы, а затем брюки.

– А ружьё где? – спросил Фёдор Георгиевич.

И тут он увидел валявшуюся на берегу двустволку, поднимая её, сказал:

– Ты что бросил? Так с оружием охотники не поступают.

И тут Герка, ещё больше смутившись, рассказал, что с ним произошло.

– Так это что же, у тебя заряд, выходит, очень сильный? – сказал Фёдор Георгиевич и, разломив ружьё, попытался вынуть стреляную гильзу. Но та не поддавалась. Пришлось вырезать палку и выбивать ей. Надев очки, он внимательно стал рассматривать гильзу.

– Смотри-ка, как её разорвало!

Герка взял в руки гильзу и увидел рваную трещину во всю её длину.

– А ружьё, смотри, целое. Вот это сталь! И прикладу ничего! А то всё «Зауер», «Зауер»! А вот тебе, наша «Тулка»! Да-а-а. Повезло тебе, однако. Давай-ка посмотрим, чем ты патроны-то снарядил? – не переставал удивляться Фёдор Георгиевич.

Он, не торопясь, палочкой расковырял снаряжённый патрон, вынутый из другого ствола. Сначала высыпал на ладонь дробь.

– Ну что ж, дробь нормально, – и пересыпал её в разорванную гильзу.

Потом он с трудом вынул пыжи и также на ладонь высыпал порох. И удивлённо посмотрев на Герку, спросил:

– Это ты где такой взял?

– У брата, а он его из Казани привёз.

– И сколько ты его бухнул?

– Мерку.

– Так это, наверно, мерка для дымного была, а этот бездымный. Он же гораздо сильнее. Ты на, сам посмотри. Я и марку-то такую не знаю. Всё, дружок. Охота твоя закончилась. Нет, я никак не пойму, как ствол не разорвало и руки не отлетели, – и, помолчав, добавил: – Я, конечно, свои патроны дал бы, но у меня калибр другой. Ну-ка, ну-ка, а с руками-то что? Перевязать надо чем-то.

Герка, конечно, был сильно огорчён такой неудачей. А если друзья узнают? Брат? Отец? Тогда никакой охоты больше не будет. И он, умоляюще посмотрев на Фёдора Георгиевича грустными глазами, сказал:

– Вы уж это, пожалуйста, только никому не говорите.

– Ладно. Только ты таких ошибок больше не делай. Не знаешь чего, ты людей спроси. Садись, сапоги-то надо снять. Давай. Сполосни всё. Выжми и пошли к костру. Сушиться будешь. Николай ухи, наверно, наварил, закусим. И не переживай! Ты ещё легко отделался, а охота твоя вся впереди. Ты сапоги одень и пошли. Давай я ружьё понесу. Пошли.

Пришли они вовремя. Недалеко от костра прикрытое липовой корой стояло ведро с ухой. Запах свежесваренной ухи, прорывавшийся из ведра, приятно щекотнув нос, невольно заставил Герку сглотнуть слюну. И неприятность, свалившаяся на него, слегка куда-то отодвинулась. Николай, занятый своим делом, не сразу заметил пришедших. А когда повернулся и увидел, то обрадованно заговорил:

– Ага, за уткой, видно, лазали? Я слышал, стреляли. Сейчас шулюмку заварганим!

– Стрелять-то мы, Николай, стреляли. Только вот утки в другое место помирать полетели. Так что мы на твою уху рассчитываем. Да у нас вот тут небольшой конфуз вышел.

При этих словах Герка замер, забыв про уху, и с тревогой и мольбой посмотрел на Фёдора Георгиевича.

– Георгий у нас с бревна в воду оступился. Ну и...

Герке показалось, что он второй раз выбрался из озера. И он уже с благодарностью смотрел на дядю Федю, друга отца.

– Так мы это счас поправим. У мужиков тут кое-какая рабочая одежонка есть.

И он проворно шмыгнул в один из шалашей и появился с небольшой охапкой одежды.

– Ну вот, выбирай, – бросив её на землю, сказал он Георгию. – Правда, не ахти какая, но всё же.

Герка выбрал и одел заплатанные штаны, закатав штанины, и очень даже свободный пиджак, рукава которого тоже пришлось закатать.

– А тут и фуражка есть, – сказал Николай, надев её на Геркину голову. – Смотри-ка, Фёдор Георгиевич, настоящий Гаврош.

– Этому Гаврошу ещё бы обувку какую-нибудь, – продолжил Фёдор Георгиевич.

– Постой-ка, постой-ка, – вспомнил о чём-то Николай и вновь скрылся в шалаше.

– У нас тут Степан Викторович вот такие штуки мастерит, – сказал Николай, вылезая из шалаша и протягивая Герке новенькие лапти.

– У меня у деда Афанасия такие есть. Он их на сенокос обычно надевает, – сказал Герка, примеряя обновку.

– Не жмут? – смеясь, спросил Фёдор Георгиевич. – Я ведь тоже когда-то носил. А обувь для своего времени была неплохая. Вся крестьянская Россия на ней стояла и держалась.

– Я вот тоже когда-нибудь хвалиться буду, что лапти носил, как мой старший брат Геннадий, – сказал Герка, шмыгая лаптями. – Они с отцом всё спорят. Брат говорит, что он носил лапти. С дедом на сенокос ходил, а отец говорит, нет. Не было у нас, говорит, никогда лаптей.

– Я вот что думаю, со временем у нас о многом забудут, а уж про лапти подавно, – сказал Николай, ставя ведро с ухой ближе к костру, чтобы подогреть.

– Об этом нам, Николай, надо всегда бы помнить. Помнить для того, чтобы нас в них кто-нибудь опять не обул или чтобы мы сами по своей глупости в них не сели, – высказал свои мысли Фёдор Георгиевич.

– Да мы што. Мы народ. Нас в самолёт посадили, и мы полетели. А уж тошнит тебя или нет, это мало кого беспокоит. А лётчик, он што? Он рулит, его дело такое. Рули да рули, – своеобразно как бы возразил Николай, ставя на стол ведро с ухой, и добавил. – Давайте-ка к столу. Я уху подогрел. Вынимайте люменивые чашки, кружки, ложки и вперёд! Я правильно, Георгий, говорю?

– Так, наверное, не люменивые, а алюминиевые? – поправил Герка.

– Ну, знаешь што? Вот поживёшь и узнаешь, как правильно. Русскому народу, ему скажут – люмень. Так он в ответ: «так точно» или промолчит. Тебе куда ухи наливать? – спросил Николай Герку.

– Я вот из своего котелка буду.

– Ну, как прикажешь!

В это время Фёдор Георгиевич достал из сильно полинявшего «сидора» чирок водки. Слегка обстучал белый сургуч и ловко правой рукой ударил в дно бутылки, удерживая её левой. При этом картонная пробка незаметно вылетела из неё. Он налил грамм сто в стоявшую на столе кружку.

– Давай, Николай, выпей за открытие охоты, чтобы удача повернулась к нам лицом, а не задом! – сказал Фёдор Георгиевич, при этом взглянув на Герку.

– А вы? – спросил Николай, переводя взгляд с читушки на собеседников за столом. – Да я и не охотник вообще. После войны взял было ружьё в руки, а стрелять не могу. Выходит, настрелялся. Решил так: с удочками да бредешком летом. А зимой на згар с черпалом за рыбёшкой. Нет уж, давайте вместе, я за рыбалку, а вы за охоту.

– Ему ещё рано, а я своё всё выпил, да ещё ко мне тут кондратий заглядывал.

– Кто? – не поняв, переспросил Николай.

– Кто. Давление скакануло, да здорово. Ну, вот после этого я всё. Завязал. Давай, Николай, время не тяни, а то выдохнется или прокиснет, – завершил свой тост Фёдор Георгиевич, как показалось Герке, с весьма большим сожалением.

После нескольких ложек горячей ухи жизнь Герке стала казаться не такой уж и плохой. Но горечь досады, обиды на собственную глупость где-то застряла в его юношеской душе.

Николай, выпив водку, крикнул и, понюхав кусок ржаного хлеба, произнёс:

– Как её беспартийные пьют?

– Слушай, Николай, я тебя всё забываю спросить: ты партийный? – справился у него Фёдор Георгиевич, расправляясь с ухой.

– Был, как говорят, да весь вышел. Был да сплыл. Исключили. Долгая история. А вы ешьте, ешьте, ухи-то на всех хватит, – перевёл разговор Николай на другую тему. – Помню, у нас случай был, собрались мы также на природу. Тихо помешанные, то есть рыбаки, и буйно помешанные – охотники. У нас бредешок, у них ружьё. Ну, конечно, и это дело, – показал на водку Николай. – А может, оно и главное было, это дело. Не помню уж, какой повод был. Да бог с ним.

Но помолчав, всё же ответил на вопрос Фёдора Георгиевича:

– Дело такое вышло. Командовать мне расстрелом дезертиров приказали, – и замолчал.

Потом добавил:

– Ну, а я не смог. Жалко мне их стало. Если бы вы только их видели. Свои ведь. Вот такие пироги.

И, отойдя к костру, выкатил тлеющий уголёк на лезвие топора и прикурив от него, глубоко затянулся.

– Садись давай, – позвал Николая Фёдор Георгиевич, выливая водку в кружку. – Ты давай допивай.

– Спасибо. Как прикажете. Ладно, за неё, за проклятую, за удачу, – сказал Николай и опорожнил кружку, и, закусив, продолжил:

– Мы, тихие, стало быть, лазали, лазали с бредешком, нацедили окунишек десятка два. Буйные приволокли голубя дикого – вяхиря. Вот и вся наша добыча. Закуски у нас на всю ораву, выходит, кот заплакал. Заварганили мы всё вместе – и рыбу, и дичь. По разочку водочки попробовали, потом по второму и заиграли на ведре ложками «о, дайте, дайте мне покушать!» А среди нас был молодой здоровый мужичок килов под сто тридцать. Ему, милому, одному два ведра еды надо! Видит он, еды мало остаётся, он возьми носом и сморкни, и прямо в ведро. Што тут

было! Кто на него с кулаками, кто его трёхэтажным стал крыть. А он так по-простецки, мол, мужики, извините, случайно получилось. Все конечно, ложки побросали. А он: извините, извините, вы, наверное, больше не будете, и ведро к себе пододвигает, и говорит: я уж так и быть, доем. За всех пострадаю. А сам улыбается.

– Мы тоже на рыбалке, чтобы у тебя чего-нибудь не съели, возьмём и поплывём в кружку или котелок, – присоединился Герка к Николаю, который вновь, казалось, немножко был чем-то огорчён.

– Вот вы охотники, а знаете, кто у охотников и рыбаков небесные покровители? – спросил Николай, переводя взгляд с Герки на Фёдора Георгиевича. Герка с надеждой, вопросительно посмотрел на дядю Фёду.

– Так вот, – сделав паузу, продолжил Николай. – Это богиня зверей, птиц и охоты – Зевония!..

Одевалась она в богатую кунью шубу с разными отделками. Сверху у неё была накинута медвежья шкура, а голова медведя была вместо шапки. В руках у неё был натянутый лук, а ещё у неё были рогатина и нож!

– И где ты это всё вычитал? – спросил Фёдор Георгиевич Николая.

– Не вычитал, а мне один старый охотник поведал. Ещё он сказал, что у нас, у православных, покровитель охотников и рыбаков Святой Великомученик Трифон. И икона, говорил, такая есть, он там с соколом на руке изображён. Храм, говорил, под Москвой и ещё легенда о царе, ловчем и соколе есть.

– Видишь, Георгий, Николай-то, оказывается, не лыком, шит. Хотя и лыко дерёт. Ты давай, как говорят, тоже на ус наматывай. Я чувствую, он много нам чего рассказать может. Ну ладно, а я пойду на вечерней зорьке постою. Ты, Георгий, одежду и сапоги просуши у костра, да получше, – сказал Фёдор Георгиевич, уходя.

После его ухода Герка с Николаем занялись каждый своим делом. Николай прибрал на столе, вскипятил воду и заварил смородный чай. Потом залез в шалаш отдохнуть, и вскоре Герка

услышал его сонное бормотание. Тем временем Герка разложил и развесил вокруг костра свою мокрую одежду. Попивая чай, подкладывал в костёр дрова. Вскоре от одежды пошёл лёгкий парок, разнося вокруг костра прелый запах. Герка зорко следил, чтобы одежда не загорелась. В это время вновь началась канонада, заполняя звуками выстрелов пойму Суры. Ждать охоты, готовиться к ней, быть на охоте и не охотиться – это было жестоким испытанием. Вскоре Герка переоделся в свою одежду. Забрался в рядом стоящий шалаш, укрылся с головой и постарался задремать, но не мог. Он слышал, как пришёл дядя Федя. И понял по разговору с Николаем: уток он не принёс. Он слышал, как они за столом пили чай и о чём-то тихо разговаривали. Он невольно старался прислушаться, но вдруг неожиданно уснул. Проснулся Герка от выстрелов, гулко раздававшихся в ночном остывшем воздухе. Откуда-то доносилась неразборчивая песня в исполнении нестройных мужских голосов, в промежутках слышались задорные звуки гармони. И тут Герка понял, что охота – это что-то другое, это не то, что он себе представлял. Это был какой-то мужской ритуал, корни которого там, в глубине веков. Герка на миг представил мужчин племени, собирающихся на охоту или возвратившихся с неё с добычей и устраивавших песни и танцы под звуки барабанов и мечущих дротики в чучела зверей.

Потом всё как-то сразу стихло и успокоилось. Было только слышно легкое потрескивание в прогоревшем костре. В нём догорающие угли покрылись седым, нежным, бархатным слоем пепла. Порой костёр издавал лёгкий вздох, как бы о чём-то сожалел, и тогда над ним поднимались в воздух и тут же гасли и исчезали маленькие искорки-светлячки. А иногда казалось, что они превращаются в звёзды на ночном небе.

Утреннюю зорьку они проспали. Герка проснулся оттого, что какая-то букашка ползла по его лицу. Смахнув её, Герка с удовольствием потянулся. Но, вспомнив печальные события прошедшего дня, вновь взгрустнул. Грустить ему долго не пришлось. Громкие слова Николая прервали его печальные мысли:

– Подъём! В ружьё! Ту-ту-ту-у-у.

Герка вылез из шалаша, подошёл к горящему костру и долго молча смотрел на танцующее на поленьях рыжее пламя. Движение его мыслей в голове почему-то замедлилось под удивительной магией огня. Он давно наблюдал эту волшебную силу огня, с тех пор, когда впервые, увидел его в доме, в печи. Он встрепенулся от чьего-то голоса. Его звали к столу. После сна аппетита у него не было, но он всё же немного перекусил и попил чая.

– Ну что, Георгий, делать будем? – спросил Фёдор Георгиевич.

– Живите у меня ещё денёк. Мужики только завтра утром приедут, – вмешался в разговор Николай.

– Нет, – мотнув головой, твёрдо сказал Герка. – Я пойду домой.

– Я тоже думаю, нам домой надо пробираться. Даст Бог, мы к тебе, Николай, ещё нагреем. Давай, Георгий, собирайся, – поддержал Герку Фёдор Георгиевич.

Собрались они быстро. Собрать-то в общем было нечего. Герка вновь спрятал ружьё в мешок. Сунул в сумку котелок и злосчастные патроны. Они попрощались с Николаем и двинулись в путь. Теперь они решили идти через Святые Колодцы. Это было немного короче, и подъём, который им надо было преодолевать по лесной тропе, был более плавным. Вскоре они вышли на тропу, которую в народе называли нижней дорогой. Это была самая короткая дорога, пешая тропа между двумя населёнными пунктами. Дорог между Сурским и Полянками, как знал Георгий, было четыре: зимняя, нижняя, средняя и верхняя. Зимняя – по Суре и озёрам, нижняя – через Святые Колодцы, средняя – от Никольской горы, через Белую гору по просеке, где шла телефонная и радиосвязь. И верхняя – основная дорога, которая шла от посёлка да Красной караулки потом лесом до Фомичёвой караулки и дальше до Стрелки и Полянок.

Почти всю дорогу они молчали. Герка неохотно поддерживал разговор. Он всё думал, как и что рассказывать ему дома и друзьям

об охоте? И когда они пришли в посёлок, Герка услышал от Фёдора Георгиевича ободряющие слова:

– Я думаю, ты придумаешь, что рассказать про охоту. Учись. Какой же ты тогда охотник!

– Попробую, – не очень весело ответил Герка и направился домой. Он почему-то вспомнил Сашку. Вот тот мог рассказать. И Герка понял, что после этой охоты он намного повзрослел.

Оказалось, волновался Герка напрасно. Никто особенно его не расспрашивал об охоте. Дичи от него особо никто не ждал. Мать была рада, что он вернулся целым и невредимым. Отец, предвидевший результат охоты, спросил:

– Ну, как там утки?

– Плавают и летают. А в которых мы стреляли, как сказал дядя Федя, помирать полетели, – насколько мог, весело ответил Герка.

– Понятно. Вы бы с ним домашних у кого-нибудь стрельнули, – сказал отец, улыбаясь, а потом добавил. – Ладно, иди, мать пирогами накормит. И потом ружьё не забудь почистить, а то брат на охоту сходит, бросит, а отец потом чистить должен.

– Отдохну и обязательно почищу, – заверил отца Герка.

Вот так закончилась первая Геркина охота на уток, которую ему порой даже не хотелось представлять в мыслях.

Патроны он, конечно, перезарядил и иногда тайком ото всех убегал на охоту. А, в общем, на какую охоту? Он просто с ружьём уходил в лес, прячась от людей, опасаясь, как бы не отобрали ружьё. Разве это охота?

Отец иногда говорил:

– Ты, друг, мне кажется, берёшь ружьё и на охоту тайком бегаешь? Смотри, отберут ружьё.

Герка, как мог, доказывал, что он этого не делает.

Так прошёл год с первой Геркиной охоты. И вот однажды Герку позвал отец. И, протягивая деньги, он сказал:

– Пойдёшь к Павлу Ивановичу. Ты его знаешь, председатель охотобщества. Он тебе охотничий билет выпишет. Я с ним говорил. И купи у него патронов заряженных. Понял? Знаешь, где? Около агрошколы дом деревянный.

– Знаю, там охотники собираются. Потом туда волков, когда поймают или убьют, привозят. Я видел. Только как он мне выпишет, мне же только шестнадцать с половиной исполнилось? – высказал свои сомнения Герка.

– Он мне обещал, что выпишет. Говорил, что по блату. Блато, он, как говорят, выше Совнаркома. Ты не забудь только номер ружья списать, – успокоил Герку отец.

Герка знал Павла Ивановича, знал, что он председатель охотобщества, что он главный охотник, как говорили некоторые в шутку. Он знал, что это отец учительницы немецкого языка, у которой Герка учился в восьмилетней школе. И ещё однажды отец говорил Герке, что Павел Иванович был офицером русской армии. Имел награды. Носил офицерский кортик. И однажды после Февральской революции, приехав домой, участвовал в митинге на площади рядом с недостроенным храмом. Где сейчас административное здание молочного техникума. И стоял он на балконе вместе с выступающими. Отец даже вспомнил, как у Павла Ивановича отцепился и упал на землю кортик, а они с мальчишками встали друг на друга, и он подавал его ему. А зять у него, муж учительницы, Герой Советского Союза, бывший лётчик, а сейчас охотоведом работает. Герка с восторгом всегда смотрел на этого скромного человека со Звездой Героя на груди, встречаясь с ним на улицах посёлка. Герка знал, где они живут. Он с друзьями иногда ходил к бабушке своих товарищей, которая жила с ними рядом. Он помнил, что во дворе на цепи у них жил молодой волк, на которого он с друзьями частенько с большим любопытством смотрел из-за забора. Волк, порой притворившись спящим, охотился за курами. А куда инстинкт охотника денешь?

Идя по дороге в контору, Герка вспомнил другую встречу с волком, свою первую встречу. Очень давно это было, ещё он,

пожалуй, не учился, да, в школу точно не ходил. Он помнит, как с друзьями во что-то играли на улице. Было начало зимы, и было так приятно валяться в белом-белом снегу, наваливать с удовольствием друга, который был послабее тебя, или терпеть прелести снежной «бани» от кого-то, кто был посильнее и половчее тебя. И вдруг: «Эй, вы! Там волка привезли!» – поведал проходящий мимо мальчишка. «Брось, откуда взял? Што врёшь?» – «Нет, не вру! Щас вот мужики шли, говорили. Там, у агрошколы, у маленького домишка, ну, где охотники собираются». И он помнит, как все дружно ринулись вниз по улице. От парка бежать было недалеко. Они сразу увидели толпу людей, окруживших что-то. Раздавались возгласы: «Здоровый!», «Матёрый!», «А на лапе капкан видел?». Кто-то пришёл с собаками, и те, ещё не понимая, что происходит, старались пробраться к центру круга. Но вдруг, как ошпаренные, с диким визгом, поджав хвосты, неслись прочь в паническом страхе.

Герка вспомнил, как, подталкивая друг друга, они просачивались сквозь толпу, и, когда оказались вблизи от центра круга, Герка увидел большого красивого зверя, что не вязалось с его представлением, возникшим под впечатлением от сказок и рассказов. Несмотря на шумящую вокруг толпу, волк внутренне был напряжён, но на вид спокоен. Это был крупный зрелый самец, переживший разные повороты судьбы. Плотная шерсть серого окраса порой волновалась на его спине, на крупной голове выдавался выпуклый лоб. Треугольные остроконечные уши были в постоянном напряжении и улавливали каждый звук. Виднелась заострённая передняя часть морды. Пасть была приоткрыта, и оттуда торчал обрубок палки, ловко чем-то привязанный к мощной шее, были видны крупные белые зубы и окровавленные дёсны. Сильные ноги, которые когда-то легко и стремительно переносили это красивое и умное хищное создание природы по простору мира, были крепко связаны верёвками. На правой передней ноге был капкан с цепью, так безжалостно захлопнувший его свободу. На железных створках капкана были видны глубокие следы от зубов и когтей, да и сама лапа была сильно покусана. Было ясно, что этот

красавец природы, её покоритель не мог просто так отдать свободу и жизнь, и он боролся, как только мог.

Но больше всего Герку поразили глаза, полные опыта и ума, накопленного природой. Зелёно-желтоватые глаза с металлическим холодным блеском твёрдо и спокойно смотрели на этот мир. В них не было страха, испуга, несмотря на то что некоторые люди норовили бросить в него кто снегом, кто палкой. В его глазах, казалось, стоял вопрос: за что его, охотника, которого создала и отшлифовала природа, того, который ежедневным трудом, своим умом, своими ногами и зубами добывал себе пищу, лишили свободы?

Вот агрошкола, а вот и деревянный домик. Герка, немного стеснясь, вошёл в контору к Павлу Ивановичу и поздоровался. Тот дружелюбно ответил и, к удивлению Герки, протянул ему руку, разрушая невидимые преграды между ними. Герка в это время немного вытянулся, чтобы казаться чуточку выше ростом. Рукопожатие хотя слегка и успокоило Герку, но внутренне он всё же напрягся. Его не покидала мысль: а вдруг не выпишет билет. Разговор на равных, дружеские, тёплые нотки, прозвучавшие в голосе человека, решавшего, быть ему охотником или нет, успокоили его. Присев на краешек предложенного ему стула, Герка окинул взглядом скромный кабинет.

А затем Герка с большим удовольствием смотрел, как Павел Иванович, вынув из ящика стола бланк охотничьего билета, стал его заполнять. Он обмакнул перо ручки в чернильницу и твёрдой рукой стал писать, оставляя на документе красивые, ровные буквы. Герка протянул записанный на листке номер ружья. Его удивляло то, что ему не задавали никаких вопросов, не давали никаких наставлений и не читали нравоучений. Закончив писать, Павел Иванович вынул и раскрыл какой-то журнал, что-то записал в него и, повернув его на столе, попросил Герку расписаться в нём. Герка от волнения чуть не поставил в журнале кляксу.

— Теперь ты член нашего Сурского охотобщества. Думаю, правила охоты ты знаешь. Будешь платить мне взносы и

выписывать у меня путёвки. Говоришь, ещё тебе патронов заряженных надо? Каких тебе? – спросил Павел Иванович, вручая ему билет.

Герка назвал номера дробы, и вскоре он держал в руках новенький охотничий билет и три пачки заряженных патронов, чем-то напоминавших Герке коробки с тюбиками масляных красок, которыми он иногда рисовал.

– Ты заходи, не стесняйся. Девчонки-то у тебя есть? У отца-то в молодости, я помню, были, – сказал Павел Иванович и хитро улыбнулся. Потом продолжил:

– В общем, заходи, у меня тут всё есть: и капканы, и дробь, и картечь, порох, гильзы и ружья есть. Ну, ты сам видишь. А отцу привет передавай и про девчонок его спроси.

Когда Герка шёл домой, то в его душе, как в репродукторе, звучали марши. Рука невольно несколько раз вынимала из кармана охотничий билет. Он любовался печатью и подписью. Присмотревшись, он увидел дату своего рождения. Теперь он стал на два года старше. Это его немного озадачило. Придя домой, он об этом поведал отцу. Тот, посмотрев в билет, сказал:

– Вот видишь, как тебе человек доверяет, и ты должен ценить это. Таких людей ты никогда не должен подводить, запомни это. Выполняй всё, как положено, и будет всё нормально. Ты же паспорт на охоту с собой брать не будешь, – успокоил Герку отец.

«Выполняй», – подумал Герка про себя. И вспомнил ужасно глупый случай, когда они с другом Вовкой пошли на охоту. В общем-то, Вовка и не был охотником, и ружья у него не было, а пошёл он с Геркой ради любопытства ну и чтобы стрельнуть разок-другой из ружья. Стоял август. Погода была тёплая. Вовсю шла уборка зерна. Они пошли нижней дорогой. Заглянули на озёра в Зачёрном, но ни одной утки не подняли. Решили идти дальше в Полянки на Сурку. Когда они туда пришли, то солнце уже начинало отсчитывать время, оставшееся до заката. Им повезло, они подняли несколько уток. Герка выстрелил, и одна из них, клюнув носом, упала в камыши в пятнадцати метрах от берега.

Герка, передав Вовке ружьё, решил лезть за ней. На нём было тонкое, лёгкое спортивное трико, а на ногах кеды. Прямо в одежде и обуви Герка ринулся в озеро.

«Ничего, – думал он про себя, – вылезу, отожму, высушусь, погода тёплая». Он надеялся проделать это всё быстро. Взять утку, выбраться из воды и похвалиться ей перед другом. Но поиски затягивались. Утки, которая должна была быть вот здесь, на этом месте, почему-то не было. Она как испарилась. Вовка, стоявший на берегу, подзадоривал его:

– Что, нет? Промазал, наверно, ты.

И Герка в отчаянии нарезал в камышах всё новые круги в поисках дичи. Он никак не мог поверить в то, что он промазал. Он же видел, что она упала. Ему не хотелось верить и в то, что это был подранок, который, нырнув, давно уже выбрался на берег и спрятался в траве. И Герке становилось от этого так обидно, чуть ли не до слёз, и он, задыхаясь и обливаясь потом, продолжал поиски. Когда силы его закончились, он, тяжело дыша, выкарабкался на берег. Снял трико, майку и трусы и начал с Вовкой вдвоём их выжимать. Они закручивали одежду так, что она начинала потрескивать, готовая порваться. Спичек у них чтобы развести костёр не оказалось. Вовка тоже не курил. После захода солнца воздух без одежды стал казаться не таким уж и тёплым. Герке пришлось надеть на себя влажную одежду. Они решили бежать бегом. Но вскоре Герка выдохся. Они присели. Отдохнув, решили идти к дороге, чтобы остановить попутную машину и добраться до дома. Еды у них не было, и Герка вскоре совсем выбился из сил. Вовка молча нёс ружьё. Герка чувствовал, что друг ему сочувствует, но помочь ничем не может. С трудом они добрались до дороги и с грустью посмотрели вслед удаляющейся машине. Герка в мокрых кедах сбил ноги и передвигался уже с трудом. Они остановились, радуясь приближающемуся свету фар. Вовка спрятал ружьё, а Герка начал размахивать руками, чтобы остановить грузовик. Но машина, не останавливаясь, проехала мимо, вызвав в них вначале некоторое недоумение, перешедшее в

разочарование, а потом небольшую злость. Так произошло несколько раз, пока они ковыляли по дороге к лесу. Машины не останавливались, спеша на элеватор Заготзерно. В очередной раз Герка не выдержал. Он, выхватив ружьё из Вовкиных рук, выстрелил в воздух, когда машина немного отъехала от них. Водитель резко дал газу, и машина, прибавив скорость, скрылась в лесу. Друзья переглянулись и поняли, что совершили большую и глупую ошибку.

– Слушай, он сейчас приедет и заявит в милицию, и нас тут накроют, – первым заговорил Вовка.

– За што? Я же вверх, в воздух стрелял! – оправдываясь, сказал Герка.

– А ты потом докажи, что вверх. У него, может, стекло заднее разбито или тент дырявый. Что они, разбираться будут? Больно им надо. Так что когда машины, особенно встречные, нам надо в лесу прятаться, – сделал вывод Вовка.

– Как же мы? У меня сил нет. Я не дойду, – невесело ответил Герка.

– Думать надо было головой, что делаешь, – с укором, но сочувственно высказался Вовка.

– А давай только попутные гружёные зерном будем останавливать, – предложил Герка.

– А как ты ночью определишь, гружёная она или нет? – усомнился Вовка.

– Как, очень просто. По звуку. Она, гружёная-то, здесь на подъём сильнее газует и тише едет, – пояснил Герка.

Теперь они при свете фар прятались за деревья недалеко от дороги и напрягали слух. Несколько подозрительных машин им пришлось пропустить. Но вот они услышали натужно ревуший мотор, потом переключение передачи, а затем в темноте увидели медленно ползущий грузовик. Герка, на радостях забыв про усталость и сбитые ноги, рванул на дорогу. Машина, словно напугавшись его, остановилась и заглохла. Из кабины через

открытое окно слышалась отборная русская речь. Открылась дверца, и на подножку, придерживая её рукой, встал водитель.

– Ты какого хрена под колёса бросаешься? – спросил он усталым голосом и уже спокойно добавил. – Вот молодёжь.

Герка, подойдя к водителю, страдальческим голосом коротко поведал свою охотничью историю, утаив стрельбу на дороге. Старый водитель, проникнувшись к ним сочувствием, дружелюбно сказал:

– Ладно, ты давай в кабину, а друг в кузов на зерно, так и быть, выручу. А ты не горюй, в сорок первом не то было.

– Нет, я тоже в кузов, оно, зерно-то, наверное, тёплое, – схитрил Герка.

– Ну, как знаешь, – ответил водитель.

Вовка с Геркой прыгнули в кузов машины на зерно, машина тронулась, натужно ревя мотором.

– Вовка, ты давай меня в зерно зарой. Только лицо оставь и своей фуражкой мне его закрой. А я ружьё сейчас тоже в зерно закопаю. Если остановят и спросят про меня, скажешь, убежал, и меня ты не знаешь. Ладно? – попросил Герка.

Вовка сделал, как просил Герка. Всю дорогу Герка, лёжа закопанный в зерно, переживал и думал, остановят или не остановят машину. Бояться он, конечно, не сильно боялся, но было очень неприятно подвести отца. Герка почувствовал, как Вовка, убрав с его лица фуражку, начал его откапывать. Он понял, что они уже едут по посёлку. Он выбрался из зерна, достал ружьё. Постучав по кабине, они остановили машину, сказали «спасибо» водителю, прыгнули и отправились к Вовке домой.

– Ты о чём задумался? – прервал Геркины воспоминания отец. – Ещё о чём с Пал Иванычем говорили?

– Да так, ни о чём. А в общем-то про девчонок! – улыбаясь, ответил Герка.

– Про каких девчонок? Про твоих што ли? – тоже улыбаясь, спросил отец.

– Да нет, про твоих, – сказал Герка, хитровато улыбнувшись.

– Это он что же там придумал? – сделав непроницаемый вид, спросил отец и покосился на открытую дверь в кухню.

– Не знай, не знай. Он сказал: передай отцу привет и спроси про его девчонок, – продолжая улыбаться, сказал Герка и тоже посмотрел на дверь.

– Он тебе лучше бы про своих рассказал, старый стрелок, – ответил отец, в глазах которого сверкнул озорной огонёк. – Ну, Пал Иванович. Ну, артист. Я тебе не говорил, они с женой, с Сарой Николаевной, у нас здесь в театре играли. Они театр организовали в одно время. Разные там пьесы, постановки ставили. Народ грамотный, начитанный, способный. Неплохо получалось. Он ещё директором школы был, а она у него учительница была. Орденоносец. А зять-то, видишь, – лётчик, Герой Советского Союза. Охотоведом сейчас работает. Так что тебе подводить их никак нельзя.

Теперь Герка стал законным охотником. У него появились такие же друзья-единомышленники: Виталька, который жил на соседней улице, Женька-сосед, через два дома, и Пашка, Женькин двоюродный брат, который жил в Репьёвке. И побежали Геркины охотничьи деньки на долгие годы. Многое он забыл, но яркие моменты запомнились ему навсегда. Нельзя сказать, чтобы Герка в это время забыл и забросил другие увлечения, нет, конечно. Он не бредил охотой и не ставил её выше всего, но ему очень нравилось это мужское увлечение, это уж точно. И теперь он мог свободно ходить, не таясь, на охоту и ещё больше общаться с природой, а это было так здорово.

Близилось открытие охоты. Герка мечтал пойти с друзьями на охоту на уток. Туда, за Суру, где было множество озёр и болот, где, в Геркином представлении, уток можно было сбивать палками, а не только из ружья. Но охота с друзьями внезапно сорвалась. Мать срочно собралась к своим родителям в Барышскую Слободу. Приспичило её, как говорят, ни раньше и ни позже, думал про себя Герка. А так как она сильно прибаловала, отец не мог отпустить её

одну, а сам не мог с ней ехать, и Герка должен был сопровождать её в этой поездке. Он придумывал разные предлоги, чтобы перенести поездку. Отбивался, как только мог. Решил всё отец. Он сказал:

– А что ты? И там на охоту сходить сможешь. Места за Сурой не хуже наших, а может, даже и лучше. Чего только Суходол на Барыше стоит.

– Да я же с друзьями хотел, – с огорчением изрёк Герка.

– Ничего, с друзьями ещё успеешь. А матери одной нельзя, – твёрдо сказал отец, которого Герка никак не мог послушаться.

В общем, на открытие охоты, на вечернюю зорьку Герка в этот раз не попал. Идти один он не решился. Торчать там всю ночь одному у костра ему не хотелось. Он стоял у дедушкиного дома, который располагался в Барском переулке, и печально смотрел туда, за Суру, откуда доносились частые ружейные выстрелы. Дед Иван, старый Балтийский моряк, участник Февральской и Октябрьской революций, сочувственно смотрел на внука и успокаивал:

– На первом месте должно быть дело, а неотложное тем более. А охота – это, в общем-то, развлечение. Раньше этим только богатые занимались. Ты вот что: если уж сильно задумал сходить, ложись сегодня пораньше, а завтра перед рассветом двинешь. Я так думаю. Иди на Суходол. Там места хорошие и добираться проще.

И дед Иван начал рассказывать Герке, как лучше добраться до Суходола. Хотя он мог и не говорить этого. Герка и сам бывал там на рыбалке с двоюродными братьями.

Задолго до рассвета Герка был уже на ногах и вскоре, как говорил дед, двинул на охоту.

Ещё было темно, когда он подошёл к мосту через Суру. Он поднырнул под закрытый шлагбаум, взглянул на спящий на высокой круче домишко, где ютился дежурный, который командовал движением по мосту. Он, в общем, заправлял движением и по Суре, пропуская баржи и катера, для чего выводил пролёт моста, сооружённый из двух барж. Герка быстро шагнул по

деревянному мосту. Вода легонько бормотала и шелестела, издавая ласковый звук, оmyвая сваи и баржи разводного моста. Где-то раздался всплеск выпрыгнувшей из воды крупной рыбы. Там, впереди за пологим песчаным берегом, за кустами ивняка светилось электрическим светом здание небольшой ГЭС. Располагалась она на маленькой, но полноводной речке с названием Барыш, которая чуть ниже моста впадала в Суру.

Герка, сойдя с моста, свернул вправо и сбавил шаг, почувствовав под ногой песчаный берег Суры. Он направился туда, в пойменные луга Суры и Барыша, где были естественные озёра, старицы этих рек. Одно из них называлось Конопляное, а там чуть дальше Баконь. Тут же рядом появился и рукотворный затон Суходол, образованный плотиной ГЭС на Барыше. Вода, выйдя из берегов, затопила часть леса с полянами, образовав прекрасные места для рыбалки и охоты. Герка бывал здесь на рыбной ловле. С дядей и старшим братом были они на плотине, перегораживающей Барыш, где с десятиметровой высоты с шумом падала, бурлила и кипела вода. Она вымыла между берегов большую чашу и, успокоившись в ней, продолжала свой бег по руслу. Незаметно Герка вышел на огромную поляну, и в начинавшемся зарождаться утреннем рассвете он увидел большое количество машин различных марок тех времён. Здесь можно было видеть и легковые, и грузовые, и автобусы, и даже трактора, выстроившиеся на поляне в неровную линию. Было сразу видно, что этим кто-то командовал. Кое-где ещё слегка дымили прогоревшие костры. Поляна на первый взгляд, казалось, спала. И вдруг она ожила. По ней стали молча или тихо переговариваясь двигаться люди с ружьями. Они отправлялись к воде, к затону, к Суходолу, над которым белыми языками начал своё плавное движение туман. Кто-то из охотников садился в лодки и отчаливал от берега, скрываясь в кустах и тумане. Кто-то заходил в болотных сапогах в воду, пробираясь в траве, а кто-то просто направлялся поближе к воде и вставал на поляне, на которую медленно, но уверенно наплывал туман. Он, конечно, разочаровывал и огорчал охотников, несмотря на то что придавал природе свою

неповторимую красоту. Но он, наверное, радовал уток, если они умели радоваться в такие минуты. В разных местах затона и поляны зазвучали первые выстрелы. Послышались крики: «Держи». Герка растерялся. Он ещё ни разу не видел такого количества одновременно охотившихся людей. Он невольно остановился, наблюдая за происходящим. Из тумана на него неожиданно и стремительно, быстро взмахивая крыльями, стали вылетать утки и также быстро исчезать в нём. Наконец-то Герка опомнился и тоже начал стрелять.

Стрелял он, как говорили, в белый свет, как в копеечку. Короче, он торопился и мазал. Поэтому невольно ещё больше волновался и ещё больше торопился, и мазал, и мазал. Он даже почувствовал, как у него вспотела спина. Туман довольно плотно накрыл затон и поляну и становился розовым в лучах восходящего солнца. Герка почему-то непроизвольно подумал, что это, наверное, от крови убитых и раненых уток. Прошло некоторое время, выстрелы стали звучать реже, потом почти совсем прекратились. Утки куда-то исчезли. И Герка понял: утренняя зорька закончилась. Он стоял всё на том же месте огромной поляны и, конечно, был немного огорчён. По поляне вновь задвигались люди. Охотники возвращались к своим машинам. В тумане слышались громкие возбуждённые голоса. «А я, а я...» – это говорили те, кто шёл с добычей. Те, кто шёл, как говорится, налегке, молчали или сдержанно поясняли, почему их постигла неудача, украдкой поглядывая на добычу друзей:

– Так она, как метеор, из-за кустов, из тумана, разве в неё попадёшь! – сетовал кто-то.

Но тех, кто говорил, что убил и не нашёл или зацепил, и она улетела, Герке показалось, было гораздо больше. И ещё он понял главное, разговоров о прошедшей охоте у охотников будет на долгое время.

Постояв ещё немного, Герка решил идти обратно в село. Он вскинул ружьё на плечо, развернулся и зашагал по наезженной машинами дороге.

Солнце поднималось всё выше и выше, лёгкий ветерок, заигрывая с туманом, растворял его в воздухе. А тяжёлые его капли стелил серебром росы на поляне, которая вспыхивала всеми цветами радуги от прикосновения солнечных лучей.

Солнце слегка грело Геркину спину. Но лёгкий холодок неудачи всё же пробрался в его душу. Огорчён ли был Герка? Да, конечно, но не сильно. Он стал постигать важную науку охотника-любителя, её основной смысл. Главное – это быть на охоте. Забыв обо всём, слиться с этой прекрасной природой, с этим великолепным окружающим миром, крохотной частичкой которого являлся и он сам. Дышать этим чистым, пропитанным синевой и туманом воздухом. Толкать ногами эту упругую землю, покрытую серебряной росой, которая в лучах солнца начинала играть светом драгоценных камней. Вот такие мысли двигались и бродили в его юной голове. Иногда он бросал взгляд в сторону села на его вцепившиеся в землю домишки на склоне того берега Суры. Невольно его мысли обращались к воспоминаниям деда Ивана об этом селе.

Поляна, оставшись позади, скрылась из вида. Но вдруг оттуда, со стороны поляны, вновь послышались выстрелы, заставившие Герку невольно остановиться и обернуться. Немного подумав, он понял, что там начались «соревнования по стрельбе». Он знал, что после пары выпитых охотниками рюмок часто начинался спор, чьё ружьё лучше. Потом начинали выяснять, у кого стреляет лучше. Затем старались доказать, кто стреляет лучше и чьи заряды лучше. Выяснения заканчивались порой только тогда, когда стрелять было уже нечем. Герка знал, что обычно почему-то завидовали обладателям иностранных ружей. Такие ружья подолгу держали в руках, рассматривали гравировку, заглядывали в стволы, прикидывали к плечу и целились. После войны появилось много трофейных ружей из Германии. Герка видел такое однажды. Называлось – Зауэр три кольца, завода Круппа. Ничего особенного он в нём не разглядел – ружьё как ружьё. Своя тулка ему казалась не хуже.

С такими мыслями он не заметил, как уже зашагал по Сурному мосту. И оказавшись на другом берегу, он вновь взглянул на село. Герка вспомнил, что дед Иван называл его Баранчеевым городищем, вроде бы по названию озера Баран, которое было когда-то там, выше моста, где сейчас Сурной затон. А в старые времена там, говорят, речные суда делали – суряки и расшивы. Герка иногда в шутку спрашивал деда и при этом хитровато улыбался:

– Дед, а фамилия твоя тоже что ли от названия озера – Баранов?

На что дед сжимал и показывал Герке большой костистый кулак и говорил:

– Вот, кувалду видишь? Шутник мне называется. А ты знаешь, что здесь три отдельных села было, и народец-то здесь был, не приведи господи. Беглые да каторжники. Это всё до похода Ивана Грозного на Казань. Тока это забылось уж всё. Тут до его походов-то давно люди уже жили, так я понимаю. А Иван Грозный, когда из своего первого похода на Казань возвращался, говорят, велел для отдыха здесь место устроить и назвал его Баранчеевым городищем. Видно, ему уж больно наши места приглянулись. Потом русские войска завсегда здесь останавливались. Вот такие дела, внучек.

Потом, помолчав, говорил Герке:

– Ты ведь, друг ситный, тоже наполовину баран. Мать-то у тебя Баранова!

Когда Герка вспоминал всё это, его воображение начинало рисовать различные картины. Он представлял себе русское войско, стрельцов, конников, пушкарей, нахлынувших тогда в эти места. Он видел перед собой походные шатры Ивана Грозного, самого Ивана Грозного, и ему казалось, что вот он сейчас идёт и ступает на те места, куда ступала нога Великого Русского Царя. И какая тут охота, и какие могут быть от неё огорчения.

Внезапно Герка уловил в воздухе нежный аромат куриного супа, который сварить так можно только в русской печи, к

которому примешался запах тушёной картошки в молоке. Сказочные картины далёкой истории сразу исчезли. Наяву он увидел Барский переулочек и дедов дом и невольно прибавил шаг. Герка понял, что дед более удачно, чем он, сходил на «охоту» в курятник. Теперь он увидел другие картины. Он представил себе, как они сядут с дедом за стол, как бабушка вынет из русской печки и нальёт в миску куриный суп. Потом поставит на стол утятницу с тушёной картошкой. Как дед нарежет большим ножом толстые ломти ржаного подового хлеба. Потом они с дедом натрут его корки чесноком, обмакнут изумрудные перья сорванного с грядки лука в деревянную солонку с крупной солью и дружно заработают деревянными ложками. А потом, попив чая с топлёным молоком, Герка блаженно растянется на деревянной кровати, стоящей в рубленых сенях и, пригревшись под лоскутным одеялом, сшитым бабушкой, вдыхая ароматы деревенского дома, под мелодию лёгкого ветерка, блуждающего где-то под крышей, вдруг неожиданно заснёт.

Несколько лет спустя Герка уже сожалел о том, что не побывал на Суходоле на охоте ещё хотя бы раз. Когда в район пришло электричество с Волжской ГЭС, маленькая Барышско-Слободская ГЭС стала никому не нужна, и её попросту забросили. Со временем плотина разрушилась, исчез Суходол, вернее, вода в нём, а вместе с ней рыба и утки, и это место вновь, как и прежде, стало сухим. Вскоре оно заросло травой и кустарником, а потом и деревьями.

Герка с матерью вернулся домой. Он стал ходить в школу. Осень прошла как-то быстро и незаметно. Герка несколько раз ходил на охоту один или с друзьями, но особых случаев, которые бы надолго запомнились, не было. Герка ждал ноября, когда выпадет снег и можно будет поохотиться на зайца. Первый снег обычно выпадал после октябрьских праздников. Лежал он, правда, недолго и начинал таять. Вот в это время надо было успеть сходить на охоту. Но первые два-три дня там делать было нечего, зверь, как

говорят, лежал и не давал следа. Он боялся выпавшего снега. Но потом голод побеждал страх, и зверь начинал двигаться, применяя все свои хитрости, чтобы запутать следы. Раньше Герке тайком удавалось с друзьями небольшой компанией зимой на лыжах сходить на охоту. Места, куда они ходили, всем давно были известны, это поля вдоль речек Краки, Промзы и Долгой. Хорошо было ходить с другом Виталькой. Он не учился и уже работал, а работал он тогда в колбасной. Вот и сегодня Виталька, собравшись с друзьями на охоту, с утра пораньше зашёл к себе на работу. Друзья, взяв у него ружьё, ждали его невдалеке. Заведующим в колбасной был мужчина, звали его Геннадий, он тоже был страстный охотник. И когда Виталька зашёл, он спросил:

– Так вы чо, не пошли што ли на охоту? Я же тебя отпустил на сегодня.

– Почему? Идём. Только я решил зайти. Может, какая срочная работа, – сказал Виталька, а сам посмотрел на готовую продукцию.

Геннадий, поймав его взгляд, сказал:

– Да нет, мы сегодня без тебя справимся. А вы куда собрались? Закусить-то с собой взяли? Натё вот, колбасы возьмите. Эх, как бы я с вами махнул, если бы не работа.

Он подал Витальке каталку копчёной колбасы, той настоящей, пахнувшей дымком, чесноком и специями. Колбасы, от которой, как говорил Геркин отец, любая кошка с ума может сойти. Что ни говори, в чём, в чём, а в продуктах питания, Герка знал, кошки разбираются хорошо.

Виталька, спрятав каталку за пазуху, уходил. В этот день работа ему была не нужна. Ему была нужна колбаса для себя и друзей. Парень он был товарищеский, весёлый и довольно озорной. В такой день ему хотелось сделать что-то хорошее и приятное своим друзьям. А ещё ему хотелось показать, что на работе он имеет авторитет. А это нужно заслужить.

– Так, где моё ружьё? Давайте-ка. Пошли. Всё в порядке, – сказал Виталька друзьям, выйдя из колбасной.

Виталька никогда не унывал и не грустил и другим не давал унывать, порой ценой бесшабашных поступков.

В этот раз они решили пойти на Краку, на полевую речушку, бегущую с Гулюшевских бугров, поросших небольшим осколком молодого леса. Впадала она в другую речку, Промзу, пробираясь мимо пенькозавода, огибая столпившиеся около него скирды конопли, и ныряла под старый деревянный мост. Выпавший снег лежал уже дня три. Он равномерно покрывал землю небольшим слоем. С утра стоял лёгкий морозец. Он слегка подморозил лежащую под ним землю. Они втроём, Женька, Виталька и Герка, шли по посёлку, который стряхивал с себя покой долгой ноябрьской ночи. Из труб домов дружно вырывался дым. Он лениво чуть-чуть приподнимался над домами, потом останавливался в недолгом раздумье и начинал растекаться по улице, опускаясь к земле. Серый утренний рассвет робко расправлял свои крылья над посёлком. Всё говорило о том, что погода будет меняться. Друзья бодро шагали навстречу зарождавшемуся дню, надеясь на охотничью удачу, и деловито разговаривали между собой:

– Щас выйдем за пенькозавод и пойдём вдоль речки, вверх, – сказал Женька.

– Чо, все вместе по одной стороне што ли? – спросил Виталька.

– Нет, давай двое по одной стороне, а один кто-нибудь по другой, – сказал Герка.

– Ладно, если кто выпугнет зайца – кричите, – подсказал Виталька.

– А если след свежий, чо делать будем? – спросил Герка.

– Чо... Зови, будем кумекать, как тропить его, – вновь высказался Виталька.

– Так. Ладно. Мы с тобой, Герка, с этой стороны пойдём, а Виталька пусть с той. Только ты, Герка, от меня чуть вперёд и в сторону подальше, если выбежит, стреляй осторожней, чтобы друг друга не зацепить. Понял? – продолжил Женька, он был где-то на

год постарше, и чувствовалось, ему хотелось немного покомандовать.

Они так и сделали. И двинулись вперёд, надеясь на охотничье везение. Идти было легко. Снега выпало ещё мало. Но он смог укрыть всё вокруг лёгкими пушистыми снежинками. И это белое чудо стелилось перед ними, убегая вдаль, смыкаясь где-то там с белесой дымкой, уходящей в серое небо и растворяющейся в нём. Герке казалось, что он находится внутри какого-то белого сказочного мира. Только тёмные кусты, столпившиеся по берегам речки, как бы укрывали и оберегали её от этого белого нашествия. Герке, да, наверное, не только ему, казалось, что чуть ли не за каждым кустом прячется дичь, но это только казалось. Друзья шли, оставляя за собой заснеженные озимые поля и вздыбленную щербатую пашню. За ними тянулись три незатейливые, нестройные строчки неровных следов. Надежда на удачу оставалась только надеждой. Они всё шли и шли. А дичи не было. Герка почувствовал, что начал немного уставать. Он стал поглядывать на Женьку. Тот тоже чуть-чуть сбавил шаг, хотя был посильнее Герки. Герка стал забирать в Женькину сторону и, подойдя поближе, крикнул ему:

– Может, отдохнём?

И в ответ услышал:

– Подожди, пройдем ещё немного. Вон видишь там омет соломы? Дойдем, и там отдохнем и перекусим, – сказал Женька, показывая рукой в поле. Когда они добрались до омета, то поняли, что времени уже много. По крайней мере, если судить по желудкам, можно было точно сказать, время – обед. Они расположились с подветренной стороны омета. Приставили к нему заряженные ружья. Сели в солому. Достали из-за пазух куски хлеба с салом, согретые теплом тела. Виталька достал каталку колбасы и разрезал её на три равные части перочинным ножом. Вкусный запах сразу всем ударил в нос. Все трое дружно, как по команде, сглотнули слюну.

– Ну, Виталька, щас все звери сбегутся на запах твоей колбасы. Давайте, ешьте быстрее, а то отнимут, – сказал Женька, откусывая очередной увесистый кусок колбасы.

– Пусть попробуют сунуться! Я их так приглажу, я их так прижгу, – сказал Виталька небрежно.

– У нас тётка к матери зашла из магазина. Сумку в сенях оставила. Пока с матерью болтали, наш кот Васька колбасу у неё чуть не с сумкой сожрал, – смеясь, сказал Герка.

– Но тут котов нет, – сказал Женька, взглянув на Герку.

– Придут. Второе отделение совхоза рядом, – вставил Виталька.

Друзья так увлеклись Виталькиным угощением и болтовнёй, что не сразу заметили сидящую метрах пятнадцати от них лису. А когда заметили, то все замерли с открытыми ртами. Сколько прошло времени, толком никто не знает. Все разом медленно потянулись к ружьям. Кто сказал лисе, что это ружьё, а не палка, и что оно стреляет и убивает, одному Богу известно, только она прыгнула и, распутив хвост, стремительно понеслась в поле. Вслед ей зазвучали запоздалые частые выстрелы.

– Фу ты, – выдохнул Женька. – Это её точно Виталькина колбаса приманила. И как она незаметно подобралась?

– А как она рванула! Я даже колбасу, что не доел, потерял, – роясь в соломе, с сожалением сказал Герка, и было непонятно, о чём он больше сожалеет.

– Рванёшь! Ты бы ей колбасы кинул, она, может, и не побежала бы, – смеясь, сказал Виталька.

Они ещё долго обсуждали случившееся.

– Если бы на коленях или рядом ружьё лежало, можно бы её шарахнуть, – сказал Женька уверенно.

Герка успокоился и сидел, привалившись спиной и головой к ому́ту. Ему было слышно, как шуршат, пищат и дерутся мыши, найдя вкусное зерно в соломе. И он непроизвольно подумал: вот так часто ведут себя и люди. Дерутся, порой даже непонятно из-за чего.

Чувствовалось, воздух стал намного теплее. Смотри в серое небо, Герка наблюдал летящие хлопья. Казалось, из ниоткуда, словно из таинственной бездны, появлялись лёгкие, пушистые снежинки. Полёт их в воздухе был плавным и беззвучным. И так было хорошо! Идти никуда не хотелось. Он прикрыл глаза. И почему-то вспомнил пенькозавод, мимо которого они шли. Впервые когда-то он его, нет, не увидел, а услышал. Там был гудок, и он несколько раз в день гудел, отсчитывая рабочее время. А однажды он гудел очень долго, к нему присоединились и другие гудки в посёлке: на спиртзаводе, на молочном заводе и в техникуме молочной промышленности, там, где стояли паровые котлы. Было это в начале весны. Пришёл с работы на обед Геркин отец. Он чем-то был немного встревожен. Герке сразу бросилась в глаза необычная вещица на левом рукаве его пальто. Отца встретила мать. Она почему-то смахнула слёзы с глаз и вытерла их кончиком платка.

– Што же теперь будет? – с тревогой в голосе спросила она отца.

Герка знал, что мать любила всегда пожалеть кого-то, кому-то искренне посочувствовать. Это частенько можно было услышать от неё в разговорах.

– Што? Да ничего не будет. Жить будем, – твёрдо сказал отец. – Мы с тобой не такие времена переживали. Тридцать седьмой помнишь? Как меня тогда выпустили, ума не приложу. А война? Пять лет каких.

Герка с тревожным детским любопытством смотрел на отца, на повязку на его рукаве, потом на мать, на их серьёзные, невесёлые лица. Всё это усиливала грустная музыка, доносившаяся из любимой Геркиной чёрной тарелки, висевшей в передней комнате на стене. Потом музыка прервалась, и он услышал слова, произнесённые твёрдым мужским голосом. Герка уже знал: это Левитан:

– Не стало товарища Сталина...

Герке не надо было говорить и объяснять, кто такой товарищ Сталин, хотя ему шёл только седьмой год от роду.

– Мать, давай-ка мне пообедать, да я пойду на работу, – попросил отец.

– Как у вас там на работе-то? И вообще, как там народ-то? Я ведь сегодня ещё никуда не ходила, – сказала мать, вынимая из русской печи чугунок со щами.

– Как. В основном, конечно, переживает. Многие жалеют и даже плачут. Но люди-то у нас есть всякие, – сказал отец и покосился на Герку, который занялся своими делами и делал вид, что ничего не слышит.

Отец сделал небольшую паузу.

– Тут одного мужика из Запольщены, то ли с Араповки, то ли с Шеевщины, арестовали, – сказал отец и вновь покосился на Герку, работая ложкой.

– Это за што же его в такое время? – опять с сочувствием спросила мать.

– Он только пришёл, говорят, – ответил отец.

– Откуда пришёл? – не поняв, спросила мать.

– Откуда. Оттуда, где я одно время был, от хозяина, – пояснил отец.

– А-а. Поняла, – сказала мать, кивая головой.

– Лет десять или пятнадцать у хозяина оттрубил, – уточнил отец.

– И за што же его опять бедного? Чево опять натворил? – спросила сердобольная мать.

– Я вообще точно не знаю, но рассказывали. И что с ним теперь будет? Ты знаешь, что он сделал? Надо же додуматься. Он нашёл вон таких шутоквин, – и отец показал головой в сторону вешалки, где висело его пальто с траурной повязкой на рукаве. – Наловил собак и им на шею повесил и выпустил. Вот и подумай сама, што за это будет. Только я тебя прошу, об этом никому. А в общем, что тебя предупреждать, – сказал отец, заканчивая обед.

– Ты чо? Ерёма-дрёма, кемаришь? – перебил Геркины воспоминания Виталька.

– Да вот про пенькозавод вспомнил, мимо которого проходили, – схитрил Герка. – Я там в каникулы работал. Скирды промочит дождём, а мы их разбираем и растаскиваем, а потом снопы в копны ставим сушить. А знаешь, снопы какие тяжёлые? Вилами возьмёшь, руки трещат. А ещё меня мужики втянули тюки на машины грузить. Пакля, или, как говорили, волокно. Короткое волокно – тюк весит шестьдесят килограммов, длинное – восемьдесят.

– И ты грузил? Ты сам-то вместе с ливером, наверно, шестьдесят вешишь! Грузчик, – грубовато, с недоверием сказал Виталька.

– Не веришь? Пойдём мужиков спросим, – сказал Герка, чуть обидевшись.

– А куда его отвозили? – спросил Виталька и чувствовалось, он начинал верить сказанному.

– Его, говорят, даже в Англию отправляли, на канаты и брезент, – подсказал Женька.

– Говорили, вроде, да. Нас как-то грузчики с Валеркой на железную дорогу взяли. Обманули, в общем. Сказали, за брикетом. А сами привезли на склад и говорят, что тюки надо в вагон, в пульман грузить. Я зашёл в него, посмотрел, а там конца его не видно. Думаю, нет, надо что-то делать. На складе мужики на меня тюк взвалили, я прошёл немного, споткнулся и упал, и не встаю. Грузчики изматерились, каво, говорят, вы тут привезли, ну и прогнали нас. И мы брикет в машины пошли грузить. Это тебе не колбасу коптить, – подколот Герка Витальку.

– Ну, а хоть платили? – спросил Виталька.

– Наобещают, а пойдешь получать – минималка. Спросишь, как мол так. Вынут хитрую книгу и начнут тебе расчёт вести, на уши паклю вешать. У нас Валька был. Мы его бухгалтером прозвали. Он всё считал у нас, за какую работу сколько мы получим. Мы его слушаем, подкалываем, а потом Валерка ему

говорит: «Хочешь, я тебе скажу, сколько мы получим?» – и потом говорил: «Хрен мы получим!». Так оно и выходило.

– Ладно, давайте ещё немного и пойдём. Смотрите: снежок-то расходится, а то все следы заметёт, – заметил Женька.

Друзья замолчали. Каждый думал о своём, согрившись сидя в соломе. Герка вспомнил, как шли они вдоль речки Краки. Интересно, почему её так называли и кто назвал? И непонятно, отчего её речкой зовут? Может, раньше в ней воды больше было, сейчас так себе ручей. Правда, весной она разливается и бурлит. А вот ещё что знал он про эту речку. Ему даже становилось немного страшновато. Герка знал, что здесь, на её берегах, когда-то тоже звучали выстрелы, но только не охотников. При этом он посмотрел на тихо и спокойно сидевших рядом друзей, как бы убеждаясь в том, что они не слышат его мыслей. Он вспомнил разговор отца с дядей Федей. Они частенько за чашкой чая что-нибудь вспоминали. Тогда они вспоминали, как устанавливалась советская власть в этих местах. Кто и как её принял тогда. Кто был за, кто против и кто оказывал активное сопротивление новой власти. Вот тех и расстреляли где-то на берегу этой маленькой, ничем не приметной речушки. Вон, видишь, мыши и те дерутся? А что про людей говорить. А чтобы вот так, по делу-то, можно, наверно, всегда спокойно договориться. А вот нет, видно, в природе что ли такое заложено, надо всегда бороться, и не то чтобы бороться – драться надо, да ещё как.

– Ладно, хватит пузыри пускать и сопли жевать. Подъём! – скомандовал Виталька, прерывая Геркины мысли.

– Давайте пойдём туда, к Промзе, – предложил Женька.

– Хоть за Промзу. Не дал он следа, ещё лежит, – сказал Герка, вставая.

– Давайте к Промзе, а там домой повернём, – поддержал Женьку Виталька.

Они так и сделали. Перешли дорогу и зашагали к темневшим вдали кустам, которые прятались в дали, в белесой дымке, плотно обступив речку Промзу.

Вскоре снег стал падать вперемешку с каплями дождя. Заметно потеплело. Под ногой снег стал влажным и начал довольно быстро таять.

– Ну, вот и не поохотились нормально. Надо быстрее домой двигать, а то развезёт, – сказал Виталька с сожалением.

Снег с дождём перешёл в настоящий дождь. Местами снег на земле стал просто пропадать на глазах. Пока шли по траве, а потом по озимым, было вроде нормально. Но вот на их пути появились и на глазах стали чёрными вспаханные пары. В сапоги тут же вцепился жирный чернозём и не давал идти. Они пытались его стряхивать. Порой им это удавалось, но только вместе с сапогом. Они стали ломать стебли сухой травы и соскабливали прилипшую грязь, но стебли быстро ломались. А грязь делала своё дело и всё больше наматывалась на сапоги, казалось, к ним привязали пудовые гири, и уже не было никаких сил передвигать ноги. От идущего дождя одежда намокла и стала тяжёлой. Ружьё, когда-то казавшееся лёгким, стало невероятно тяжёлым. Друзья прикладывали много сил, чтобы двигаться. Их молодые тела сильно разогрелись, и от их спин пошёл пар. Лица стали красными. Из-под намокших шапок струйками сбегал пот, смешиваясь с каплями дождя.

– Женька, слушай, от тебя всех сильнее идёт пар, как от лошади, – сказал Герка, тяжело, со свистом дыша. И, остановившись, добавил. – Нет, я больше не могу. Я щас, наверно, лягу. А вы идите.

– Давай, давай, двигай оглоблями. Лошадь вон видишь, на озимых пасётся? Щас выйдем на озимые, мы тебя на неё посадим, и ты поедешь, – задыхаясь и с трудом выговаривая слова, сказал Виталька, сняв шапку и подставляя голову холодному дождю.

Они с большим трудом перешли это вспаханное поле и наконец-то выбрались на озимые. Идти, несмотря на сильную усталость, стало легче, но ненамного, сил было уже мало. Они медленно переставляли ноги, вдавливая зелёные всходы в размякшую землю. Виталька стал немного отставать. Женька с

Геркой иногда поворачивали головы вправо и смотрели на пасущегося на озимых здорового жеребца со спутанными передними ногами. И каждый, наверно, мечтал подойти к нему, а он был – вот совсем рядом, в каких-нибудь ста метрах от них, сесть на него и доехать до дома. Вдруг прозвучал выстрел. И они увидели, как жеребец сделал такой огромный прыжок, какой он точно не делал никогда до этого и не сделает после. И, расстилаясь над изумрудом озимого поля, вытянув морду и хвост, нет, он не поскакал, он полетел и скрылся с глаз.

Виталька стоял и улыбался, вынимая пустую гильзу из ружья.

– Видели, как понёс? Ты бы, Герка, точно не удержался на нём, если бы сидел! – сказал Виталька, засовывая гильзу в патронташ.

Женька с Геркой, переглянувшись, дружно надели на Витальку.

– Ты чо наделал, а если кто видел? – спросил Женька.

– Он теперь куда-нибудь убежит и кровью изойдёт, – добавил Герка.

– Кто видел? Какой кровью? Вы чо? Я ж в него мелкой дробью с такого расстояния. Это для него чуть сильнее, чем кнутом. Давай я вам с такого расстояния по жопе садану, и увидите, ничего вам не будет. Правда, прижжёт, как ремнём по голой жопе, – смеясь, говорил Виталька.

– Нет уж, давай лучше мы тебе, – тоже уже улыбаясь, предложил Женька.

– А чо, давай. Я и патрон свой дам. Будешь, што ли? На, – сказал Виталька и протянул заряженный патрон.

– Да ну тебя в задницу. Пошли быстрее домой, – сказал Женька, отодвигая Виталькину руку.

Герка не знал, почему, но шагать стало намного легче. Мысли об усталости да и сама усталость куда-то отодвинулись. Он стал думать о жеребце, которого ему, конечно, было немного жаль.

Думал он и о Витальке, который вот таким поступком зарядил его энергией и дал силы двигаться.

Потом Герка точно узнал, что мелкая дробь на большом расстоянии мало причиняет вреда.

Когда он, уставший, измученный, приплёлся домой и рассказал отцу эту историю, тот сказал:

– Да, я точно знаю, мужики на спор такие шуточки проделывали. Только я тебе скажу: не дело это, конечно. А за жеребца ты не переживай.

Вскоре Женьке здорово повезло. Отец ему из города привёз гончара. Это был уже взрослый кобель. Симпатичное добродушное вислоухое создание с тёмным окрасом спины и рыжевато-коричневыми боками. С продолговатой морды на мир смотрели довольно умные для собаки глаза. Он сразу понравился друзьям. Кличка у него была звучная – Сигнал. Он был уроженцем Сурских мест. Бывший хозяин переехал в город и взял с собой охотничью собаку. А там, в городе, гончар сильно загрустил, затосковал по природе, по охотничьим просторам. Порой он подходил к двери квартиры, жалобно повизгивал и скулил. Иногда приходил к хозяину и лаял, как бы спрашивая: ну когда же мы с тобой поедem на охоту? Потом долго, внимательно и грустно смотрел ему в глаза. А что с ним можно было поделать, таким его создала природа, таким он родился, такая в нём бродила кровь. Кровь охотника. И хозяину порой казалось, что у собаки на глазах даже появляются слёзы. И ему стало невыносимо жаль своего друга. Он взял и позвонил Женькиному отцу, которого хорошо знал, и очень обрадовался, узнав от него, что Женька ходит на охоту. Он попросил забрать у него собаку, сожалея, конечно, в душе об этом.

Кто не охотился с гончими, тому трудно понять все прелести этого занятия и то, как трудно расставаться с хорошим другом по охоте.

Герке никогда ещё не приходилось охотиться с собакой. Правда, иногда поздней осенью или зимой он слышал залиvistый

лай собак в лесу, но большого интереса это у него почему-то не вызывало. А вот теперь было совсем другое дело. Теперь они с Сигналом, в общем, как ни говори, со своей собакой на охоту пойдут – это было здорово. Сигнал, завидев ружьё, сильно начинал выражать свою радость. Он принимался громко лаять, прыгать и вертеться волчком. Так он проявлял свои чувства перед предстоящим трудным, но столь любимым им занятием. Трудиться Сигнал любил, хоть по чернотропу ранним росистым осенним утром, хоть по выпавшему снегу в начале зимы, ему было всё равно. Он полностью отдавался своей охотничьей страсти. Хотя в такие дни он получал скромный паёк из половины буханки чёрного хлеба. Особенно ему нравилось работать по зайцу в лесу. Он рыскал между деревьев и кустов впереди идущих охотников и, когда находил зверя, заливался звучным лаем, порой срывавшимся на фальцет, когда зверь был рядом. Теперь лай действовал на Герку совсем по-другому, не как раньше, когда он относился к нему спокойно. Сейчас это вызывало сильное, нескрываемое волнение и напряжение. В общем, теперь это для него была какая-то песня, это был аккомпанемент охоте, сильно бодрящий и волнующий кровь. По лесу разносилось ай-ай-ай-ай, потом прерывалось, и вновь – ай-ай-ай-ай. Потом эта песня замирала вдали, затем опять, всё громче и ближе – ай-ай-ай-ай. Звучал выстрел, и если лай прерывался, то можно было точно сказать, что зверь попал под ружьё. Но часто лай продолжался, и вновь где-то звучал выстрел, и так могло продолжаться долго, и тогда можно было точно сказать – охотникам не везло. Они просто-напросто мазали. Удачливей всех из охотников был Женька, и Сигнал от него не отставал. После многочисленных выстрелов он догонял раненого зайца, хватал его и замолкал. Выходил на лесную тропинку или дорогу и клал добычу на землю. Он прислушивался и принимался, стараясь определить, в какой стороне находятся охотники. Тогда им приходилось помогать ему выстрелами из ружей в воздух. И через некоторое время можно было видеть, как он, уставший, останавливался, клал пойманную добычу на землю и отдыхал. Всё

это повторялось до встречи с охотниками. Отдав добычу, Сигнал получал столь любимое им вознаграждение – лапы зайца. И он с ними быстро и с громким хрустом расправлялся. При этом у Герки, если он это слышал, по спине пробегали лёгкие мурашки. Всё это происходило на охоте, но порой Сигнал мог просто увязаться за Женькой в лес, когда тот ездил на лыжах на тренировки. И вот однажды, когда Герка шёл из школы домой, то заметил лыжника, катившего по лыжне вниз по улице. В лыжнике он узнал Женьку. Тот отталкивался лыжной палкой, которую держал в правой руке, а в другой, левой, вместе с палкой он что-то удерживал на весу. Вслед за Женькой по дороге лёгким галопом бежал Сигнал. У Герки мелькнула мысль в голове: неужели зайца поймал? Когда Женька подкатил ближе, то Герка увидел, что тот держит зайца-беляка.

– Видишь, я потренировался, а он поохотился, – сказал Женька, останавливаясь около Герки.

– И как же он его? – удивлённо спросил Герка.

– Да я точно-то и не знаю. Я по лыжне по высоковольтной линии бегу в берёзовой роще, а он за мной. Потом слышу, залаял. В общем, тявкнул раза три-четыре и замолчал. Ну, я остановился, обернулся, а его нет. Потом смотрю, а он из кустов вылезает и зайца в зубах держит.

– Ну-ка, расскажи нам, как ты его? – спросил Женька подбежавшего к ним Сигнала и ласково погладил его по голове.

Но всех сильнее в Геркину память врезался другой случай на охоте. Больше такого он не слышал никогда. Случилось это в начале зимы. Они вчетвером, Женька, Виталька, Герка и Геннадий, пошли на охоту. Геннадий, который заведовал колбасным цехом, наконец-то в выходной вырвался с ними на охоту. Чему был очень рад. На этот раз они вновь решили пойти на Краку. И где-то там, в поле, Сигнал поднял зайца-русака и начал гонять. Круги тот давал большие, и было трудно приладиться к гону. Герка помнит, как они метались по посадке, чтобы перехватить косоного. Они много раз стреляли, но толком зацепить его не могли. Было слишком

далековато. Но конец их мученьям положил Сигнал. Он вдруг смолк, а это говорило о том, что он настиг зверя. Что им было делать? Пришлось кричать и свистеть, маня его. Через некоторое время они палили в воздух из ружей, в общем, давали Сигналу сигнал, чтобы тот сориентировался, где они находятся. Стоя в конце посадки и поджидая собаку, они неожиданно заспорили.

– Что-то он уж больно долго не возвращается, – сказал Виталька.

Геннадий, который пошёл с ними первый раз, сделал вывод:

– Поймал, наверное, и жрёт.

– Нет, не может быть. Такого ещё не было. Русак, наверное, большой попался, тяжёлый. Устал тащить, – сказал Женька уверенно.

Так они стояли и спорили. Потом уже собрались идти искать запропастившуюся собаку.

– Смотрите, мне кажется, вон там Сигнал, – сказал Герка, показывая рукой в поле.

– А может, это лиса. Давайте в посадки, за деревья, – сказал Геннадий, всматриваясь вдаль.

– Эх, бинокля, жалко, у нас нет. Отец обещал, а што-то всё никак, – сказал Женька, так же глядя в том же направлении.

– Да нет, это точно собака. Только я не пойму, что она делает. Голову то поднимет, то опустит. А идёт вроде сюда, но што-то уж больно тихо, – приглядевшись, сказал Виталька.

– Стойте здесь, а я к нему пойду навстречу, – сказал Женька и быстрым шагом направился в поле.

Через некоторое время собака вдруг исчезла из виду.

– Ну вот, говорил вам, это лиса. Спугнул он её, – с сожалением сказал Геннадий.

– Да нет, собака это. Просто он лёг, наверное, мне кажется, – сказал Герка.

– И мне тоже, – подтвердил Виталька.

А через некоторое время всё стало ясно. Женька тащил, держа в руках, здорового русака, а за ним, опустив голову, плёлся измученный Сигнал.

– Надо же, не бросил и не сожрал. Из последних сил, но принёс. Молодец! – похвалил собаку Геннадий и добавил. – Я бы, если колбасу нёс, точно бы съел.

– Подхожу, а он лежит, и заяц с ним рядом. Увидел, я иду, и лёг. Силёнки кончились, – пояснил Женька.

Получив заслуженное вознаграждение, Сигнал, отдохнув немного, вновь начал рыскать по полю. Его кровь, кровь охотника, не давала ему покоя.

– Да возьми ты его на поводок. Пусть успокоится и отдохнёт, – посоветовал Женьке Виталька.

– А теперь мы куда? – беря на поводок собаку, спросил Женька.

– Давайте в Елхи на Промзу, – предложил Виталька.

В Елхи, так в Елхи. Все молча согласились с этим. И вскоре они уже спустились в низину и подошли к небольшой речке Промзе, немного побольше, чем речка Крака, на которой они уже когда-то бывали. По небольшой плотине они перебрались на другой берег. Перед этим Женька спустил Сигнала с поводка, и он начал обследовать прибрежные кусты. Они ещё издали увидели двух ребятшек. Те тоже заметили охотников и начали баловаться. Они боролись и кидались снегом. На вид им было лет одиннадцать-двенадцать. Подойдя к ним, Виталька вдруг строго, как только мог, спросил:

– Вы что здесь делаете? А ружьё где у вас?

– Какое ружьё? Нет у нас никакого ружья, – бойко ответил белобрысый круглолицый пацан, озорно блеснув хитроватыми глазами.

– А зачем вы сюда приплелись? – вновь спросил Виталька.

– Да так просто. Выходной. Дома надоело сидеть, – ответил всё тот же мальчишка. Второй по-прежнему молчал и с некоторым любопытством наблюдал за происходящим.

– Понятно, – сказал Виталька, направляясь по мальчишеским следам в кусты.

– Да брось ты их. Пошли, – сказал Женька, устремляясь вверх к осколку леса, которым поросло несколько небольших холмов.

– А это чо? Кочерга што ли? – спросил Виталька, вытаскивая из кустов старенькое ружьё, скреплённое в нескольких местах жестянкой и проволокой.

– Дяденька, отдай. Не бери, а то брат меня за нево убьёт, – вдруг взмолился всё тот же круглолицый мальчишка. Второй же спокойно стоял и наблюдал, лишь иногда шмыгая носом.

– А оно у вас хоть стреляет? – спросил Виталька, рассматривая не совсем понятное ружьё.

Женька, Геннадий и Герка остановились и уже с некоторым любопытством смотрели на происходящее и слушали.

– Стреляет. Только курок немного барахлит, – ответил круглолицый пацан.

– Да, барахлит, – подтвердил, вытирая нос рваной варежкой, второй мальчишка в старой-престарой шапке, до этого упорно молчавший.

Герка сразу почему-то вспомнил прошлое и, конечно, Сашку с его оружием, с его проделками.

– Ну-ка, стрельни, – сказал Виталька и протянул круглолицему его ружьё. – А ты иди и шапку кидай, – сказал он второму.

Всем наблюдавшим и слушавшим становилось уже интересно.

Обладатель старой шапки отошёл шагов на пятнадцать. Снял её с головы и бросил вверх. Второй владелец ружья взвёл курок и, удерживая его большим пальцем, вскинув ружьё, отпустил курок. Курок тихо щёлкнул по бойку, но выстрела не последовало. Шапка упала в снег. Все дружно рассмеялись.

– Што-то ваш пулемёт плохо строчит, – весело сказал кто-то. – Смазка, наверно, плохая, загустела.

– Ну-ка, давайте ещё, – предложил Виталька.

Всё так же под дружный смех повторилось раза три. На четвёртый неожиданно прозвучало два выстрела. Все удивились, а особенно круглолицый пацан, у которого ружьё не переставало делать осечки. Огорчён был только владелец шапки, которая отлетела далеко в сторону. Оказалось, что это Виталька в силу своего неугомонного и озорного характера не удержался и выстрелил дуплетом.

– Дяденька, чо я матери скажу? – спрашивал, вдруг сразу разговорившись, неразговорчивый пацан плаксивым голосом, рассматривая пришедшую в полную непригодность шапку, из которой в разные стороны торчала пакля.

– А чо, у тебя другой шапки нет? – спросил Виталька.

– Есть. Только я в той в школу хожу, а в этой на улицу. – проканючил мальчишка.

– На улицу и в этой можно. Палочкой паклю в дырочки заправишь, и порядок. Но зато я тебе два патрона дам, и ты стрельнёшь из вашего пулемёта. Иди, возьми, – сказал Виталька, протягивая патроны и добавил. – Ладно, ружьё мы у вас забирать не будем.

– Бери быстрее патроны и пошли. А шапка у меня есть. Я тебе дам. Матери можешь и не говорить, – сказал другу круглолицый, обрадованный тем, что всё так закончилось.

Вскоре Виталька присоединился к идущим своим друзьям. И они медленно двинулись в гору по тропинке в небольшой лесок на склоне.

– Тебе вот и лени нет. Связался ты с пацанами, – сказал Геннадий, посмотрев на Витальку.

– Да ладно вам. Хоть запомнят, как на охоту ходили, – отшутился Виталька.

Они шли, поднимаясь по тропинке уже в лесу, медленно переставляя ноги и тяжело дыша, преодолевая крутой подъём. Впереди шёл Виталий, за ним Геннадий, дальше Евгений, и последним шёл Герка. Вдруг справа раздался лай собаки. Все разом

повернули головы. Что произошло в следующее мгновение, надолго поразило всех. Из кустов вылетел заяц и стремительно бросился к ним. Когда до него оставалось метров пять, прозвучал выстрел. Это Женька, ружьё у которого висело на правом плече стволами вниз, успел нащупать курки и, приподняв ружьё, произвёл выстрел, каким-то непонятным образом. Заряд дробы прошёл над зайцем, не задев его. Заяц продолжил свой стремительный бег и прошмыгнул у Женьки под ногами. Герка успел в это время снять ружьё с плеча и взвести один курок и, чуть не ткнув в Женькин резиновый сапог и пробежавшего зайца стволами, растерянно нажимал на спусковой курок. Но ружьё не стреляло. Только потом понял Герка, что нажимал не тот курок. Вновь прозвучал выстрел, даже не один, а два. Это стрелял Виталька. После его выстрелов скорость бега у зайца сильно прибавилась. И он, не помня себя, врезался в стену густых и колючих зарослей торна (дикой сливы) и закричал. И тут Герка, надо сказать, испугался, и здорово. Он раньше не слышал крик зайца. И вот когда услышал, ему показалось, что это жалобно кричит сильно испуганный ребёнок. Виталька кинулся к зайцу, схватил его за шкуру и с трудом вытащил из кустов. А тот продолжал непрерывно истошно орать, дрыгая ногами. Выскочивший из кустов Сигнал положил конец этим неприятным воплям. Он высоко подпрыгнул и схватил зайца зубами поперёк туловища, чуть не вырвав его из Виталькиных рук. Когда все немного опомнились и начали рассматривать зайца, всех поразили его уши. Они были все, как решето, в дырках от дробы от Виталькиных выстрелов. А Герка всё ещё не мог оправиться от заячьего крика, который долго стоял в его ушах.

– Здорово ты его напугал, он, бедный, и людей не побоялся, – сказал Геннадий и ласково потрепал Сигнала за загривок.

И все долго обсуждали случившееся, перебивая друг друга. Да и потом часто вспоминали этот случай и при возможности рассказывали о нём другим.

Герка вдруг немного охладел к охоте. Нет, он, конечно, не бросил её совсем. Он ходил иногда, но больше для того, чтобы прогуляться, побыть на природе и пообщаться с ней. А потом Женьку взяли в армию, а Герка уехал учиться в город.

И вот они с Женькой вновь встретились через два года. Прошли октябрьские праздники. Землю прихватил лёгкий мороз. Выпал снег. И им так захотелось вновь пойти на охоту. Женька вспомнил, что у двоюродных братьев Пашки и Вовки должна быть гончая собака.

В общем, они собрались на охоту. Встретились рано утром в условленном месте. Герка с Женькой, подходя к Пашке и Вовке, заметили, что один из них держит на поводке довольно крупного и рослого кобеля.

– Здорово! Это вы где такого телёнка взяли? Не в колхозе ли «Поперёк коммунизму»? – спросил Женька, улыбаясь.

– Здорово! А он хоть гоняет? – усомнился Герка.

– А чо же. Конечно, – подтвердил Вовка, с трудом удерживая на поводке кобеля, рванувшего за кошкой.

– Кого, кошек што ли? – уже смеясь, спросил Женька.

– А ещё, наверно, куски по тазу, – с серьёзным видом сказал Герка.

– Ладно. Пошли. Сами увидите, – сказал Вовка.

И вскоре за их спинами остался ещё дремавший посёлок. А впереди на горизонте, там за рекой и лесом, зарождалась узкая красноватая полоска восхода. Они вышли к Барскому лугу. Вовка спустил с поводка собаку. Переговариваясь, они направились к новому мосту через Суру, который достраивали и вскоре должны были пустить в эксплуатацию.

Вдруг они услышали грубоватый собачий бас. Потом увидели стремительно бегущего кобеля, а впереди него зайца, который, спасаясь, бежал к реке, покрытой первым тонким льдом с выступающими повсюду торосами. Ниже по течению чернела незамёрзшая полынья.

– Ну, всё. Заяц проскочит, а этот телёнок, не знай, – сочувственно сказал Женька.

– И этот никуда не денется, – сказал молчавший до этого Пашка, и было понятно, что он знал какую-то тайну.

Вскоре собака, потеряв из виду нырнувшего под кручу зайца, сбавила бег, а потом и совсем остановилась. Потоптавшись и немного жалобно поскулив, она вернулась к охотникам.

– Смотри-ка, сообразил! – сказал удивлённо Женька.

– А может, он просто зайца потерял? Может, он гонит, пока видит? Как говорят, на узерку, а потом теряет, – высказал предположение Герка.

– В лес придём, увидите, – не очень уверенно сказал Вовка. Пашка при этом почему-то опять молчал.

Они перешли Суру по новому мосту и свернули влево в лес. Вышли на высоковольтную линию, а потом разбрелись по лесу, вслушиваясь в утреннюю тишину и надеясь услышать долгожданный собачий гонный лай. Но тщетно, лес молчал. Вовка вовсю подбадривал собаку. Прошло время. И они слышали лай гончей, но это был голос явно не их собаки. Вскоре они увидели двух охотников, которые руками подавали им какие-то знаки. Когда они подошли к ним, те объяснили, что это их собака подняла и начала гонять зайца, и что у них отличная гончая, и она ни за что не отпустит зайца.

– Мужики, вы бы своего кобеля придержали бы. А мы все встали бы и из-под моей бы поохотились. А то я не знаю, как он у вас работает, – предложил мужчина, который, как было видно, с сыном вышел на охоту.

– Михал Алексеич, здрасте! Чо, Венку решили к охоте приучить? Натаскиваете? – спросил Пашка, признав мужчину.

– Здорово, мужики. Так он у меня давно со мной ходит. А вот старший, тот нет. Правильно его «Дельный» зовут. Вы, чай, его знаете? Он вон, по-моему, с Евгением учился. Тот нет. Тому лучше винца подавай, – продолжил разговор мужчина.

– Ладно. Володя, держи своего друга, а лучше привяжи к дереву поводком, – предложил Женька.

– Так я куда-то поводок-то потерял. Я его так, за ошейник руками подержу. А вы давайте на номера вставайте.

И Вовка, подозвав собаку, взял её обеими руками за ошейник и уселся на неё верхом.

– Ну, ты прямо как Чапаев или Котовский. Ружьё у тебя есть, ещё тебе саблю, – сказал Женька, улыбаясь.

Все выдвинулись к поляне, по которой, как большой корабль, «плыл» по снегу островок тёмного леса и кустарника.

– Он должен там лежать, – предположил Михаил Алексеевич, показывая на островок, уходя с сыном на номер.

Все застыли в ожидании. Где-то в лесу раздавался приближающийся лай гончей. В Герке всё ожило вновь, как в те годы. Вновь заиграла охотничья кровь. Собака нырнула в островок леса, оттуда выскочил заяц и покатил в их сторону. Герка приподнял ружьё и начал целиться, подпуская добычу на верный выстрел. Он всё это хорошо помнит. Но вдруг он чуть не упал, сбитый собакой. Это Вовкин «телёнок», услышав лай, а потом и каким-то образом увидев бегущего зайца, сильно забеспокоился и рванулся из Вовкиных рук. Он так его подбросил, что с Вовки далеко улетели шапка и один валенок. Собака с лаем вылетела перед Геркой на поляну и кинулась навстречу зайцу, и тот, круто повернув, пулей полетел в другую сторону. Собака вначале метрах в пяти бежала за зайцем, басовито лая, потом начала отставать. Через некоторое время оба скрылись в лесу. Вскоре лай прекратился. Потом за ними с лаем пробежала собака Михаила Алексеевича. Через некоторое время и её лай смолк.

– Чо же, неужели поймали? – спросил Женька, выходя на поляну, где уже стояли Пашка и Герка. – А Вовка у нас где?

– Чапаев у нас валенки с шапкой потерял, – задыхаясь от смеха, сказал Герка. И рассказал Женьке, что произошло.

– Убью, сволочь. Пристрелю, – кричал Вовка, выходя из леса на поляну. Он был весь в снегу и одной рукой держался за голову.

– Ты чево рассвирепел? – спросил Женька.

– Ничево. Я пока за валенком на одной ноге прыгал, споткнулся, упал и в дерево башкой врезался.

Они ещё долго смеялись, нарушая утреннюю тишину леса. Прошло некоторое время, и появился Михаил Алексеевич с сыном, а за ними и собаки. Вовкин кобель нашёл себе приятное занятие, он стал уделять внимание суке, а та огрызалась на него за его ухаживания. Вовка и вправду схватился за ружьё, увидев свою собаку. Даже пришлось вырывать его у него.

– Нет, не знай, куда делся! Как в воздух поднялся или в землю провалился. На што уж у меня сучонка профессор в этом деле, и та не может найти и распутать. Вот как ваш жеребец зайца напугал. А уж затоптали всё вокруг, ничего не поймёшь, – сокрушался Михаил Алексеевич.

Герка заметил: если утро начиналось приключениями, то это будет продолжаться весь день. Так получилось и на этот раз. Они вновь разбрелись по лесу, стараясь держаться подальше от Вовкиного кобеля, которого хозяин выпорол хворостиной. И он, обиженный, нехотя и с осторожностью плёлся позади Вовки. Они перешли насыпь новой дороги, прошли мимо замёрзшего озера Кривинского и вышли на крутой берег Сурычуть ниже села Чернёнова, расположенного на той стороне реки. Михаил Алексеевич, который всех ближе подошёл к круче, жестами позвал Герку и Венку к себе. Когда Герка подошёл, то через кусты увидел реку, одевшую на себя ледяную одежду. Посередине реки во льду виднелась небольшая промоина. На другом берегу чуть выше прижалась к земле окраина села.

– Ну чего? Видишь? – спросил шёпотом Михаил Алексеевич Герку, показывая рукой на полынью.

Герка, присмотревшись, увидел в ней плавающего гуся.

– Ну, вижу, и чо?

– Если картечь или крупная дробь есть, то стреляй, – опять шёпотом сказал Михаил Алексеевич.

– Куда стреляй? Так это домашний, наверно. Село-то вон рядом, – также шёпотом ответил Герка.

– Стреляй, говорю. Какой домашний – дикий, – не унимался Михаил Алексеевич.

Пока они переговаривались, гусь, поплавав в полынье, выбрался на лёд и начал ошипываться и приглаживать перья. Вдруг рядом раздался выстрел. Гусь, поскользнувшись на льду, упал на живот и тут же, вскочив, побежал и, взмахнув крыльями, взлетел. Это сын Михаила Алексеевича Венка таким образом, положил конец их спору.

– Ну, чево? Говорил тебе, дикий. А ты спорил. Картечью его надо было, картечью, – сказал Михаил Алексеевич, поглядывая на Герку.

А гусь, набрав высоту, развернулся и пролетая над смотревшими на него с земли охотниками, несколько раз гоготнул, как бы говоря: «Да, дикий я, дикий, отстал от своих», – и скрылся из глаз.

Герка, оправдываясь, сказал:

– Ну и чо? Убили бы мы его картечью. А кто его из полыньи-то доставать стал бы? Он мне хоть золотой будь, я не полез бы.

– А может, чего и придумали бы, – помолчав, сказал Михаил Алексеевич. – А в общем, пусть. Лисы подберут.

Короткий ноябрьский день заканчивал свой бег. Как-то сразу нахмурились сумерки, и все поспешили домой. Выйдя на Сурной мост, они заметили, как пока ещё лёгкая тень ночи начала накрывать землю. Было видно, как ожили огоньки на улицах и в домах посёлка. Герка смотрел с моста на тёмный лес, на Суру, покрытую льдом, на Барский луг под снегом, на посёлок с тёплыми, ласковыми огоньками и думал: «А всё-таки здорово и красиво устроен этот мир».

После той охоты Герке пришлось сильно налечь на работу. Работать ему часто приходилось допоздна. Порой и по выходным. На охоту поэтому он ходил реже. Чаше один. Ярких случаев и

моментов не было. Потом его друзья-рыбаки втянули его в рыбалку. А самое главное – Герка женился. И стал он не Герка, а Георгий, Георгий Александрович. И пока семейная жизнь расставляла всё по своим местам и раскладывала по полчкам, Георгию на время пришлось даже забыть про охоту. Но всё же мысли о ней, как маленькие угольки, теплились в его душе. Нет, что с детства запало в душу, оно, наверно, не угаснет никогда. Да ещё когда такая вокруг природа, такая богатая земля. У Георгия стало вырабатываться новое, уже семейное общение с природой. Весной они ходили за Суру за диким луком и щавелём. Потом появлялись ягоды: земляника, клубника, малина. Потом сбор грибов. И заканчивалось всё осенью сбором орехов. А между этим ещё была рыбалка: зимняя и летняя. И Георгию удавалось сюда втиснуть весеннюю охоту на вальдшнепа. Осеннюю охоту на уток. А уж открытие охоты на уток было святое дело. Зимнюю охоту на зайца и лису он тоже старался не забывать. Всё это Георгий называл круговоротом самого себя в природе. И надо же, тогда на всё хватало сил, здоровья и времени. Вот что значит молодость – великая мудрая сила!

Вскоре рядом с Георгием поселился новый сосед. В общем-то, Георгий его знал и раньше. Посёлок-то небольшой, да к тому же жёны у них работали в одной организации. Сам Владимир работал ветеринарным врачом. И как-то осенью он спросил Георгия:

– Лександрыч, я смотрю, ты на уток охотишься, а на копытных как?

– Да никак. Там в бригаду надо, а у меня таких знакомых нет. В общем, они есть, но я не пытался как-то, – ответил Георгий.

– Так если хочешь, я тебя с Николаем познакомлю. Он у вас начальник. Председатель охотобщества, – предложил Владимир.

– Так я его знаю, – ответил Георгий.

– Ну, вот, тем более. Я ему скажу. Они за тобой заедут, как только охоту на копытных откроют. В общем, жди, – заверил Владимир Георгия.

Через какое-то время Владимир зашёл вечером к Георгию.

– Готовься, Лександрыч. Завтра утром пораньше мужики за тобой заскочат. Ты не забудь пули да картечь крупную зарядить. И вступительные прихвати. Давай, ни пуха, ни пера, – высказал Владимир свои пожелания.

– А какие там вступительные? – спросил Георгий. – И, спохватившись, добавил. – А! Это дело! Понял. – И поднёс ладонь к горлу, при этом улыбаясь.

Спал Георгий в эту ночь плохо. Несколько раз вставал. Боялся проспать, хотя и завёл будильник. Как-то было нехорошо – первый раз, и проспать. Но всё обошлось. За ним заехал уазик. Георгий быстро собрался, сел на заднее сидение, и они поехали. В машине, куда он сел, было уже двое. Они разговаривали и громко смеялись:

– Счас приедем и начальнику скажем, что сегодня сала взяли, – сказал водитель и громко засмеялся.

Георгий вспомнил, что его звали Владимир. Он хорошо знал у него отца и мать.

– Нет, давай скажем ему при всех, когда уже поедем, – заливаясь от смеха, предложил второй, весёлый, небольшой круглолицый крепыш, сидевший рядом с водителем.

– Да ты чо, Володя. Он тут если закричит, машина сразу заглухнет, – и они опять дружно и громко рассмеялись.

Георгий только потом узнал, что Николай когда-то был на охоте, тропил зайцев. Выбившись из сил, решил закусить, а еда была только одна, сало. Хлеб он оставил дома. Он навалился на сало, и потом ему стало дурно. После этого он не только не мог смотреть, но и слышать не хотел о сале.

В то время Георгий понял только то, что в такой бригаде скучать и грустить не придётся, не дадут. Они заехали за Николаем. Вместе с ним в машину сел ещё Сергей.

– Ну што таперича? Перимидон (так в шутку Сергей называл вино) взяли? – спросил Сергей, улыбаясь, и сам же ответил. – А я взял.

Все, кроме Георгия, засмеялись. Николай на это громко сказал:

– Пока охотимся, никакого вам перимидона. Поняли? Ни грамма. Вот если убьём, то на кровях это уж, как положено.

– Ну, што тапереча. На кровях так на кровях. А Витю милова-сладкого, пчеловода нашего возьмём? – спросил Сергей.

– А куда мы ево? Если только в собачник. Надо было бы, сам бы давно пришёл. Так. Давайте лучше распишитесь, вот. Георгий Александрович, вы решили на копытных попробовать? Ну, што же, мужики вроде бы не против. Давайте в нашу бригаду. Технику безопасности, думаю, знаете. Тоже распишитесь. Ну, а остальное всё по ходу движения осваивать будете, – сказал Николай, собрав в разговоре всё сразу в одну кучу и при этом протягивая какой-то бланк и ручку.

– Чо, поехали? – спросил водитель.

– Давай, Карась... Давай, Володя. Сначала заказник обрежем. Если есть переходы, крутнём. Не будет там ничево, к Болтаевке переедем, – сказал Николай, поудобней усаживаясь на переднем сидении и ставя ружьё между ног.

Машина тронулась, и они поехали. Сначала все замолчали, и каждый думал о чём-то о своём. Георгий радовался тому, что в бригаде, как сразу бросалось в глаза, находились простые, нормальные мужики. Чувствовалось, каждый был по-своему хорош. А это было здорово, когда в маленьком коллективе притрутся лёгкие колоритные людские характеры.

Теперь Георгий с большим нетерпением ждал выходных. Ему понравилась охота на копытных, на лосей и кабанов. Они крутились на машине, а порой и не на одной, по заснеженному лесу. Смотрели и читали следы. Стояли на номерах, поджидая зверя. Ходили в загон по следу. Стреляли. Мазали. Порой разделявали убитого зверя. Бурно обсуждали события. Иногда громко спорили. И всё это было захватывающе интересно. Охотничья удача, охотничье счастье и везение – вещь капризная и изменчивая. И если спросить, с чем они чаще возвращались с

охоты – с добычей или без неё, то можно точно было сказать: без добычи. Что-то обычно мешало, что-то не получалось, что-то не складывалось. Но никого это, и никогда, и нисколько не огорчало. Зато время, проведённое в лесу, на воздухе, в дружной компании Георгию, казалось, ничем нельзя было заменить. Георгию вначале не везло, и, наверное, больше всех. Не шёл на него зверь, и всё.

– Лександрыч, это, наверное, твоя шуба своим запахом зверя пугает, – говорил Сергей, намекая на толстенный его шубняк домашней выделки.

– В общем-то должно быть наоборот. Овечий-то запах должен приманивать. Но уж точно не пугать зверя, – говорил Володя, которого частенько по-дружески по его фамилии называли Петяем.

– Зато он в своём шубняке и унтах может сутки простоять на номере и хоть бы хны. Его потом только сваркой с номера срезать можно, – вставил Карась.

– Лександрыч, ты не слушай их, молодёжь. Это они тебе завидуют. Ты у нас порой в шубняке, в стёганных штанах, в унтах, один, как король, свободно в собачнике сидишь, а они тут друг о друга толкаются, – говорил, встречая в разговор, Николай.

– Алесандрыч, ты только на номере в снег не ложись, а то уснёшь, снегом занесёт, мы тебя и не найдём, – сказал Витя-милый, присоединившись ко всем.

Компания дружно смеялась. Смеялся с ними и Георгий.

– Мужики, а я знаю, почему на вас зверь выходит! – сказал Георгий.

– Потому што нас Николай по благу на хорошие номера ставит. Он тут в лесу все примочки и заморочки знает, – сказал кто-то.

– Нет, не поэтому, – сказал Георгий и замолчал.

– А почему? Почему? – загалдели кто сидел в машине.

– Я думаю, вы на номер когда встанете, то Виктор-милый вас мёдом мажет. А Сергей своим «перимидоном» натирается. Мёд и

«перимидон» – они, конечно, лучше, чем моя шуба, на зверя действуют, – сказал Георгий серьёзно.

– Чем, чем? – не понял Карась.

– Чем, мёдом и вином. Ты чо, не слышишь што ли? Рули лучше, а то с дороги улетишь, – сказал Николай.

Сегодня они так же, как и раньше, двигались по привычному для них маршруту. Переехали Сурной мост и стали всматриваться в заснеженные обочины дороги, освещаемые светом фар. Но следов лосей и кабанов, которые они так хотели увидеть, не было. Позади остались покрытые льдом, заснеженные лесные пойменные озёра: Белая Сурка, Малый Рамадан, Кривинское, Дубки. Машина выехала на небольшую горку с громким названием Белоключёвская Гора навстречу проклёвывавшемуся утреннему рассвету. Впереди подмигивал редкими огоньками небольшой посёлок Белый Ключ, названный когда-то за свои холодные и светлые источники.

– Ну, што тапереча? Может, на ферму? Да коровку там завалим? – улыбаясь, спросил Сергей.

– Это мы можем. У нас и спецы по этой части есть, – сказал кто-то, звук мотора заглушил дружный смех, и все посмотрели на Николая.

– Так не знай, он без Василия, может, и не справится, – сказал Карась, отрывая взгляд от дороги и посмотрев в сторону Николая, который сосредоточенно молчал.

Только потом Георгий узнал, как Николай с соседом Василием лося в Зашне тропили. Весь день по следам мотались. А зимний день короткий, и уже в сумерках они по следу вышли на опушку леса. Рядом село и крайний дом. След – прямо к дому. А за забором корова мычит. Друзья удивлённо переглянулись:

– Слушай, как это мы?

– А хрен её знает!

И они поклялись, что об этом никому ни слова. Но всё-таки кто-то из них в компании, за рюмочкой вина выдал их тайну. А вот теперь приходилось выслушивать и терпеть.

– А у меня батя здесь прямо в селе когда-то лося убил. Вот из этого ружья, – сказал Георгий.

Смех сразу смолк, и все с некоторым недоверием посмотрели на Георгия и его старенькое ружьё.

– Отец рассказывал, что лось во время уборочной повадился в село. Особенно ему ток понравился. И начал он там людей гонять, лошадей и коров. В общем, странное стало с ним что-то происходить. А отец уполномоченным здесь на уборке был. Вот он с ружьём приехал и завалил его. Рога в отцовском доме. На память оставил.

– Так он чо, бешеный што ли был? – спросил кто-то.

– Нет вроде, говорил отец, но мозги, видно, точно поехали, – ответил Георгий.

– Ну, мы что, на подкормку под восьмой мост заскочим? Нет? На обратном? – спросил Николай.

– А ключёвские это место называют Первый Прорыв. В общем-то, мы от Суры мосты считаем по старой дороге: Первый Мост, Второй и до Восьмого. А они прорывы от Ключёвской Горы. Это восемь озёр, всё старицы Суры. Вот как Сура в этих местах раньше гуляла и какие озёра оставила. А сейчас только разливы, и то редко, чтобы весь лес затопило до Ключёвской Горы. А эту нам дорогу австрийцы да немцы пленные после Первой мировой войны забутили, и мосты понастроили, и деревьями обсадили. Они ж народ аккуратный. А ещё раньше дорога где-то немного в другом месте шла. Теперь и эту забросили, видишь. Мосты деревянные растащили, камень бутовый тоже. В бани на каменку, говорят, хорош больно, – сказал Георгий, слышавший кое-что от отца.

– А где они жили, эти пленные? И как дорогу делали? – спросил кто-то.

– Где жили – вот где ДОСААФ, в этом здании. А чем делали? Топорами, лопатами, пилами, кирками, ну и лошадки у них ещё были. Жили свободно, без охраны, без конвоя. И народ их не

обижал, даже подкармливал и в банях мыл. Вот простой русский народ, малограмотный, а человечный был,— добавил Георгий.

— Ну, а ещё чего ты нам расскажешь? — спросил Николай Георгия.

— А что вам рассказать? Вот памятник царю Александру Второму в Белых Ключах был. Народ вроде бы царей не особо любил, а вот кто-то организовал, скинулись и поставили. Хотя за то, что Степана Разина поддерживали, царские войска почти всё население когда-то истребили. А потом, после семнадцатого года, тот же народ памятник и порушил. А ещё здесь чапанное восстание против советской власти проходило. Председателя местного совета на вилы подняли, а потом из револьвера застрелили. Вот тебе и простой народ, вот тебе и человечность. Он, русский бунт, жестокий. Не дай Бог народ до него довести. Вот оно так колесо-то истории и крутится-вертится. По этой вот мощёной дороге через мосты «чапаны» на Промзино пёрли. Пулемётами с той стороны Суры их только остановили. Потом здесь колхоз «Имени Сталина» был. Чего это я вам всё про политику да о грустном. Тут один мужик после войны жил без правой руки. На мотоцикле заруливал, айда пошёл, и охотник был хороший. Утку в лёт мигом сбивал. А ещё отец рассказывал, мужичок малого росточка был. Ружьё чуть таскал, а баба у него, говорят, здоровая была, головы на две выше его. А он не смотри, что такой. Сердитый был. Выпьет, говорят, начнёт озоровать, встанет на лавку и жену зовёт, чтобы шла к нему. Она подойдёт, а он и давай её колотить. А она руки не отведёт,— весело завершил всё Георгий.

— Ну, то было раньше! А сейчас попробуй, она тебе сама глаз на мягкое место натянет, — сказал Витя-милый, и все рассмеялись.

Георгий почему-то вспомнил ещё уроженца Белого Ключа поэта Петра Мартьянова, сподвижника Герцена, который написал письмо царю Александру Второму о трудной жизни крестьян. Вспомнил он и Пушкина, что этими местами проезжал, но говорить мужикам об этом не стал. Он только про себя подумал, как же всё

удивительно может в жизни переплетаться. Вроде бы и село маленькое, а сколько в нём событий прошло.

Тем временем узик нырнул в овраг, оставив слева у леса лесхозовский лесопитомник, на дне которого, местами скрытая льдом и снегом, протекала маленькая безымянная речушка, больше похожая на ручей. Под дорогой она пряталась в бетонные трубы. Начиналась она где-то там, в полях, в местах с названием Гремячий овраг. Убегала же речка в сторону леса, и это место, где когда-то стоял лесной кордон, называлось Ужи.

– Гремячий. Ужи, – подумал про себя Георгий. – Интересно!

– Лександрыч. Што-то ты нам ничего про посёлок Элиту не расскажешь? – спросил Николай, когда они проезжали мимо небольшого селения, рядом с которым виднелись конюшни.

– А чо вам рассказать? Вы и сами всё хорошо знаете. Конный завод на всю страну известный. На многих ипподромах участвовал в бегах в Москве, в Киеве, Риге, Куйбышеве, Одессе, Ульяновске. В общем, городов по союзу не пересчитать. А здесь иностранцев ублажали, на русских тройках катали и водочкой потчевали. Вьетнамцев, палестинцев, да много кого ещё. А какие здесь бега устраивали, со всего района народ съезжался и не только. Вы и сами, чай, тут бывали, думаю, и пивко потягивали. А вот сейчас впереди село Лава будет, так одно из названий получается как золотиносная жила. Вроде бы когда-то давным-давно здесь золото нашли. Только оно быстро кончилось. Мало его было, а название вот осталось.

Все дружно с недоверием посмотрели на Георгия.

– А ещё здесь Бутурлин мальчишкой в своём имении жил и на охоту в этих местах ходил. Потом он большой знаменитостью стал. Птиц изучал и по ружьям спец сильный был. А какое, мужики, он стихотворение про Суру нашу написал!

– А мы думали, ты нам про охотника Геночку скажешь. Он тут тоже знаменитость. Он неделю без остановки может про охоту рассказывать, и ничем ты его не остановишь, и слово даже неставишь, – весело заметил Сергей.

– Про него вы уж точно лучше меня знаете, – тоже улыбаясь, сказал Георгий.

Помолчав, он добавил:

– А вот говорят, здесь ещё второго Героя Советского Союза нашли. Первый-то Хазов-танкист, а это вроде лётчик Кукушкин. Тоже лавинский.

– А когда ему Героя-то дали? – спросил кто-то.

– Да говорят, уже после войны. А в общем-то, его во время войны представили, только он кого-то там куда-то послал за шшто-то. Начальника какого-то. Ну, его и зарубили. А после войны – вот видишь. Настоящая правда, она дорогу пробыёт, – уверенно сказал Георгий.

– Да, у нас порой так. Против ветра плевать, долго не утрётсяя, – сказал кто-то с некоторым сожалением.

В машине все вдруг разом замолчали.

Они свернули с дороги влево у самого края села. Проскочили мимо фермы, где уже давно трудились люди повседневным тяжёлым сельским трудом. Потом все дружно смотрели на замёрзший и покрытый снегом Зеркальный пруд и одинокие фигурки рыбаков на нём.

– Вот тоже рыбострадальцы. Нет бы горячую бабу дома в постели обнимать, а они холодный лёд бурят, – сказал кто-то в машине, смеясь.

– А мы чем лучше их? – спросил Николай.

– Смотри-ка, а вон Чемодан! – сказал Сергей, показывая вперёд рукой.

– Где? Какой чемодан? – не понял Георгий.

– Ты чо, Лександрыч, Чемодана не видишь? – весело спросил Николай. – Вон впереди по дороге с двумя гончими идёт. Всех сейчас наших лосей и кабанов своими собаками распугает.

Теперь Георгий всё понял. А затем и увидел мужика с ружьём, который, посторонившись, пропускал их машину. Узнав Николая, он поднял руку, приветствуя их.

– Это зайцестрадалец, – сказал Владимир. – Как говорил один знакомый, при охоте с гончими можно ноги до задницы стереть.

– Да уж, это точно. Вы, чай, знаете у нас Гошу? Он за зайцами или лисой впереди гончих бежит, – сказал Николай.

– А чо ему не бегать? Он с собой килограмм мяса да килограмм сыра на охоту берёт, – вставил Сергей. – Тут, если всё на свежем воздухе съешь, ещё и за двуногой лисой потом побежишь.

– Сергей, а за какой, за рыжей или черно-бурой? – спросил кто-то, заливаясь смехом.

– С такой пищи и сербурмалиновую догонишь и зажмёшь, – надрывался от смеха Сергей.

– Стой, Карась, назад. След проскочили с вашей болтовнёй, – недовольным голосом сказал Николай.

Вовка включил заднюю скорость и спятил машину назад. Николай выскочил из машины и быстро вернулся.

– Поехали, – сказал он, отряхивая ноги от снега.

– Ну, чо там? – спросил Вовка.

– Силантий, – ответил Николай.

– Какой Силантий? – не понял Георгий.

В ответ в машине все рассмеялись.

– Лександрыч, может, русский, а может, чаваш (чуваш), – пояснил Николай.

Машина, выбросив из-под колёс снег, покатила дальше. Осталась позади Приказчикова Поляна, слева местечко Сухая Лава, справа была граница заказника.

– Там у Сергея Николаевича зверя погуще будет, – сказал кто-то в машине с некоторой завистью, посматривая в сторону заказника.

– Да. Они в том году по товарным лицензиям голов семьдесят лося и столько же кабанов добыли. А тут вот и жди, когда они их там пугнут и они к нам перейдут. А мы их тут пугнём, а они опять к ним. В общем, где спокойней, они туда и бегут.

– А что же они нам лицензий не дают? – спросил Виктор.

– Жди, дадут да ещё добавят. Знает у них начальство, кому лицензии давать, – сказал Николай. – В общем, на чужой каравай...

– Какой же он чужой? – сказал Сергей, перебивая Николая. – Заказник же на нашей земле.

– Притормози, – попросил Николай водителя. – Нет. Давай дальше. Это старый след.

Они проехали Дубровскую Поляну, миновали Курзино Болото. Герка вспомнил, как где-то здесь рядом он залёг на номере в противопожарном рву. Тогда они делали загон на лосей. И как мужики потом над ним смеялись: «Лоси тебя чуть не растоптали». Затем через Грязцы они подъехали к Пичерскому озеру. И остановились у охотничьего дома на крутом берегу.

– Мужики, а кто этот дом строил? – спросил кто-то в машине.

– Говорят, то ли с Лавы, то ли ещё откуда его перевезли и здесь поставили, – сказал Николай.

– А я слышал, – сказал Сергей, – ево лесхоз построил, и тут кордон вначале был. Лесник с женой жили.

– Да какая разница, кто строил, – сказал Георгий. – Только Пал Иваныч его охотничьим с зятем своим Фёдором Александровичем сделали. Один из них был председателем охотобщества, а другой охотоведом. Это я точно слышал.

– А кстати, сколько у нас их было? – спросил Сергей.

– Ну, считай: Пал Иваныч, Фёдор Александрыч. Этот, как его, Сашка из Вальковки. Ево ещё «Гусаком» прозвали, – сказал кто-то.

– Никто ево не прозвал. Сам он себя прозвал, – сказал Николай.

– Как это сам? – спросил Володя.

– А так. Он кого увидит на охоте или на рыбалке, чтобы документы проверить, кричит: «Эй ты, гусак, иди сюда». А народ-то какой, он сразу это дело срисовал, – сказал Николай.

– А тебя как прозвали, Николай Александрович? Ты ж у нас председатель, – спросил Герка, делая вид, как будто ничего не знает.

– Меня? Меня «Правдой» прозвали, – сказал Николай и стрельнул в Герку сомневающимся взглядом. – За то, что правду люблю. На выборах это было. Я в комиссии был. Они там хотели шуры-муры сделать, а я против. Говорю, нет, всё должно быть по правде. Ну, вот и пошло... Хватит базарить, давайте вылезем из машины и перекусим, а там потом подумаем, што дальше делать.

Они вылезли из машины, прихватив с собой рюкзаки, переступая с ноги на ногу и разминая затёкшие от поездки ноги.

– Чо, может, в дом зайдём? – сказал кто-то.

– Зачем? Давайте на воздухе. Место тут замечательное. На лося и волков посмотрим, – сказал Николай.

– На какого лося? На каких волков? – не понял Сергей.

– Вон видишь картину над крыльцом? Видишь, там волки лося придавили? Не хочешь на картину, посмотри на лосиные рога на фасаде. Отростки посчитай. Такие вот раньше экземпляры водились, – посоветовал Николай Сергею.

Герка посмотрел на добротный дом, на сарай за домом, на поляну и толпящиеся вокруг сосны вперемишку с чернолесьем. Потом на озеро подо льдом и снегом. Где-то там, в том конце, в него впадает речушка без названия. Нет, название у неё есть, но называют её каждый по-разному. Вот, например, кто-то – Глубокая. А какая она глубокая, это только кажется. Течёт она из Торфболота и в сильные морозы промерзает. Тогда озеро «горит». Идёт замор рыбы. И происходит это аккурат под Новый год. На другой стороне поросший лесом Пичерский Остров между Сурой и озером. А если пройти мимо покосившейся баньки напротив дома, то можно выйти на крутой берег Суры. До неё, как говорят, рукой подать, метров сто, не больше. А летом здесь какая благодать! Любили это место раньше и простые люди, и начальство. Причём и районное, и областное. Секретарям обкома КПСС нравилось это место. А в общем-то бывали гости здесь с разных мест. Здесь можно было выпить рюмочку и откусать ухи из знаменитой сурной стерляди. Герка вновь посмотрел на охотничий дом и

подумал: «Сколько таит тайн этот дом! Сколько же он мог бы рассказать о том, что происходило в нём и вокруг него».

– Мужики, я где-то слышал или читал, что здесь где-то была пустынь, – сказал Герка уже вслух.

– А чо это такое? – спросил его Володя.

– Ну, это вроде монастыря, только она небольшая. Её скит ещё называют, – ответил Герка. – Он где-то тут был. Напротив Полянок. Пришли, говорят, сюда монахи с Киево-Печёрской лавры. Икону Казанской Божьей Матери с собой принесли. Церковь деревянную построили. Пустынь называлась Казанско-Печёрской.

– И куда же она делась? – спросил Николай.

– Разбою здесь было много в те времена, вот она и не устояла. Икону-то в Промзино унесли. Тут только деревянная часовня оставалась. Да и ту тоже в Промзино позже перенесли. А здесь крестный ход ежегодно проходил. Потом его отменили, и оставалась здесь в память каменная часовенка. Да и ту время поглотило.

– Так это место на Суре вот почему Пичерками называется! И Казанский яр тоже. Вон тут в чём дело! А мы всё Пичерки да Пичерки. А здесь целая история выходит. Ну, спасибо, Лександрыч, – сделал вывод Николай.

– Мужики, да здесь, наверно, название каждого места какую-то историю хранит, – задумчиво изрёк Герка. – Вот Канюхова поляна. Сколько раз мы там проезжали, а говорят, там расстреляли, кто в семнадцатом против Советской власти пошёл.

– Да ну, – вырвалось у кого-то.

– Вот тебе и ну, лапти гну. Только молчали... А кто в загон ходили, видели рвы и окопы? Так это немцу тут отпор наши давать готовились. Да и для партизан хотели што-то схоронить, если нужда припрёт, – добавил Герка.

– Да чо там говорить. Щас спроси молодёжь. Он тебе яры по Суре от Сурска до Полянок не назовёт. Я сам-то порой путаюсь, – сказал кто-то.

– Кода-то народ с природой в крепкой дружбе жил. Он тебе не только место назовёт, но и расскажет о нём. Про Зачёрное, про Ситников яр, про Ситниковские пески, про Баранову яму, про Горелый песок. Чево улыбаетесь, есть такой. Про Липовый яр, про Вязов яр, про Ветлянку, вот про Пичерки, про Сатынский яр, про Красный яр, про Казанский яр, про Уральский, – сказал Герка.

– Мест и названий здесь много, – подтвердил Николай. – Здесь недалеко Запески, дальше Вязова поляна, а там недалеко озёра: Омут, Подборное, Комайка. Ещё дальше Баранов исток, Рукава... Так. Мы ведь на охоту приехали. А сами в воспоминания кинулись. Давайте, собираемся и дальше крутнём.

– А как же без воспоминаний? Так он уж, человек, устроен. Живёт он прошлым, настоящим и будущим. А без прошлого нет ни настоящего, ни будущего, это, наверно, всем давно известно. Только порой мы почему-то об этом забываем, – сказал Герка, садясь в машину.

Все сидели молча, а машина, набирая скорость, двинулась дальше к новым местам.

ВОЛК

На всю жизнь я запомнил встречу с волком, мою первую встречу. Очень давно это было, ещё и не учился, да, в школу точно не ходил. Мы с друзьями на улице во что-то играли. Было начало зимы, и было так приятно валяться в белом-белом снегу, наваливать с удовольствием друга, который был послабее или терпеть прелести снежной «бани» от кого-то, кто был посильнее и половчее тебя. И вдруг: «Эй, вы! Там волка при-везли!» - «Брось, откуда взял? Што врёшь?». - «Нет, не вру! Шчас вот мужики шли, говорили. Там, у агрошколы, у маленького домишка, ну где охотники собираются». Все ринулись вниз по улице. От парка было бежать недалеко. Мы сразу увидели толпу людей, окруживших что-то. Раздавались возгласы: «Здоровый!», «Матёрый!», «А на лапе капкан ви-дел?». Кто-то пришёл с собаками, и те, ещё не понимая, что происходит,

старались пробраться к центру круга. Но вдруг, как ошпаренные, с ди-ким визгом, поджав хвосты, неслись прочь в паническом страхе.

Подталкивая друг друга, мы просачивались сквозь толпу, и когда оказались вблизи от центра круга, я увидел большого красивого зверя, что не вязалось с моим воображением, возникшим под впечатлением от сказок и рассказов. Несмотря на шумящую вокруг толпу, волк внутренне был напряжён, но на вид спокоен. Это был крупный зрелый самец, переживший разные повороты судьбы. Плотная шерсть серого окраса порой волновалась на его спине, на крупной голове выдавался выпуклый лоб. Треугольные остроконечные уши были в постоянном напряжении и улавливали каждый звук. Виднелась заострённая передняя часть морды. Пасть была приоткрыта, и оттуда торчал обрубок палки, ловко чем-то привязанный к мощной шее, были видны крупные белые зубы и окровавленные дёсны. Сильные ноги, которые когда-то легко и стремительно переносили это красивое и умное хищное создание природы по простору мира, были крепко связаны верёвками. На правой передней ноге был капкан с цепью, так безжалостно захлопнувший его свободу. На железных створках капкана были видны глубокие следы от зубов и когтей, да и сама лапа была сильно покусана. Было ясно, что этот краса-вец природы, её покоритель не мог просто так отдать свободу и жизнь, и он боролся как только мог.

Но больше всего меня поразили глаза, полные опыта и ума, накопленного природой. Зелёно-желтоватые глаза с металлическим холодным блеском твёрдо и спокойно смотрели на этот мир. В них не было страха, испуга, несмотря на то, что некоторые люди норовили бросить в него кто снегом, кто палкой. В его глазах, казалось, стоял вопрос: за что его, охотника, которого создала и отшлифовала природа, который ежедневным трудом, своим умом, своими ногами и зубами добывал пищу, лишили свободы?

Более сорока лет я охочусь. Конечно, я не профессионал. Я любитель. Охотился на многих животных, в том числе и на волков,

разными способами: с флажками, с засидками, загоны устраивали, и ни разу с моим участием мы не убили ни одного волка. Всегда что-то не получалось. Может, это не случайно? Мне кажется, что жизнь настойчиво хотела показать, что такое природа, что такое в ней волки и что такое в ней люди.

ОСОБЕННОСТИ ВСТРЕЧИ НОВОГО ГОДА

Сегодня они выехали пораньше. Мотор «уазика» ещё не прогрелся. Стёкла сразу запотели, а лобовое стало покрываться ледяным ри-сунком. Печка натужно пела, подавая начинающий прогреваться воздух. Прозрачное пятно на переднем стекле стало расти, поглощая рисунок. Через него просматривались притихшие, ещё непроснувшие дома посёлка, освещаемые светом фар. Сидевшие в машине мужики, как любимых, прижимали к себе ружья. Вначале сидели молча, и не двигаясь, лишь слегка покачиваясь на неровностях дороги. Потом, пригревшись, зашевелились и заговорили.

- Сегодня надо пораньше приехать. Старый год проводить и новый встретить.

- Старый-то мы и в лесу проводим.

- А моя говорит: надо в училище на бал.

- А мы в РДК собрались сходить, а вначале дома надо посидеть.

- Так, хорош, - прервал всех громким голосом Николай, сидевший на переднем сидении рядом с водителем.

Машина в это время уже ехала по сурному мосту, готовясь нырнуть в надвигающийся зимний лес.

- Вы смотрите слева, а я буду справа. А ты, Володя, как увидишь переход, сразу останавливай, - добавил Николай.

- Какие тут переходы, какие следы. Это когда зверья было полно, тогда да. А сейчас? – сказал кто-то.

- Молчите и смотрите, - оборвал Николай.

Все нацелились на обочины. Но напрасно все распалили своё во-ображение – следов не было. Свернув в лес, заскочили на подкормку. Никого.

- Нушто, вдоль заказника по границе до Пичерок рванём?

- Что же больше.

- А если и там ничево?

- То в Болтаевку проскочим, или в Зашню.

Рассвело. Солнце где-то там, за деревьями, распускало свои лучи, обшаривая землю. Стало светлее и теплее. Всё это зарождало надежду на удачу.

Но, покрутившись на машине по притихшему под снегом лесу и выехав к охотничьему домику на Пичерках, на берегу Суры, решили остановиться.

- Видно, кабаны и лоси тоже готовятся Новый год отмечать. По-этому след не дают, - сказал Александр и предложил: Давайте лучше перекусим.

Все дружно схватились за рюкзаки и стали вылезать из машины. Капот автомобиля вмиг превратился в сервированный стол. Особенно-сти русской национальной охоты всем известны. А потом сколько раз-говоров!...

- Лексанрыч, ты про охоту чего нибудь новенького выдай!

- Ну, слушайте:

Утром рано, выпив чаю,

Отправляюсь я к Петяю¹

На охоту он меня

Приглашает без вина.

Блэка² нынче не берём,

И без Блэка мы убъём.

А возьмём мы Стрижака -

Разбитного мужика.

¹ *Прозвище от фамилии.

² Блэк – кличка собаки.

- Поняли! – гордо изрёк Александр - Это про нас. Про нас с тобой, Володя.

- А про нас? – загалдели вокруг.

- Про вас в другой раз. А сегодня про нас! Стреляй лучше - вот и про тебя будет, - подковырнул Володя.

- Николай, а ты лучше расскажи, как вы корову в Зашне тропили!

- Да пошёл ты со своей коровой в баню!

- Вы её как: кирдык, кирдык и бучк, што-ли?

- Какой «бучк». Вечером, в сумерках, следы перепутали, выходим по ним из леса, а след - к крайнему дому села.

- У вас хоть ведро-то было?

- Какое ведро? Зачем?

- Зачем, зачем, подоили бы хоть!

- Ой, не могу! Ха-ха-ха.

С деревьев с шумом срывается стайка синиц.

- Лексеич, а ты чо молчишь? Расскажи, как тебе сильно живучий лось попался.

- Чево, чево?

- Ну, лось, в которого ты десять пуль выпустил, а он не бежит и не падает, стоит как вкопанный!

- А чо тут рассказывать, вы, чай, уж слышали. Пошёл я в загон, а уж к вечеру. Вскоре темнеть стало. Лазил я, лазил, к дороге выходить стал. Взглянул так в сторону, смотрю: лось стоит. Видите, вон эти дру-зья лыбятся. Ага, я подкрадываюсь, прицеливаюсь. Бах! Смотрю, стоит! Я опять – бах! Стоит! Я хлобысть, хлобысть! Стоит! А у самова манд-раж. Нет, думаю, што-то не то! Подхожу. А эти, што лыбятся, они ещё раньше лося-то убили, а шкуру на кустах развесили. И он как живой. Прихожу я из загона, а они ржут и спрашивают: «Ты что-то там, в за-гоне сильно палил?» - А сами укатываются.

- Слушайте, а кто это тогда в загоне уснул?

- Как, уснул?

- Как, обыкновенно. День теплый, солнечный был. Помоему это с Фёдорычем было, точно, с ним. Тоже пошёл в загон. А было это после какого-то праздника. Он с собой фляжку прихватил. Устал, присел отдохнуть, ну и про фляжку вспомнил. И так ему стало хорошо, и так его разморило. Мы ждём – нет. Ждём – нет. Пошли, а он привалился к сосне и слюну распустил.

- А в капкан волчий он што ли попал?

- Он. Здорово он тогда взвыл. Орал всё: помогите, помогите.

- Лександрыч, а ты помнишь, как тебя лоси в «окопе» чуть не рас-топтали?

- Да ладно вам. Я их просто поближе подпустил!

- Чево «поближе». Не видел ты их. Стишки, наверно, сочинял.

- Да нет, точно вам говорю, видел, ещё издали. Залёг в канаву за пенёк. А там бугорок, за ним низина. Я лежал, лежал, а их всё нет и нет. Привстал, нет, думаю, всё, упустил. Засмеёте. Встаю, а они – вот, со-всем рядом.

- Ты с перепугу и мазанул!

- Чево мазанул! Я как...

- Так, быстро, поехали, а то вы до старого Нового года проспори́те.

- Мужики, а у меня ещё и ёлки нет.

- Сейчас найдём! А может быть, тебе и Снегурочку надо?

- Нет, Снегурочка у меня дома.

- Так, вперёд за ёлкой, потом в Болтаевку, а, может, успеем и в Зашню проскочим!

- Мужики, нам Новый год как бы не проскочить!

ВАЛЕРКИН ОМУТ

Валентин и Валерий плыли на моторной лодке по Барышу. Это небольшая речка, которая как уж извиваясь, между деревьями и травами присурских лесов и лугов, впадала в Суру. Августовские дни быстро отнимали у лета его время, стремясь перейти в осень.

Вся природа замерла, ожидая этого перехода. На моторе сидел Валентин, худощавый, смуглый мужичок среднего роста, лихо закладывая повороты в нешироком извилистом русле. По его молоджавому лицу и худому сложению тела трудно было определить его возраст.

На носу лодки, сидя на коленях, держа в руках ружьё, устроился Валерий. Ему на вид дашь лет сорок пять. Его фуражка была сдвинута на густые чёрные брови, из-под которых устремился вперёд внимательный взгляд серых немного раскосых глаз.

Лодочный мотор пел свою песню, которую слушали деревья на травянистых берегах, порой низко склоняясь к воде.

Валентин сбросил у мотора обороты и крикнул:

- Приготовься! Счас за поворотом омут будет. Там кусты, а под кустами всегда утки.

Валентин знал, что говорил. В рыбалке и в охоте мало кто с ним мог поспорить. Ловок он был в этих делах. А рыбу он ловил особенно мастерски. Удочек он не признавал. Ещё от дедов и прадедов перешло к нему то, что рыбу надо ловить сетью, приволокой, бреднем, жаком, крылёной ну или чем-то в этом роде. Правда, всё это незаконно, но закон это одно, а жизнь это порой совсем другое. Валентин с весны специально попадался рыбнадзору на какой-нибудь мелочи. Платил штраф и клялся, и заверял, что вынудил его к этому какой-то случай: то брат приехал, то начальство попросило. Что же было порой частенько и такое. И заверял:

- Такое больше не повторится.

Что там не повторится. Штраф в его сознании был как пропуск.

- Я же государству заплатил? Заплатил. Ну и могу немного порыбачить, – говорил он сам себе. – Как же мне быть-то? Рыбколхоза не стало. Рыболовных бригад нет. Себе рыбы немного надо поймать и людям тоже. Не все же могут рыбу ловить.

И ловил теперь тихо и осторожно.

В конце лета или осенью он ещё раз платил штраф. Как он говорил для очистки совести. А объяснял так, что водяной с русалками его попутал. А сам дожидался, когда встанет лёд, чтобы тайком поставить сети.

Сегодня с Валерием они тоже проверяли жаки и сетёшки, так называл Валентин небольшие обрывки сетей. Пойманная рыба лежала на дне лодки.

Валерка взял с собой хорошее ружьё, на случай если попадутся утки. Ружьё было толи австрийское, толи бельгийское. В общем, ружьецо что не говори знатное, дорогое.

К заводи подплывали, уже заглушив мотор, по инерции. Валерий зачем-то встал во весь рост, сжимая в руках ружьё и готовясь к выстрелу. Наверно ему так было удобнее. До этого он ещё надо сказать ни разу не стрелял с лодки по уткам.

Хотя они этого ждали, но всё же, как-то неожиданно из-под кустов с шумом, хлопая крыльями и крикая, сорвалась стая уток.

Валерий, было видно, явно поторопился. Прозвучал вначале один выстрел за ним второй. Лодку сильно качнуло, Валерий попятился и неожиданно встал на борт, лодка накренилась, вильнула, наскочила на торчащий из воды куст и перевернулась.

Вынырнули они почти вместе и, взмахивая руками, с трудом добрались до берега. Вначале они молча, тяжело дыша, сидели на берегу и смотрели, как течением уносит перевёрнутую лодку. Быстро и всё также молча не глядя друг на друга разделись и поплыли догонять её. Поймали, подтащили к берегу. Перевернув, сняли мотор. Отдохнув, крышкой от мотора стали вычерпывать воду. Откачав, достали из багажника лодки промокший рюкзак. Вывалили его содержимое на берегу, на пригорке. Молча взяли бутылку водки открыли и налили в кружку и по очереди отпили не закусывая.

Через некоторое время Валерий сказал:

- Надо бы теперь ружьё поискать.

- Давай попробуем. Здесь надо сказать не глубоко и не мелко. Можно и понырять, – согласился Валентин. – Только вот вода не совсем тёплая. Лось уже в водичку пописал.

- Так у нас подогрев есть. Одну начали да ещё одна есть. Впрочем, ты как хочешь, а мне нырять придётся, ружьё-то хорошее, – грустно изрёк Валерий.

Они отпили ещё водки. Отжали одежду и повесили на кусты. Осмотрели и повернули на другую сторону лодочный мотор.

- Мы как, вместе нырять будем? Или поодиночке, по очереди? – спросил Валерий.

- Давай вместе, – предложил Валентин.

Они долго ныряли, но на дне ничего не могли найти. Покрывались гусиной кожей, стучали зубами, растирались, принимали внутрь, говоря:

- Ну, давай по чуть-чуть, для сугрева.

Топливо для «сугрева» таяло и исчезало как их силы и надежды.

- Где же оно там лежит? – задавал вопрос Валерий, стараясь согреться. – Мы же с тобой почти всё дно в этом месте обшарили.

Выбившись из сил и начиная мёрзнуть, решили плыть домой в деревню.

Оделись, поставили мотор. На удивление он, почихав и покашляв, завёлся, когда они уже собрались идти на вёслах по течению.

Дома они решили:

- Завтра возьмём железные кошки, которыми вылавливают вёдра из колодцев.

Целый день они царапали этими кошками дно заводи. Результата никакого.

На следующий день взяли вилы. Изогнули в разные стороны железные рога, насадили на жердь и бороздили по дну. Результат всё тот же.

На третий день к кошкам и вилам присоединили ещё один инструмент – большой магнит.

Целую неделю они плавали в эту заводь как на работу. Терпение у них заканчивалось.

- Всё на этом наверное крест придётся поставить, – с огромным сожалением сказал Валерий и замолчал.

К дому Валентина подошёл сосед старик.

- Чо сынки не пымали, ружьишко-то? – спросил он.

- Нет, дед. Сом наверно проглотил, – невесело пошутил Валентин.

- А граблями не пробовали? – спросил дед.

- Вот только дед граблями и не пробовали, – усмехнулся Валерий.

- А што давай завтра ещё в последний раз и граблями попробуем. У меня там валяются большие старинные, кованные, – предложил Валентин.

В последний день перепробовав опять всё, решили ещё граблями. Который раз они волокли грабли по дну за длинный черен. Вдруг им показалось, что что-то звякнуло. И когда подводили грабли к берегу, не поверили своим глазам. Из воды вначале показался ружейный ремень, а вместе с ним и Валеркино ружьё.

Вечером Валерий с Валентином в окно к деду:

- Выходи дед! Вино будем пить!

- Што, што? – не понял дед.

- Выходи, говорю! Валеркино ружьё обмывать будем!

ТЯЖЁЛЫЙ ДЕНЬ

Герка на мотоцикле спешил на охоту. Он переехал Сурной мост и свернул направо. Сегодня он решил поехать на Кривенское. Время до вечерней зорьки оставалось не очень много. А это озеро тут вот рядом. Он въехал по дороге в лес и тут же остановился.

Впереди были две глубоких колеи от машин и тракторов, вывозивших дрова, заполненных жижей.

- Да, не повезёт, уж не повезёт, - сказал Герка, остановившись и заглушив мотор.

Он слез с мотоцикла и, прислонив его к дереву, стал обследовать дорогу.

- Нет, здесь не пробраться. Если между колеями попробовать? Ну, нет. Как пить дать стащит, – рассуждал Герка вслух.

Потом чуть в стороне он приметил свежую тропинку между деревьев и пошёл по ней. Тропинка была короткой и шла в обход разрушенной дороги. По ней с трудом, но можно было пробраться на его лёгком мотоцикле. И Герка рискнул. А дальше шла нормальная лесная дорога. Вскоре он выехал к озеру в форме подковы, примыкавшему к небольшой поляне. Он остановился около дуба, который своими ветвями тянулся к воде. Герка поставил мотоцикл, собрал и зарядил ружьё. И только после этого внимательно посмотрел вокруг. Он понял, что на озере он один, даже рыбаков не было видно. Расправив болотники, Герка решил немного пройти вдоль озера. Когда шёл, то впереди от противоположного берега, из травы с шумом и криканьем вылетела пара уток. Герка вскинул ружьё, но поняв, что далеко, стрелять не стал. Он ещё походил малость, но больше никого не поднял. Посмотрел на часы, и решил, что пора вставать на поляне и ждать удачи. Возможно, повезёт, и на него налетят утки.

Герка стоял, и в этот день не замечал и не любовался, как обычно, красотой окружавшей его природы. Вдруг налетели утки. Герка выстрелил и промазал, и понял, сегодня везти не будет. Так оно и случилось. Утки налетали, он стрелял и мазал, стрелял и мазал. А всё началось ведь с утра. Ах, эти женщины. Чего-нибудь им да не так. То не так сказал. То не так сделал. То не догадался, чего надо было сделать. В общем, одним словом, бабы. А началось то ни с чего. Видишь ли, ей сегодня на работу надо пораньше. Сына поведёшь ты. А он, Герка-то, на это сосем и не рассчитывал.

Эму тоже ко времени надо. Словно ей накануне сказать было нельзя. Ну и слово за слово. А тут ещё, когда он на обед пришёл. Суп налил, а тот пересолённый. Сколько раз говорил, что солоницу на стол надо ставить. А вот человек не любит когда она на столе. И получилось. Обед не обед. А на работе тоже. Этот инженер театра малых форм из академии ШРМ (школа рабочий молодёжи), узнал, что Герка институт заканчивает – заклевал. К чему-нибудь да придерётся. А сам закон Ома не знает.

Стемнело. Герка собрался в обратный путь. Домой ему ехать не особо хотелось. Он завёл свой «Минск». Тот работал как часы. Герка включил свет, затем скорость и поехал. Свет у мотоцикла был, конечно, очень и очень слабоват. А что возьмёшь, шесть вольт напряжение. От такого освещения лесная картина стала совсем до неузнаваемости другая. У Герки появилась тревожная мысль:

- Найду ли я тропинку?

И надо же он как в воду смотрел. Подъехав к низине с глубокими колеями, пришлось остановиться. Герка стал ругать себя за то, что не оставил ни какой приметы.

- Дурак, вот дурак. Сколько охочусь, а не сообразил. Нет уж видно, день такой, – бормотал он, ища тропинку с включённым фонариком, который вскоре надо же, тоже погас. – Что же это такое теперь?

Асфальтовая дорога была, как говориться вот рукой подать. Герке хорошо было слышно, как по ней двигался транспорт. От этого становилось ещё обидней. Он не знал что делать. Зачем-то взял палку и начал мерять глубину жижи в колеях. Потом приложил палку к мотоциклу и посмотрел.

- Карбюратор не зальёт, – сказал он сам себе и отбросил палку. – Попробую проехать.

Он завёл мотоцикл и наперекор этому неудачливому дню направил его в колею. Он смотрел, как грязь раздвигается под передним колесом, погружаясь в неё. Герка напрягся и вцепился в руль. Ногами он что было сил отталкивался от краёв колеи.

Мотоцикл медленно, но уверенно продвигался вперёд. Выхлопная труба уже непривычно булькала в жиже.

- Ну, давай, давай! – вырвалось у Герки. – Ну, ещё немного, ну ещё!

Мотор вдруг заглох. Свет погас. На Герку словно кто набросил чёрное покрывало, а по голове будто бы кто сильно ударил.

Он с силой хватил кулаком по бензобаку и, выругавшись в отчаянии спрыгнул с сидения мотоцикла.

- Это надо же, метров пять, чай, осталось и опять этот закон подлости. Ну, нет, – сказал Герка сам себе.

Он попытался завести мотор. Но было так неудобно, и из этого ничего не получилось, как бы он ни старался. Тогда он решил толкать мотоцикл. Куда там. Ноги скользили. Герка падал на колени, но всё было напрасно. Выбившись из сил, он выпустил руль из рук и упал на грудь. Упираясь руками в землю, перевернулся на спину и долго так лежал, глотая воздух широко раскрытым ртом. Отдышавшись, он встал и обошёл вокруг, лежащего в колее мотоцикла.

- Ты уж, друг, извини, что сегодня тебе такой непутёвый водитель достался, – сказал Герка, обращаясь к мотоциклу. – Сейчас что-нибудь придумаем.

Можно было, конечно дойти до дороги. Остановить кого-нибудь из знакомых мужиков, и те помогут. При этом они конечно посмеются над Геркой. Скажут, как это тебя, друг, занесло сюда. Чем это ты думал, спросят, ни мягким ли местом, где глаза у тебя были. На затылке, что ли. А Герке так не хотелось всё это слушать сегодня, ну просто никак.

Он взялся за переднее колесо мотоцикла и вытащил его из колеи. Заднее оказалось гораздо тяжелее. Герка, собрав все силы молодого организма, всё же медленно стал вытаскивать и заднюю часть мотоцикла. Он уже стал немного радоваться и думать, что не зря раньше поднимал штанги и гири. И он вытащил заднее колесо, но в это время переднее съехало опять в колею.

- Ничего, сейчас, сейчас, – тростил Герка.

И он вновь взялся за переднее колесо. Но стоило ему сильнее потянуть его, заднее сползло на прежнее место. Так он проделал несколько раз и, выбившись из сил, вновь лёг на землю отдышаться. Вдруг он так громко рассмеялся, что даже сам испугался своего смеха.

- Что это со мной? Не вальты ли пришли? - строго спросил он сам себя. – Но всё равно смешно. Хвост вытащишь, голова увязнет.

Лёжа на спине и смотря в ночное небо, Герка вспомнил, как когда-то он этот мотоцикл поднял двумя руками. Сделал он это тогда в состоянии страшного аффекта. Он даже не помнит всё хорошо. Сколько тогда старшему сыну раз говорил, чтобы не ставил мотоцикл к сараю. А если уж ставишь, так чтобы младший брат его не уронил. Герка только помнит тогда детский крик во дворе. Выглянул в окно, а младший сын под мотоциклом. Он не помнит, как выбежал из дома. Как схватил вот этот «Минск», который сейчас не может вытащить из колеи. И как велосипед отбросил его в сторону. Схватил сына на руки. Прижал к себе. Стал осматривать и увидел кровь. И если бы не подбежавшие соседи, упал бы наверное, в обморок. Потом он сквозь туман услышал, что всё нормально, всё хорошо, что у сына даже царапины нет. А кровь была с его, Геркиных рук. Так он тогда здорово поранил их, когда за что попало, схватил мотоцикл.

- Воспоминания тебе не помогут, мой милый друг. Иди-ка ты на дорогу, – сказал Герка сам себе, вставая с земли.

Он вышел на дорогу и вскоре около него остановился мотоцикл «Урал».

- Лександрыч! Ты откуда? И весь в грязи! – немного удивлённо расспрашивали его знакомые охотники.

- Вы мне это... Мотоцикл «Минск» помогите из колеи вытащить и завести, – смутившись, попросил Герка.

- Иди, Саша, помоги, – сказал сидевший за рулём.

Сашка был молодой, здоровый, не женатый парень. Вдвоём они быстро вызволили Геркин «Минск». Выкатили его на бугорок. Слили из выхлопной трубы жижу и попробовали за вести, но не смогли.

- Саша, давай на дорогу, на асфальт. А там с толчка попробуем, – попросил Герка.

Так они и сделали, к ним ещё присоединились мужики.

- Лександрыч ты давай включай сразу вторую, а мы толкнём. Должен завестись. Это техника зверь, – смеясь, сказали мужики.

«Минск», пару раз чихнув и кашлянув, ожил и заработал.

- Давай не глуши, газуй, а мы сзади поедим, – крикнули Герке вслед охотники.

Герка ехал и думал:

- Вот что значит настоящий нормальный мужик, – это тебе не баба. С мужиками-то и дело можно сделать, и выпить и подраться, когда надо, и будет всё в норме.

ЛИСА

Часть первая.

Герка познакомился с ней случайно и неожиданно. Его жигулёнок, вырвавшись из объятий тёмного ещё дремавшего зимнего леса, покатил по укатанной дороге между двух небольших заснеженных полей. Дорога была ровная и прямая немного под уклон. И поэтому в народе это место называли стрелкой. Было утро. И солнце, казавшееся кончиком красного языка, высунувшись из-за горизонта, коснулось редких облаков на начавшем светлеть небе. Герка посмотрел по сторонам и вдруг невольно сбросил газ. Затем слегка начал притормаживать, а потом и совсем остановил машину. Сашка, сын, сидевший рядом и смотревший на окружающий мир, как на продолжение сна, спросил:

- Пап ты чо? Зачем остановился?

Герка сразу не мог ответить. Он молча смотрел в боковое стекло автомобиля слева от себя. Такой красавицы он ещё не видел, хотя охотился, как говориться с молодых ногтей. Особенно его поразил окрас этой замечательно сложенной, как балерина лисы. Она огнём горела в лучах восходящего солнца.

- Вот это огнёвочка, – подумал про себя Герка.

А лиса совершала на заснеженном поле свой боевой танец. Она мышковала, не обращая никакого внимания на остановившуюся машину. Она передвигалась, мягко и нежно касаясь лапами снега, то вдруг замирала, двигая ушами под только слышимую ей мелодию, то внезапно делала изящный прыжок, застывая на миг в воздухе золотой подковой над нежно голубым снегом. То на какое-то время зарывалась головой в снег.

- Ух ты! – вырвалось у Герке.

- Пап, ну поехали на рыбалку. Чо мы тут стоим? – прервав его наблюдения, сказал Сашка.

- Знаешь что сынок, на рыбалку мы с тобой ещё успеем. Ты посмотри, какая лиса в поле мышкует. Знаешь, что мы с тобой сейчас сделаем? – спросил Герка и включил заднюю скорость.

Они почти до самого леса двигались на машине задом, а потом остановились. Герка повернувшись, молча достал с заднего сидения сложенное в чехол ружьё. Он часто брал его с собой на рыбалку, и если не было клёва, переключался порой на охоту.

- Так, – собирая и заряжая ружьё, сказал Герка сыну. – Я сейчас выйду из машины и лесом обойду лису вон с той стороны. А ты сядешь за руль. Включишь первую скорость и потихонечку поедешь. Остановишься напротив лисы. Выйдешь из машины и пойдёшь прямо на неё в поле. Поедешь ты через десять минут. Смотри вот на эти часы. Понял?

Сашка молчал и не говорил ни слова.

- Нет, ты понял меня? – вновь спросил Герка сына. – Пугнёшь лису на меня.

- Я не буду, – немного помолчав, ответил Сашка.

- Что это ты не будешь? – удивился Герка. – Я тогда тебя с собой ни на охоту, ни на рыбалку больше не возьму. Давай садись за руль и вперёд.

- Я не буду – вновь упрямо ответил Сашка.

Долго Герка уговаривал Сашку, но в ответ постоянно слышал: «Не буду. Не хочу».

Герка стал посматривать на дорогу, ожидая, что кто ни будь поедет, и поможет осуществить ему его коварный план. Но, увы. Тогда он выругался и, включив скорость поехал. Он подъехал на самую обочину дороги, где напротив мышковала лиса. Для ружья это конечно было слишком далековато. Но он просто решил припугнуть красавицу и подсказать ей, чем она рискует, так беспечно мышкуя у дороги. Он опустил стекло в дверке машины. Медленно просунул в него ружьё и не целясь, выстрелил в сторону лисы. Какое-то мгновение её лёгкое, изящное тело, огненной молнией летело по заснеженному полю, оставляя за собой серебряную пыль и строчку следов, а потом скрылось в лесу.

Герка молча бросил ружьё на заднее сидение и поехал дальше. Он иногда посматривал на сына, который тоже молчал.

- А может всё и к лучшему. Мне и самому такую красоту жалко. Только ведь кто-нибудь всё равно её добудет. А вот сынок, если чересчур такой будет добрый, трудно ему в нашей суровой жизни придётся. А впрочем, пусть сам всё решает. Сам себе шишки и мозоли набивает, – размышлял Герка про себя.

Часть вторая.

Прошла зима. Герка ждал открытия весенней охоты. Он любил охотиться весной на вальдшнепа. Добыча конечно не ахти какая. Но дичь вкусная. Как говорил в шутку один Геркин знакомый охотник – царская. А чего только стоит побывать на пробуждающейся от зимнего сна природе. Придётся пораньше до тяги и присосёшься к берёзе, к её телу, как пиявка. И пьёшь, и пьёшь сок, до отвала. А птицы? Что делают птицы. Не один

заслуженный оркестр так не исполняет мелодии. А подснежники, вот кто из цветов первый среди поблеклых тонов зимы, живыми красками рисовать начинает.

Герка обычно оставлял машину на дороге и шёл на высоковольтную линию или на лесные просеки. И в первый же день охоты у него произошла интересная встреча. Когда он вышел на высоковольтную линию, то заметил, что кто-то мелькнул впереди. Он упал на землю и притаился. Ветер дул в его сторону. Прошло некоторое время. Земля ещё не прогрелась и от неё шёл холод, и Герка решил встать, не удовлетворив своего любопытства. Когда он привстал, то чуть ли не вплотную столкнулся с выбежавшей на него из-за пригорка лисой. Он сразу узнал старую знакомую. Хотя это было трудно сделать. Линька и грязь поубавили в ней прежнюю красоту. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом лиса стремительно отпрыгнула в сторону и скрылась в кустах. Герка несколько раз громко хлопнул в ладоши.

- Извини подруга, что вторгся в твои владения, – сказал он вслух.

Попасть в вальдшнепа на тяге дело не простое. Особенно в сумерках, когда начинается основной его лёт. Время летит быстро также как и сам вальдшнеп. Прозевал, поторопился и промазал. Но в хорошую тягу вдоволь постреляешь и собьёшь оскомину аж до осенней охоты на уток. А если убьёшь вальдшнепа, это ещё не всё, сколько трудов надо чтобы найти беднягу, а уж подранка найти совсем немислимо.

Герка вставая на просеке или вырубке, говорил себе, что будет стрелять только наверняка, но где уж там. Охотничий азарт всегда брал верх. Вот и сегодня он выстрелил в вальдшнепа и был уверен, что попал. Тот упал недалеко в кусты. Герка пошёл и начал искать, светя фонариком, но не мог найти. Он вновь вернулся на прежнее место, откуда стрелял. Когда шёл, то ему показалось, что что-то мелькнуло там в кустах. Но он как-то сразу не поверил в это. Когда он вновь сбил или подранил вальдшнепа, всё повторилось. Короче в этот день он шёл к машине без добычи.

Иногда он включал фонарик, проверяя, правильно ли он идёт. То вновь увидел, как кто-то мелькнул среди деревьев. Герке показалось, что это собака. И он подумал, может охотничья прибежала из деревни, услышав выстрелы в лесу. Такое порой бывает.

На следующий день Герка снова поехал на охоту. Попил берёзового сока и встал на вырубке ждать тяги. И когда он выстрелил и был уверен, что сбил вальдшнепа, он бегом кинулся к месту, где тот упал. Нет, он был не удивлён, а поражён увидев за кустами знакомую красавицу. И тут он всё понял. Он сбивает, а эта подружка подбирает и убитых и подранков. На этот раз, ей не повезло, Герка прибежал первым. И все дни, в которые Герка приезжал на охоту, его знакомая, слышав первые выстрелы, спешила к месту охоты, и если ей удавалось, находила здесь себе добычу.

- Так она не только красивая, но и умная, – подумал, как-то Герка.

Часть третья.

Шёл август. Открыли охоту на уток. И как-то Герка решил поехать на охоту туда, где они с сыном зимой, да и летом тоже любили ловить рыбу. Озеро было большое. Некоторые его заводи заросли камышом, а это любимое место для уток. Герка там заметил несколько выводков. Собаки у него не было. И он охотился или с подхода, или с резиновой лодки, которую возил с собой в машине. Если с подхода не удавалось добыть уток, Герка накачивал лодку, заплывал и ставил её в камыши. Здесь он встречал вечернюю зорьку, и подкарауливал уток, идущих на присад.

Несколько раз он ездил на это озеро, не замечая ничего особенного. Но вот однажды. Притаившись на воде в камышах на лодке, он вдруг в сумерках увидел сидящую на берегу лису. Он вначале даже не поверил, но это на самом деле было так.

- Неужели старая подруга? – подумал он. – Но это же километра три или четыре отсюда, где видел я её последний раз на весенней охоте.

Когда он рассказал о лисе друзьям-охотникам кто-то тоже сказал, что видел лису у озера в тех же местах, которая появлялась, после выстрела по уткам.

Теперь Герка ездил на это озеро на охоту, но больше уж из любопытства.

До самой глубокой осени он встречал там свою старую знакомую, вплоть до того момента когда шла утка-перелётка. Только лиса старалась не особо показываться на глаза. И Герка понял, что кто-то видимо её пугнул сильно. А появлялась она, то как-то неожиданно и в самых непредсказуемых местах, когда Герка начинал движение на машине. То выходила откуда-то из под крутого берега, то выглядывала из-за лежавшего рядом с дорогой ствола дерева и провожала машину охотника своим взглядом. И делала так, чтобы не попасться под выстрел какого-нибудь глупца-охотника, понял Герка. И Герка ради интереса, решил поиграть с ней, как говорят в кошки-мышки. Но всегда плутовка, выходила победителем из игры, придумывая всегда новые трюки, чтобы обмануть Герку. После того как ударили первые морозы она куда-то исчезла. И тогда Герка подумал:

- Видно доигралась красавица.

Часть четвёртая.

К зимней охоте Герка завёл гончую. Как завёл? Подарили ему. Правда, за подарком, пришлось ехать в не ближнее село. Но уж больно нахвалили. Родословной у неё не было. Но родители отменно работали как по зайцу, так и по лисе. Кличку гончару Герка дал короткую и звучную – Бой. И этого вислоухого мальчика полюбили все домочадцы. Как почти все русские, эта русская гончая с английским именем, была очень добродушным созданием. На удивление всем он беззлобно относился к кошкам, и особенно к

своему хозяйскому коту Барсику. Герка ещё молодым начал натаскивать Боя по чернотропу и даже добыл с ним одного зайчишку. Герка с нетерпением ждал первого снега. Но как всегда бывает, когда чего-то очень хочешь, никогда быстро не сбывается. Мороз сковал землю, а снега всё не было. Но вот мороз ослаб и выпал небольшой снежок. И Герка тут же поспешил на охоту. Пошёл он туда в лес, на гору. Прошёлся по местечку с названием Лопатина. Но следов нигде не было. Зверь как обычно боится первого снега и следа не даёт. Герка вышел на высоковольтную линию и пошёл теми местами, где обычно охотился весной на вальдшнепа. Бой рыскал по кустам, куда-то убегал и вновь возвращался к Герке, внимательно смотрел на хозяина и как бы спрашивал:

- Ну что мне делать-то? Нет никого.

- Давай, давай! Ищи Бой! Ищи! – подбадривал Герка собаку.

Молодой снежок местами похрустывал у Герке под ногами. И он не сразу услышал лай собаки. А когда услышал, то понял, что она кого-то подняла. Он стал прислушиваться, чтобы определить по голосу, куда она погнала зверя, и быстро соображал, где надо встать. Вначале лай удалялся. Потом стал вдруг приближаться и уходить чуть влево от него.

- Нет, на зайца это непохоже, – прикидывал Герка, бегом перемещаясь по просеке влево. Потом он побежал по дороге к вырубке с молодыми кустами. Вдруг за кустами что-то замелькало. Герка привычным движением вскинул двустволку и нажал на курки. Прозвучал вначале один, а потом второй выстрел. В Геркиной голове промелькнуло:

- Видно промазал. Кусты помешали.

И он направился к тому месту куда стрелял. За кустами на снегу он увидел гонный лисий след. Он немного прошёл по следу, стараясь определить, зацепил он зверя или нет. Крови на снегу он не увидел. В это время на след с лаем выскочил Бой. Он на время замолчал и посмотрел на хозяина как бы говоря:

- Это что же ты? Я тут старался, старался, а ты промазал.

И не останавливаясь, побежал дальше по следу и вновь залаял. Герка перезарядив ружьё, опять стал слушать гонный лай, при этом подумал:

- Наверяд-ли я её теперь перехвачу.

А лай то удалялся и почти пропадал, замирая где-то в дали, то приближался, но не очень. Герка метался из стороны в сторону, стараясь подстроиться к гону, но напрасно. Набегавшись, он устал и присел отдохнуть на торчавший пенёк, не переставая вслушиваться в звуки леса. Через некоторое время он сделал вывод, что Бой лает на одном и том же месте. Герка встал и быстрым шагом направился на голос собаки. Нашёл он её на опушке леса, на Лопатине. Бой, увидев хозяина, замолчал и подбежал к нему. Крутнувшись около хозяина, он снова убежал к тому месту, откуда прибежал и опять залаял. Герка заметил, что морда у собаки, выпачкана кровью.

- Неужели догнал и задушил, – подумал Герка. – А как он мог догнать лису? Наверно я её всё-таки зацепил, когда стрелял.

Подойдя Герка увидел, лежавшую на снегу лису, он сразу узнал свою старую знакомую. Он не хотел верить в это, но это было так. Радости от добытого зверя у него не было. Даже наоборот.

- Лучше уж кто-нибудь другой тебя добыл бы, – сказал Герка вслух.

Зато было видно, как радовался своей первой добытой лисой Бой. Он заливался громким лаем, припадая на передние лапы.

- Чему радуешься? Просто это дело случая. А так ты её в жизни бы не взял, – сказал Герка, укладывая добычу в рюкзак.

Дома Герка никому не сказал о своём трофее. Тайком от всех он снял шкуру и отдал её выделывать. А потом сшил жене шапку. И когда смотрел на неё, невольно вспоминал эту историю.

ЗАБЛУДИЛИСЬ

На охоту Ивана я стал брать рано. Наверно лет с трёх. Сажал в машину жигулёнок и ехали мы с ним за Суру на озёра, на вечернюю зорьку за утками. Я брал большой самодельный рюкзак, сажал в него сына и нёс его до того места, где мы окончательно располагались. Обычно мы выбирали не большую удобную поляну рядом с озером или болотом.

Порой приходилось переходить неглубокие болотца и истоки. Иван терпел неудобства, сидя у меня за спиной в рюкзаке. Освободившись от рюкзака, он начинал нарезать круги по поляне. Порой даже приходилось его приструнивать. Мне его беготня напоминало взбрыкивание молодого телёнка или жеребёнка, неожиданно оказавшегося на воле.

- Вот она вольная природа что делает, – думал я про себя. – Как она свою энергию передаёт людям. Как заряжает.

Мы часто оставались до сумерек. Нам начинали слышаться отдалённые выстрелы. Где-то, по-видимому, утка шла на прилёт. Иван, услышав стрельбу говорил:

- Папа, там бах- бах.

- Да, – отвечал я. – Где-то дяди стреляют. Утки наверно прилетели.

- А к нам што не летят? – спрашивал Иван.

- Надо ждать. Может и к нам, прилетят, – отвечал я ему.

И вот однажды мы так же очень долго ждали, но уток не было. Только когда почти стемнело, пролетела одна. Я второпях вскинул ружьё и дважды выстрелил. И разумеется, промазал. Иван внимательно смотрел на меня и молчал. Я конечно, не мог видеть выражения его лица и глаз, но мне показалось что он спросил:

- Так ты что же, папа?

Немного ещё постояв, мы уехали домой. Дома, сидя за столом, Иван начал рассказывать матери про охоту и в конце я слышал.

- Там дяди где-то из ружья бах-бах. А к нам утка прилетела папа бах-бах и мимо.

- Иван, – сказал я сыну. – Ты зачем меня выдаёшь?

- Ну и хорошо, – сказала мать. – Уточка улетела и хорошо. Пусть летает. Пусть живёт. И зачем ты только ребёнка мучаешь, с собой таскаешь?

- Пускай привыкает. Охота ещё никого не испортила. Охотники бывают хорошие или очень хорошие люди. Ему мужиком надо расти. Ему же в армию идти надо будет.

Вскоре мы стали ездить на охоту втроём. У нас появился хороший помощник собака лайка. Назвали мы её, Блек. В то время с Америкой у нас вроде как дружба началась. В чём я конечно сомневался. Вот мы и решили это дело таким образом отметить. Ивану на охоте стало ещё интересней. Можно было за кем-то теперь побегать и с кем побороться. Запомнился мне такой случай. Когда стояли мы на поляне, а над нами пролетела небольшая стая уток. Я тогда выстрелил дуплетом и выбил двух. Они упали в конце поляны в кусты мелколесья. Иван с Блеком ринулись наперегонки за ними и вскоре скрылись в кустах. Потом оттуда послышался собачий лай и звонкий голос Ивана:

- Отдай! Отдай, тебе говорю! Не трогай!

Всё это продолжалось, пока я спешил по поляне к ним. А когда я подбежал, то увидел улыбающегося Ивана выходящего из кустов. В руках он высоко держал двух уток а вокруг него с лаем припадая на передние ноги кружился Блек. Он был явно недоволен, что у него отобрали добычу, которую он должен был принести хозяину.

- Уди, уди, – кричал на него Иван.

Я сразу понял в чём дело, и сказал сыну:

- Ваня послушай! Отдай ему одну утку, пусть несёт. У него ведь на охоте работа такая. Уток сбитых находить и охотнику приносить. Вот он и ругается, что ты уток у него отобрал.

После этого Иван бросил на траву одну утку. Блек подбежал и проворно подобрал её и мы втроём зашагали по поляне к тому месту, где оставили свой рюкзак. Иван шёл, поглядывая на свою утку, которую держал в руке. Иногда он поглядывал и на утку, что нёс в зубах Блек. Он шёл рядом с ним. А я смотрел на них и выделил что они оба очень довольны. Доволен был и я, этой дружбой, которая проявлялась в нашем общем деле, в охоте.

Иван рос, и мы стали с ним ходить по первому снегу на зайцев. Шли обычно по дороге на Полянки, потом лесом спускались на Лопатину. Затем шли немного вдоль Долгой речки и сворачивали к лесу. Там мы обязательно делали привал. Я снимал рюкзак и доставал котелок. Разводили небольшой костёр и готовили суп с колбасой или тушёнкой. Если дома Ивана порой трудно было загнать за стол обедать, то здесь уговаривать его не приходилось. Здесь он обычно просил добавки. Вот тебе и зачем ребёнка мучаешь, и чему учишь, глядя на сына вспомнил я слова жены. Попив чая, мы немного ещё отдыхали и смотрели вокруг. Я чувствовал, как мы оба впитываем в себя краски нашей родной природы, крупинкой которой мы были сами. Природы, которая как мне казалось, тихо и нежно говорила нам лёгким движением ветра бродившего среди деревьев на бугорке, чтобы мы, были лучше, добрее, нежнее и красивее. Я чувствовал, как она хочет сделать нас совершеннее, то есть такими как она сама, эта божественная неподражаемая природа.

Отдохнув и погревшись у костра, мы отправлялись домой. Дома я насторожённо ждал, когда мне скажет жена:

- Ну что мужички, нагулялись? Наотдыхались? А я тут по дому вкалывать должна. А я когда буду отдыхать?

То что мы возвращались без добычи нас это почему-то нисколько не волновало. Я верил, что когда-нибудь нам обязательно повезёт. И вот такой момент однажды наступил. Мы с Иваном тропили зайца там же за Лопатиной на буграх между лесом и Долгой речкой. Он выскочил неожиданно, и я успел выстрелить

только один раз, и заяц убежал. Мы вышли на след, и пошли по нему. Иван до этого молчавший, сказал:

- Вот папочка, если бы у меня ружьё было, я бы не промазал. Давай я ружьё понесу.

- Маловат ты ещё с ружьём ходить. Тяжеловато оно для тебя. А ты откуда взял, что я промазал? Вот пройдем по следу и тогда увидим, – ответил я Ивану.

Мы шли по следу. И я всё думал: «Неужели не зацепил? Тогда ещё бы раз его надо поднять, а то перед сыном как-то неловко». Я первым взобрался на бугор и увидел среди засохшей травы неподвижно лежащего зайца. Довольный я остановился, пождая сына.

- Ну-ка давай карабкайся быстрее. Да посмотри, – крикнул я.

- Чево смотреть-то? – выйдя на бугор и встав рядом со мной, спросил Иван.

- А вон видишь? Русачок какой лежит! А ты говорил промазал, – сказал я, показывая рукой.

И вдруг я заметил, что сын этому был не особенно рад. Мы решили сделать привал, и первым делом повесили убитого зайца на кусты. Иван долго и внимательно рассматривал нашу добычу, потом сказал:

- Знаешь пап, а мне его что-то жалко. Уток нет, а вот зайца почему-то жалко.

Я посмотрел внимательно на сына. Мне и самому немного было жаль убитого зайчишку, хотя я и давно уже охотился. Маловато их остаётся в наших краях. Не умеем мы хозяйствовать в природе. Всё ведь делать надо в меру и с умом. Какую-то необходимую численность строго поддерживать. Так сказать природный баланс соблюдать надо строго. Ну и закатил я Ивану такую лекцию на привале. Уж понял он меня или нет, точно сказать не могу. А в конце я сказал ему:

- Только ты не хвались никогда после охоты. Не распаляй в других зависть и страсть нехорошую. А то народ-то какой сейчас пошёл, ну убил он одного зайца, ему уже двух надо, убил двух, ему

десять надо. Так и с рыбалкой, поймал ведро рыбы ему два надо, потом мешок, потом десять. Народ в общем какой-то не разумный пошёл. Раньше такого не было. Надо ему на пропитание возьмёт у природы и на будущее себе и детям оставит. Сейчас этого нет. Погубит человечество жадность, если люди вовремя не образумятся.

После охоты Иван оставил себе на память пушистый и мягкий хвостик от зайца и часто с ним играл. Он даже иногда носил его с собой. И вот однажды он решил показать его Блеку и подразнить его. Блек, учуял дичь и, вставая на задние лапы, раскрывал пасть, и старался выхватить заячий хвост из руки Ивана. Тот ловко уворачивался и громко смеялся, дразня собаку. Но вот проворнее оказался Блек. Он выхватил заячий хвост из руки Ивана и тут же проглотил его. Иван набросился на Блека, но тот ловко увильнул и отскочил в сторону. Он озорно и весело смотрел на Ивана, виляя хвостом, ожидая продолжения игры. Иван настолько был обижен коварством своего четырёхлапого друга, что на глазах у него невольно навернулись слёзы. Увидев это, я поспешил успокоить сына, сказав:

- Ну ты же сам виноват. Он ведь тоже охотник. А зайца мы с тобой ещё добудем, а может ты и сам. Я вот тебе дедушкино ружьё подарю, а себе новое куплю.

Это известие обрадовало Ивана.

- Нет, ты правда мне дедушкино ружьё подаришь? – переспрашивал он меня, забыв о недавнем огорчении.

- Ну конечно, правда, – отвечал я. – Расти быстрее.

Снегу вскоре выпало чуть больше. Ходить на охоту стало немного труднее. Дни становились, совсем короткими, а ночи очень длинными. В выходной мы вновь отправились на охоту. Блека мы опять не взяли. Он мог нам помешать тропить зайцев. Мы шли уже известным нам маршрутом. Я стал отмечать про себя, что очень много попадалось лисьего следа. А заячьих следов, совсем не было. Мы долго кружили по знакомым местам. В этот раз приходилось чаще останавливаться на отдых. След зайца нам

всё же попался, но как я понял, он был гонимый. Рядом с ним шёл след лисы.

- Да Иван! Патрикеевна нас опередила, – сказал я сыну.

- Какая Патрикеевна? – не поняв, переспросил он.

- Лиса, – пояснил я. – За зайчиком здесь охотилась. Видишь следы. Хвостик нам сегодня не добыть. Пошли-ка лучше на привал, а там домой.

Привал наш в этот день затянулся. Дрова никак не хотели гореть. Они сердито шипели, и на них порой выступала вода. Дым от костра как нарочно лез в лицо и щипал глаза. Мы съели приготовленный суп. Затем отвинтили крышку термоса и увидели что там вместо чая – какао. Попробовав я понял, что оно очень сладкое. Это мама для нас так постаралась. С одной стороны это хорошо, а с другой им ведь не напёшься.

- Давай-ка друг, – сказал я сыну. – Будем пить понемногу.

И это в дальнейшем оказалось хорошим делом. Мы вскоре собрались и отправились в обратный путь. Погода испортилась. Небо потемнело, и пошёл снег. Идти становилось труднее. Я обернулся и посмотрел на сына, который шёл по моему следу. В голове мелькнула не очень приятная мысль: «Дойдёт ли мой юный друг? И что я буду тогда делать, когда он устанет?»

Я стал прикидывать, как нам лучше идти. Время уже было много. Я свернул в лес, влево. Я знал, там есть просека, которая выведет нас на высоковольтную линию, а там недалеко до дома. Снег вскоре закончился. Чему мы были рады. Но радовались мы не долго. Вскоре стало быстро темнеть. Я стал немного поругивать себя за то, что свернул в лес. Всё же наверное надо было идти вдоль опушки леса. Фонарика у нас не было, да и он мало чем мог нам помочь. Мы часто останавливались отдохнуть. Наливали какао, клали в него немного снега. Пили и разговаривали. Камнем меня давила мысль: «Не испугается ли у меня Иван? Не расплатится? Что мне тогда делать?»

- Пап, а мама наверно дома сейчас ругается. Говорит, куда это мы пропали. Эх и влетит нам с тобой от неё, – серьёзно сказал Иван.

- Давай пошли дальше. Мама. Представь что мы с тобой партизаны. Командир дал задание пробраться в населённый пункт и выполнить секретное поручение, – отвлекал я сына разговорами от грустных мыслей.

Когда мы вышли на вырубку, по которой шла высоковольтная линия, я понял, что сильно ошибся. Мы взяли намного левее и оказались ближе к селу Полянки, чем к родному посёлку. Теперь нужно было повернуть вправо и идти по вырубке вдоль высоковольтной линии или же идти прямо лесом к дороге. Там можно было остановить машину. Первое время я немного растерялся и не мог сообразить, как лучше поступить. Потом я всё же решил идти по линии.

- Так слушай мою команду, – сказал я Ивану, а про себя подумал: «Плохой я сегодня командир что-то».

- Приказываю идти вон до того бетонного столба. Остановиться и провести разведку. Шагом марш, – как можно более бодрым голосом сказал я.

Когда мы прошли половину пути до опоры я почувствовал, что Иван начал уставать.

- Отдыхай, – дал я команду.

Мы остановились. Я вновь налил наш напиток. Иван сделал два глотка и протянул мне. Я сказал, что не хочу. Что у меня от сладкого скоро рот уже склеиваться начнёт. Конечно, я хитрил, но какао было больше нужно сыну, а его оставалось в термосе не так уж много. Я выдумывал всё, что только мог, что-бы отвлечь и приободрить сына. Так мы шли от одной опоры к другой, останавливались и отдыхали. Иван пил очередную порцию какао, которое у нас быстро заканчивалось. Мне казалось, что эта вырубка с высоковольтными столбами никогда не закончится. Но вот, наконец мы свернули в лес и пошли извилистой дорогой,

которая стала подниматься вверх. Оставалось совсем немного. Но это был самый трудный момент на нашем пути.

- Пап я больше не могу, – услышал я от сына.

- Сынок давай, ещё немного. Вот этот подъём. А там под горку и мы дома, – уже не просил, а умолял я Ивана.

- Пап у меня ноги больше не идут, – говорил мне сын, садясь на снег.

- Нет, – начал кричать я на него. – Садиться нельзя. На вот пей, – и я вылил ему остатки спасительного нашего напитка.

Пока он пил я ножом срезал палку. Уложив термос в рюкзак, я сунул один конец палки ему в руки. За другой я взялся одной рукой сам и сказал:

- Давай я тебя на буксир возьму. Только держись крепче.

Когда мы выбрались на твёрдую наезженную дорогу, я отдышавшись осмелился посмотреть на часы. Время приближалось к полуночи. Там внизу за редкими деревьями просматривались огоньки родного посёлка, где был наш дом.

- Вот Иван и в жизни надо так. Как бы не было трудно надо идти. Как бы не устал всё равно надо идти. Идти не можешь – ползи. Короче двигайся. Если двигаешься – значит, живёшь! – сказал я сыну и взял его за руку.

И на радостях сразу откуда-то взялись силы и мы под гору, держась за руки, поспешили домой.

ТЯЖЁЛЫЙ ДЕНЬ

Герка на мотоцикле спешил на охоту. Он переехал Сурной мост и свернул направо. Сегодня он решил поехать на Кривенское. Время до вечерней зорьки оставалось не очень много. А это озеро тут вот рядом. Он въехал по дороге в лес и тут же остановился. Впереди были две глубоких колеи от машин и тракторов, вывозивших дрова, заполненных жижей.

- Да, не повезёт, уж не повезёт, - сказал Герка, остановившись и заглушив мотор.

Он слез с мотоцикла и, прислонив его к дереву, стал обследовать дорогу.

- Нет, здесь не пробраться. Если между колеями попробовать? Ну, нет. Как пить дать стащит, – рассуждал Герка вслух.

Потом чуть в стороне он приметил свежую тропинку между деревьев и пошёл по ней. Тропинка была короткой и шла в обход разрушенной дороги. По ней с трудом, но можно было пробраться на его лёгком мотоцикле. И Герка рискнул. А дальше шла нормальная лесная дорога. Вскоре он выехал к озеру в форме подковы, примыкавшему к небольшой поляне. Он остановился около дуба, который своими ветвями тянулся к воде. Герка поставил мотоцикл, собрал и зарядил ружьё. И только после этого внимательно посмотрел вокруг. Он понял, что на озере он один, даже рыбаков не было видно. Расправив болотники, Герка решил немного пройти вдоль озера. Когда шёл, то впереди от противоположного берега, из травы с шумом и криканьем вылетела пара уток. Герка вскинул ружьё, но поняв, что далеко, стрелять не стал. Он ещё походил малость, но больше никого не поднял. Посмотрел на часы, и решил, что пора вставать на поляне и ждать удачи. Возможно, повезёт, и на него налетят утки.

Герка стоял, и в этот день не замечал и не любовался, как обычно, красотой окружавшей его природы. Вдруг налетели утки. Герка выстрелил и промазал, и понял, сегодня везти не будет. Так оно и случилось. Утки налетали, он стрелял и мазал, стрелял и мазал. А всё началось ведь с утра. Ах, эти женщины. Чего-нибудь им да не так. То не так сказал. То не так сделал. То не догадался, чего надо было сделать. В общем, одним словом, бабы. А началось то ни с чего. Видишь ли, ей сегодня на работу надо пораньше. Сына поведёшь ты. А он, Герка-то, на это сосем и не рассчитывал. Эму тоже ко времени надо. Словно ей накануне сказать было нельзя. Ну и слово за слово. А тут ещё, когда он на обед пришёл.

Суп налил, а тот пересолённый. Сколько раз говорил, что солоницу на стол надо ставить. А вот человек не любит когда она на столе. И получилось. Обед не обед. А на работе тоже. Этот инженер театра малых форм из академии ШРМ (школа рабочий молодёжи), узнал, что Герка институт заканчивает – заклевал. К чему-нибудь да придерётся. А сам закон Ома не знает.

Стемнело. Герка собрался в обратный путь. Домой ему ехать не особо хотелось. Он завёл свой «Минск». Тот работал как часы. Герка включил свет, затем скорость и поехал. Свет у мотоцикла был, конечно, очень и очень слабый. А что возьмёшь, шесть вольт напряжение. От такого освещения лесная картина стала совсем до неузнаваемости другая. У Герки появилась тревожная мысль:

- Найду ли я тропинку?

И надо же он как в воду смотрел. Подъехав к низине с глубокими колеями, пришлось остановиться. Герка стал ругать себя за то, что не оставил ни какой приметы.

- Дурак, вот дурак. Сколько охочусь, а не сообразил. Нет уж видно, день такой, – бормотал он, ища тропинку с включённым фонариком, который вскоре надо же, тоже погас. – Что же это такое теперь?

Асфальтовая дорога была, как говориться вот рукой подать. Герке хорошо было слышно, как по ней двигался транспорт. От этого становилось ещё обидней. Он не знал что делать. Зачем-то взял палку и начал мерять глубину жижи в колеях. Потом приложил палку к мотоциклу и посмотрел.

- Карбюратор не заливает, – сказал он сам себе и отбросил палку. – Попробую проехать.

Он завёл мотоцикл и наперекор этому неудачливому дню направил его в колею. Он смотрел, как грязь раздвигается под передним колесом, погружаясь в неё. Герка напрягся и вцепился в руль. Ногами он что было сил отталкивался от краёв колеи. Мотоцикл медленно, но уверенно продвигался вперёд. Выхлопная труба уже непривычно булькала в жиже.

- Ну, давай, давай! – вырвалось у Герки. – Ну, ещё немного, ну ещё!

Мотор вдруг заглох. Свет погас. На Герку словно кто набросил чёрное покрывало, а по голове будто бы кто сильно ударил.

Он с силой хватил кулаком по бензобаку и, выругавшись в отчаянии спрыгнул с сидения мотоцикла.

- Это надо же, метров пять, чай, осталось и опять этот закон подлости. Ну, нет, – сказал Герка сам себе.

Он попытался завести мотор. Но было так неудобно, и из этого ничего не получилось, как бы он ни старался. Тогда он решил толкать мотоцикл. Куда там. Ноги скользили. Герка падал на колени, но всё было напрасно. Выбившись из сил, он выпустил руль из рук и упал на грудь. Упираясь руками в землю, перевернулся на спину и долго так лежал, глотая воздух широко раскрытым ртом. Отдышавшись, он встал и обошёл вокруг, лежащего в колее мотоцикла.

- Ты уж, друг, извини, что сегодня тебе такой непутёвый водитель достался, – сказал Герка, обращаясь к мотоциклу. – Сейчас что-нибудь придумаем.

Можно было, конечно дойти до дороги. Остановить кого-нибудь из знакомых мужиков, и те помогут. При этом они конечно посмеются над Геркой. Скажут, как это тебя, друг, занесло сюда. Чем это ты думал, спросят, ни мягким ли местом, где глаза у тебя были. На затылке, что ли. А Герке так не хотелось всё это слушать сегодня, ну просто никак.

Он взялся за переднее колесо мотоцикла и вытащил его из колеи. Заднее оказалось гораздо тяжелее. Герка, собрав все силы молодого организма, всё же медленно стал вытаскивать и заднюю часть мотоцикла. Он уже стал немного радоваться и думать, что не зря раньше поднимал штанги и гири. И он вытащил заднее колесо, но в это время переднее съехало опять в колею.

- Ничего, сейчас, сейчас, – тростил Герка.

И он вновь взялся за переднее колесо. Но стоило ему сильнее потянуть его, заднее сползло на прежнее место. Так он проделал несколько раз и, выбившись из сил, вновь лёг на землю отдышаться. Вдруг он так громко рассмеялся, что даже сам испугался своего смеха.

- Что это со мной? Не вальты ли пришли? - строго спросил он сам себя. – Но всё равно смешно. Хвост вытащишь, голова увязнет.

Лёжа на спине и смотря в ночное небо, Герка вспомнил, как когда-то он этот мотоцикл поднял двумя руками. Сделал он это тогда в состоянии страшного аффекта. Он даже не помнит всё хорошо. Сколько тогда старшему сыну раз говорил, чтобы не ставил мотоцикл к сараю. А если уж ставишь, так чтобы младший брат его не уронил. Герка только помнит тогда детский крик во дворе. Выглянул в окно, а младший сын под мотоциклом. Он не помнит, как выбежал из дома. Как схватил вот этот «Минск», который сейчас не может вытащить из колеи. И как велосипед отбросил его в сторону. Схватил сына на руки. Прижал к себе. Стал осматривать и увидел кровь. И если бы не подбежавшие соседи, упал бы наверное, в обморок. Потом он сквозь туман услышал, что всё нормально, всё хорошо, что у сына даже царапины нет. А кровь была с его, Геркиных рук. Так он тогда здорово поранил их, когда за что попало, схватил мотоцикл.

- Воспоминания тебе не помогут, мой милый друг. Иди-ка ты на дорогу, – сказал Герка сам себе, вставая с земли.

Он вышел на дорогу и вскоре около него остановился мотоцикл «Урал».

- Лександрыч! Ты откуда? И весь в грязи! – немного удивлённо расспрашивали его знакомые охотники.

- Вы мне это... Мотоцикл «Минск» помогите из колеи вытащить и завести, – смутившись, попросил Герка.

- Иди, Саша, помоги, – сказал сидевший за рулём.

Сашка был молодой, здоровый, не женатый парень. Вдвоём они быстро вызволили Геркин «Минск». Выкатили его на бугорок.

Слили из выхлопной трубы жижу и попробовали за вести, но не смогли.

- Саша, давай на дорогу, на асфальт. А там с толчка попробуем, – попросил Герка.

Так они и сделали, к ним ещё присоединились мужики.

- Лександрыч ты давай включай сразу вторую, а мы толкнём. Должен завестись. Это техника зверь, – смеясь, сказали мужики.

«Минск», пару раз чихнув и кашлянув, ожил и заработал.

- Давай не глуши, газуй, а мы сзади поедим, – крикнули Герке вслед охотники.

Герка ехал и думал:

- Вот что значит настоящий нормальный мужик, – это тебе не баба. С мужиками-то и дело можно сделать, и выпить и подраться, когда надо, и будет всё в норме.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

С вечера лёгкая пороша припудрила скованную ноябрьским морозом землю. Снег уже два дня понемногу сеял из волшебного сита облаков затейливое серебро снежинок. В лесу медленно угасал рыжий огонь осенней золотой листвы, укрываясь и кутаясь в белоснежную шаль. Наступивший новый день хмурился и готовился выпустить на свет божий новый рой белых мух из низко плывущих туч.

Николай уже не первый день радовался. Он часто выходил во двор. Смотрел на небо и на снег, лежавший под ногами. Как он его ждал! Но он хорошо знал, что в первые два-три дня зверь по первому снегу следа не даёт. Николай можно сказать знатный охотник, да и его отец был ещё охотник тот.

Его охотничий жар передавался и Эльбе, пегой гончей, которая завидев хозяина, начинала радостно лаять и плясать, и крутилась волчком. Она не меньше Николая соскучилась по охоте

за долгое лето. Ей невольно начинал подражать подрастающий щенок. Охотничью кровь-то куда ведь не денешь.

И вот на третий день они к общей радости в лесу. Эльба, повизгивая, глубоко вдыхала такой близкий и родной воздух Засурья. Она совала нос в снег и весело фыркала. Со стороны казалось, что она проверяла его на вкус и быстро исчезала в кустах за деревьями, долго пропадала, и внезапно появлялась, виновато глядя на хозяина. Казалось, она хотела извиниться за то, что не может никого найти. Николай всё дальше и дальше углублялся в лес. Он обошёл все так с детства знакомые места, но так и не увидел ни одного заячьего и лисьего следа и не услышал гончего лая своей любимицы.

КОСТЁР

- Ты спрашиваешь, что я слышал про озеро Гусинки? Есть у нас такое. Почему так называется? А кто его знает. Наверное, когда-то гуси там водились, – сказал Герка и подкинул в костёр несколько сухих веток.

Сидя и греясь у костра, они рассказывали друг другу разные истории. Порой кто-то из них отводил взгляд от огня и молча любовался звёздным небом. Иногда на фоне звуков потрескивающего костра они прислушивались к ночной мелодии леса и протекающей рядом реки, старались распознать что-то знакомое. Наслаждались бодрящим и свежим запахом, исходящим от кострища. Пламя завораживало, а огонь гипнотизировал и наводил каждого из них на свои мысли, предавая им какое-то особое не повторимое настроение. Мельком, как бы между очень важным делом, они наблюдали за висевшим над костром котелком. Иногда в стороне из темноты леса вылетала и тут же растворялась в ней летучая мышь.

В душе они были благодарны этому мгновению, которое подарило им возможность общения с природой русского леса, с

этим обворожительным очарованием, с этой неповторимой и несравнимой ни с чем прелестью бытия.

Порой мы чувствуем такую же притягательную силу русской природы, читая стихи поэтов или рассматривая живописные картины художников.

И надо же, удивительно, вид костра и всё вокруг него, всегда неповторимо и никогда нисколько и никому не надоедает.

И как сказочно, окружающие костёр деревья, кусты и трава поменяли свой зелёный цвет. На них легли, ожили и заплясали оранжевые блики. Иногда Герка лёгким движением палки касался горящих веток костра и тогда в небо устремлялись яркие искры, исчезая в вышине и казалось, превращались в звёзды. Порой хотелось лечь на спину смотреть на лёгкий полёт дыма, потом вдруг заметить, что он остановился, и появилось ощущение твоего движения. Полёта сквозь космический туман, туда в неведомую даль. Лёгкое движение воздуха, останавливало полёт. Ты неожиданно начинаешь ощущать вкус костра. А вернее привкус дыма, который зависит от породы древесины сгорающей в нём. На какое-то время вкус его становится горьковатым и он теснит дыхание и щиплет глаза, но всё быстро проходит. И ты вновь безотрывно смотришь на огонь.

И как же всё-таки хороша летняя ночь в лесу у костра.

- А «Лебяжье» озеро есть? И «Лебяжье» было. Всё было, но мало что остаётся, – с грустью ответил Герка.

РАССКАЗЫ

*К охоте провёл я подготовку.
Ружьё начищено стоит.
Пиши-ка, егерь, мне путёвку,
Душа охотника горит.*

ВЗЯТЬ!

Герка приехал с охоты. Придерживая собаку на поводке, отворил калитку и вошёл во двор старого двухэтажного деревянного дома. Поправляя ружьё на плече, он направился за гараж, чтобы определить собаку на место. На крыльце соседней квартиры он заметил Вовку. Тот сидел на ступенях и, наслаждаясь, курил сигарету. На смуглом его лице через прищур плутовато смотрели на Герку карие глаза. Вовка загадочно и даже немного таинственно, с хитрецей чему-то улыбался, при этом немного обнажая красивые ровные белые зубы. И, как показалось Герке, в душе радовался. Ароматный дымок сигареты, которую Вовка особым способом держал в руке, долетел до Герки и приятно щекотнул ему ноздри. Рядом с Вовкой лежали инструменты: топор, пила и молоток. Было сразу видно, что он сделал какое-то важное дело и теперь достойно отдыхал. Неожиданно Герка заметил около Вовкиного сарайчика новую собачью конуру, которая была довольно больших размеров. И когда все впечатления от увиденного ещё крутились в Геркиной голове, из конуры, молча, гремя солидной цепью, выскочила здоровенная, как даже показалось Герке с испуга, огромная собака и ринулась к нему. Только теперь Герка узнал в собаке борзую гончую, ту породу, которую он почему-то недолюбливал. То ли за их слишком костлявый вид, то ли за, как ему казалось, непомерно хмурый характер, не слишком весёлый взгляд и редкое проявление радостных чувств. Вот лайка – это совсем другое дело, считал он. И в тот же миг его размышлениям пришёл конец. Вначале он увидел, как борзая рванула и поволокла за собой будку по земле, а затем в испуге заметил, как оторвалась от будки цепь. И тут же он услышал громкий и свирепый лай своей лайки, которая так метнулась, что Герка не мог удержать поводок. Ружьё соскользнуло с его плеча и упало на землю. На земле оказалась и охотничья фуражка. Борзая, звеня цепью, с лёта сбила лайку на землю, но та, перевернувшись, вскочила на лапы и сумела,

изловчившись, сильно укусить пролетевшую по инерции мимо неё борзую за зад. Та, не издав ни единого звука, развернулась и вновь ринулась на лайку, которая в этот раз успела увернуться. Герка немного пришёл в себя и взглянул на Вовку. Тот так же спокойно, но уже с интересом смотрел на происходящее. А собачий бой в это время разгорался всё с большей силой.

– Ты чо сидишь? – крикнул Герка.

– А чо? Пусть подерутся, – ответил Вовка, улыбаясь и показывая свои зубы. – Посмотрим, чья победит.

– Ты чо, совсем што ли? – уже громко и с раздражением крикнул Герка. – Собаки-то охотничьи. Повредят друг друга и на што тогда нужны будут?

– Ничего им не будет. Залижут. Всё, как на собаках, заживёт, – вновь ответил Вовка, улыбаясь.

– Давай, говорю, растащим, – кричал Герка, крутясь вокруг собак. – Ты за цепь, я за поводок. Давай быстрее.

– Да пусть подерутся. А если уж больно надо, сам растаскивай, – всё так же спокойно отвечал Вовка.

И тут произошло невероятное. Герка так толком и не понял. Собаки схватились пасть в пасть и разом взвыли. Лайка вцепилась борзой в верхнюю челюсть, а борзая лайке в нижнюю. Кому было больнее, было наверно известно только им. Невероятно сильно воя, они крутились на одном месте, не отпуская друг друга, инстинктивно сжимая челюсти. И тут Герка вспомнил про ружьё. Схватив, он начал его заряжать, крича Вовке:

– Иди! Или я стрелять буду!

Вовка, не поняв намерений Герки, проворно шмыгнул в сени.

– Иди, или я пристрелю твою борзую! – кричал Герка, выходя из себя.

– Не надо, не надо! – выбегая из сеней, закричал Вовка. – Не стреляй! Это же не моя собака. Колька, сродник, из города привёз, на время. Походи, говорит, с ней на природе. Пусть лапы намнёт. Не надо! Она породистая, дорогая. Из Москвы привёз.

Долго они пытались разжать челюсти собак руками, но так и не смогли.

– Нет, так у нас не получится, – говорил, тяжело дыша, Герка. – Давай тащи быстрее палки.

– А если зубы сломаем или челюсти? – растерянно спросил Вовка.

– Раньше надо было думать. Тащи давай быстрее, пока я держу, – орал Герка.

Наконец с помощью палок, которые они с опаской вставляли собакам в окровавленные пасти, им с трудом удалось разжать челюсти и растащить собак. Вовка, взяв цепь, с большим трудом увёл борзую к конуре. Она сильно упиралась, понуро, молча, деревянным взглядом смотрела вокруг. Лайка, наоборот, оправившись от боли и пыла борьбы, ещё долго выражала недовольство своим громким лаем. Так она ругалась на своём, понятном ей языке, за гаражом, у своей конуры.

Герка молча прошёл мимо Вовки в свою квартиру, а тот усердно крепил конуру к сараю и прилаживал цепь к столбу.

Осенью к охоте по чернотропу Вовке из города привезли ещё трёх борзых. Герке свою лайку пришлось запирать в сарае. Вовка ходил довольный и частенько спрашивал Герку:

– Што-то твою лайку не видно? Куда дел? Чай, не отдал кому?

– Да нет. От твоей своры спрятал. А то твои горбатые голодные, наверно? Сожрут чего доброго ещё, – с небольшой грустью отвечал Герка.

– Сожрать не сожрут, а придушить могут, это уж точно, – хвастался Вовка, улыбаясь. – Им только скажи «взять», они кого хочешь могут догнать. Они и зайца возьмут, и лису, и волка. Им без разницы.

– Каво они, чай, у тебя взять могут? Они же у тебя городские, комнатные, – подтрунивал в ответ Герка над Вовкой. – Ты им хоть книжку про природу с картинками почитай. Да зверей разных на картинках покажи.

– Ничево-о... Вот откроют охоту, мы вам покажем, как зайцев с лисами надо шерстить. Нам никакого ружья не надо. Дал команду «взять», и порядок, – говорил Вовка уверенно. – А твоя-то зимой каво гоняет?

– Да каво она гонять будет? Испортил я её по уткам. Она уже теперь ни по лосю, ни по кабану не пойдёт, – говорил Герка с сожалением. – Раньше натаскивать надо было.

Тем временем Вовка начинал рассказывать Герке про борзых, начитавшись умных книжек об охоте.

Но вот наступило время, когда открыли охоту по чёрной тропе с гончими и борзыми. Вовка стал приставать к Герке:

– Давай сходим с борзыми в поле поохотимся.

– Нет. Я с борзыми никогда не охотился. Я не умею и вообще не очень люблю этих собак. Вот с гончей, с ружьем – другое дело. Там хоть голос послушать чего стоит. А если не одна, вообще красотища. А эти «горбыли» молчком, да ещё к тому же зверя искать не умеют. Ты сам своё чутьё тренируй. Зверя искать им будешь. А потом и командуй: «Возьми». Ты лучше друга своего, Сашку, пригласи. А я нет, уволь, – отнекивался Герка.

– Ну, а зайчатинку откусать придёшь, думаю? – подколот Вовка, чуть обидевшись.

– А ты чо, не поймал, а уж общипал? – спросил Герка Вовку.

Как уж и что, но Вовка уговорил друга Сашку, и они стали ходить на охоту, натаскивать борзых. Но по тому, как Вовка не приглашал Герку на зайчатину, он понял: дела идут у них неважно. И тогда Герка решил спросить Сашку:

– Ну, как дела, помещики?

– Какие ещё помещики? – не понял Сашка.

– Как какие? Раньше с борзыми только помещики охотились, – улыбаясь, сказал Герка.

– Какие помещики, – сказал Сашка, немного замявшись и для чего-то оглянувшись. – Ты уж это... Вовке не говори, а то он и так весь изозлился. Матерится. Связался я, говорит, с ними. Костей три мешка, говорит, скормил. А они по полю ходить не умеют, не то

что бегать. Ходят, как балерины, на цыпочках. Они природы-то никогда не видели. Зато с родословной.

– Вы, наверно, быстрее с Вовкой зайцев ловить научитесь, – смеясь, сделал вывод Герка.

– Это уж точно. Не говори, – подтвердил Сашка.

Время шло. Выпал снег. И вот Герка заметил, что борзые исчезли. Исчез куда-то и Вовка. А когда появился, Герка спросил его:

– А где же твои дорогие, породистые?

Вовка, махнув рукой, немного небрежно сказал:

– А-а-а... Хозяин... Колька в город забрал. Там выставка собак какая-то. Говорит, они медали могут получить. У них экстерьер очень хороший. Жалко. Они у меня должны были нормально пойти. Да чего говорить, пошли уже. Можешь у Сашки спросить. А ты как? Охотишься?

– Мы в выходные кабана добыли килов на сто, – скромно сказал Герка.

– Ух ты! Чо, из-под твоей лайки што ли? – спросил Вовка.

– Да нет. Загон делали. На номер вышел, – пояснил Герка.

– На тебя што ли? Понятно, – с завистью сказал Вовка.

– Ну, а ты как теперь? – спросил Герка.

– Думаю ружьишко купить. А там видно будет, – пояснил Вовка.

Через некоторое время Герка под великим секретом узнал от Сашки про их последнюю с Вовкой охоту с его «ловчими».

– Пошли мы с Вовкой, он двух на поводках ведёт, я тоже. Вышли ещё по-тёмному. А за мной, как на грех, собачонка моя увязалась. Я даже домой её отводил, штоб не мешала. Небольшая такая, дворняжка. Симпатичная. Любимица жены. Ну, пришли мы в поле. Я оглянулся, смотрю: эта псина за нами семенит. Так, поодаль. Ну, думаю, ладно. Шуганул для порядка. Спустили мы борзых. Они вроде уже обныхрились немного. К природе стали привыкать. Бегать начали. Вовка всё говорил: должны пойти. Стало светать. Вышугнули мы зайца-русака из посадки. Вовка аж

подпрыгнул от радости. Побежал и кричит собакам: «Взять! Взять!». А они, сволочи, озираются вокруг, а зайца не видят. Увидели мою собачонку, и за ней. Мы с Вовкой орать: «Нельзя! Назад!». Куда там. Они её в два прыжка догнали. И вмиг на четыре части. Я, не поверишь, отвернулся и чуть не заплакал. Вот тебе и «Взять!». После этого он их хозяину и отправил. Вот тебе и охота.

ЭТОТ ЗАЯЦ – МОЙ...

Герка с Николаем решили потропить зайцев. Они договорились, и Герка на своей старенькой «Ниве» заехал за ним в Черёмушки. Николай, услышав звук машины, выглянул в окно своей кухни, что-то дожёвывая, и кивнул головой. Вскоре он вышел с ружьём, рюкзаком за спиной и подпоясанный патронташем. На груди у него висел бинокль.

– Ну, гранадёр, – подумал про себя Герка.

– Здорово! Ну, чо, полетели? – сказал Николай, садясь в машину, при этом пожимая Герке руку.

– Ну да, поскакали, как ты говоришь! А куда? – поздоровавшись, ответил Герка.

– Давай счас дорогу переедем и в поле, там полевая дорога есть. Рядом с ней узбеки капусту сажали. Мне мужики говорили, следы заячьи видели. Ну-ка взглянем, што там.

Они так и сделали. И вскоре уже ехали по покрытой неглубоким снегом неезженной дороге, огибающей бывшие бахчи. Вдруг Николай закричал:

– Стой! Вроде следы! Ты давай, дальше проезжай и поставь машину вон там у кустиков. Я по следу, а ты немного в стороне, и пойдём. Только ты потише, и смотри.

Они долго нарезали круги по заснеженному полю, распутывая заячьи следы. Но заяц был, как говорят, профессор. Он сделал уже несколько скидок, но на лёжку не шёл. Вскоре Герка немного отстал от Николая и потерял его из виду. Вдруг он услышал лай

собаки. А через некоторое время к нему уже молчком подбежала гончая. Крутнулась вокруг Герки и, не признав в нём хозяина, побежала дальше. Герка понял, что кто-то ещё идёт по следу зайца с собакой. И он решил идти в ту сторону, куда убежала гончая. Через некоторое время, выйдя на бугорок, он увидел Николая, который стоял с каким-то мужиком, громко разговаривая и размахивая руками. Вокруг них бегала уже знакомая Герке гончая. Когда Герка подошёл поближе, то стал разбирать слова диалога:

– И где, ты говоришь, поднял этого зайца? – спрашивал Николай мужика.

– Я же тебе говорю, на Барском лугу. Он потом под Сурной мост ушёл. Гончий у меня за ним, – говорил мужик, в котором Герка узнал Пашку, заядлого охотника. – Так что заяц этот мой.

– Может, ты его от швейной фабрики гонишь? – спросил Николай.

– От какой ещё швейной? – удивлённо спросил Пашка.

– От Сурской. Где ты живёшь. Может, он телогрейку на зиму прибежал заказывать, твой заяц, – пояснил Николай.

– Я же тебе сказал, на Барском поднял, и под мост он ушёл, потом через дорогу сюда, в поле, – вновь пояснил Пашка.

– А он у тебя случайно на Суру не забегал, твой заяц? – не унимался Николай.

– Нет, на Суру не забегал. А зачем ему на Суру? – не понял Пашка.

– Так, может, ты своего зайца быстро гнал по Барскому лугу, и он вспотел, а на Суре полынья. Может, он охладиться хотел, твой заяц-то, – не унимался Николай.

– Знаешь што, Николай? Идёшь ты, и не просто идёшь, а идёшь и пляшешь, – уже с обидой и раздражением сказал Пашка.

Услышав этот диалог, Герка невольно засмеялся.

– Вы чо тут, неубитого зайца што ли делите? – спросил он, здороваясь.

– Да вот, Павел говорит, што это заяц ево, а я говорю, што наш, – пояснил Николай.

- Откуда он ваш? – вновь спросил Пашка.
- Откуда. Мы его от самых Черёмушек гоним, – не моргнув глазом, сказал Николай.
- Чево это он у вас там, в Черёмушках, забыл? – спросил с недоверием Пашка.
- Чево, чево. В магазин за куревом приходил, сигареты покупал. Вот чево! Лександрыч ему ещё на спине написал: «Этот заяц наш». Пошли, Лександрыч. Нет тут нашего зайца, оказывается, – сказал Николай. И, уходя, добавил:
- Ты, Павел, если зайца убьёшь и у нево сигареты будут, и на спине написано, то это значит, заяц наш!
- Возвращаясь к машине Герка, подумал:
- Скудеет наша природа, скудеет, коли не убитых зайцев делить начинаем.

КАК-ТО НА ВЕСЕННЕЙ ОХОТЕ

Как-то на весенней охоте на вальдшнепа я встретился с Вениамином. Оба мы любили эту простую, незатейливую охоту. Где можно было, придя пораньше до тяги в весенний лес, сломить там сухую полую тростинку и, сделав ножом небольшой надрез на стволе берёзы, наслаждаться, втягивая в себя чуть сладковатый прохладный, дурманящий сок. Или просто лечь на кучу прошлогоднего сухого валежника на лесной вырубке. Лежать и вдыхать весенние запахи леса, пьянящий аромат ожившей талой земли. Слушать звуки весеннего ручья в низине. Лежать и не думать ни о чём, оставив временно где-то там нелёгкие земные заботы. А можно было просто сидеть на срезе пня, уже прогретого тёплым и ласковым солнцем. Сидеть и смотреть на первые цветы-подснежники, глядящие на божий свет, радующие глаз и душу.

Порой в голове сами собой начинали звучать, может быть, не совсем удачные, но искренние строки:

*Подчас бежал я
на охоту,*

Бродил в присурских
я лесах.
И солнцу рад я был,
восходу,
На луч любуюсь
в небесах.
Не столь нужна была
охота,
Природа мне была
нужна,
И в небе солнца
позолота,
В лесах поющая весна.
Во мне она,
весна, бродила,
Прильнув к берёзе,
пил я сок.
И это голову кружило,
И ветка билась о висок.

Смотрел я в небо
голубое,
В его безоблачную синь.
А где-то
слышалось родное,
Синица пела:
дзинь-дзинь-дзинь.
И ей заслушался
подснежник.
Он первым встретил
здесь весну,
А рядом с ним
лежит валежник.
У снега он ещё в плену.

*И слышу я
 полёт вальдишнепа,
Что там,
 над вырубкой, летит.
Стрелять мне кажется
 недепо,
Но страсть в охотнике
 горит.
Вдруг солнце
 спряталось куда-то
И птицы взяли
 свою власть.
И гимн поют они закату,
И в этом
 выразили страсть.
Гогочут гуси
 где-то в стае.
На север
 дальний путь у них.
Там тундра,
 родина в том крае,
В местах суровых
 и глухих.
Над лесом кружит
 уток стая.
Озёра ищут,
 где присесть.
Места родные облетая,
На то немного силы есть.
В овраге
 песнь поёт водица,
Спешит, торопится она.
И как голодная волчица,
Снега съедает вмиг весна.*

*И красит солнце
лишь вершины.
Лучи коснулись облаков.
Туман шагает от низины,
От луж, от талых озерков.
Весна шагает дружно
к лету,
Зима осталась позади.
Луга готовятся
к расцвету,
Цветы пригреют
на груди.
Задышит пашня
за пригорком,
В прозрачных волнах
поплывёт.
И ястреб с неба взглядом
зорким
Поля дозором обведёт.*

Охоту на вальдшнепа в наших местах обычно открывали там, на верху, в лесу на горе, с левой стороны дороги в березовой роще на вырубках, в частности на высоковольтной линии. Любили мы охоту, конечно, не ради добычи, а ради общения с природой, ради весеннего оживающего леса, наполненного разнообразным, неподражаемым пением птиц.

Встречаясь с Вениамином в лесу, разговаривали, вспоминая свои охотничьи истории и забавные случаи и приключения, а также то, что происходило с другими знакомыми нам охотниками.

ИГРА

– Вот смотри, – говорил мне Вениамин, – она, кроме единения с природой, охота, ещё и самих людей объединяет, воспитывает и даже роднит. Да, да, роднит и воспитывает. И нет тебе тут ни чинов, ни званий. Были редкие случаи, когда на охоте ссорились или ругались, и это были большие дураки, можно сказать. Вот я тебе сейчас случай расскажу, который мне отец Михаил Алексеевич рассказывал. Ты же его должен знать хорошо. Вы же с ним встречались на охоте. Он был у меня опытный охотник. Собак любил до ужаса. Особенно гончих. Пожалуй, такие гончие, как у него, в Сурском мало у кого были. А сам-то он у меня был человек степенный, рассудительный, неглупый и спокойный. Выпить мог, пожалуйста, но в меру. В общем, нормальный русский мужик. Частенько его на охоту приглашали. Кто если с области приедет, да и из местного руководства, охоты любители, тоже. Вот, говорит он, приболело как-то у нас первое лицо района. А кто было первое лицо района? Конечно, первый секретарь райкома партии. Мужик неплохой, деловой. Из наших мест. Как говорят, из низов, из народа. Отец говорил, с ним можно было вопросы спокойно решать. Я тогда ещё пацаном был. А ты, чай, его должен помнить? Ну, как же. Я думаю. Валентин Александрович. Да. Сердечко что-то у него. Ну что же, если за дело и людей переживаешь, то конечно. Так вот, приписали ему на свежем воздухе почаще бывать, а в выходные от работы отвлекаться. И решил он охотой заняться. Купил ружьё. Председателем охотобщества тогда Павел Иванович что ли был? А может, не он. Да, в общем, не важно. Не в этом дело. Но егерем точно Фёдор Александрович. Мужик знатный, знаменитый. Как ни говори, Герой Советского Союза. Добрейшей души человек. Как он только фашистов так здорово колотил, не пойму? Видно, уж очень сильно они тогда наш народ достали...

В то время чтобы первый секретарь охотой занимался, это была редкость. Вот комсомолка у нас тогда охотой бредила. Помнишь,

Костя был первым секретарём комсомола, так он, куда ни едет, у него в машине ружьё обязательно. Да ну, ладно. А случай вот какой. Мой отец с Валентином Александровичем и Фёдором Александровичем втроём охотились с гончими на зайца за Сурой, там где-то, в районе Пичерок. Ну, и решили к вечеру заночевать в доме охотника. Помнишь, в то время за ним приглядывали, какой-то мужик, из Полянок, по-моему. Ну, подключили аккумулятор проводами прямо от уазика к лампочке на кухне. В общем, тепло и светло. Расположились. Закусили. Отец с Фёдором Александровичем, как положено, по сто грамм фронтowych приняли. А на улице лёгкий морозец. Собак в помещение определили. Ночь впереди долгая. Решили в картишки сыграть. Время, так сказать, убить. Договорились: кто проиграет, тот под стол лезет и три раза прокукарекать должен. Отец, говорит, проиграл, полез. В общем, всё, как положено, исполнил. А победители сверху с радостью по столу отбарабанили. Потом Фёдор Александрович проиграл и тоже полез, только прокукарекал что-то немного слабовато. И вот дошла очередь, проиграл Валентин Александрович, так сказать, первое лицо района и заявил: я под стол не полезу и кукарекать не буду, вот и всё. Ну, вроде ему как бы партию позорить не положено. Мой отец, ты же знал его, вроде так тихонько, для порядка возмутился. А Фёдор Александрович твёрдо заявляет: я лётчик, полковник, Герой Советского Союза лазил, а ты не хочешь, так, говорит, не пойдёт. На работе – это другое дело, там марку надо высоко держать, чтобы все видели, что ты командир, как в бою. А здесь, говорит, что? Игра, отдых. Вот на войне-то порой навоюешься до чёртиков, сил больше нет. А вот так, с друзьями-то сядешь, сразишься в дурачка, в простого советского, отвлечёшься. Оно вроде немного, а полегчает. Ну, это, конечно, в свободное время, если выдастся. И ни званий тебе тут, ни должностей. И руководство это всё понимало и само порой с удовольствием участвовало. Что же, все мы люди. И надо же, говорит отец, – подействовало. Убедил секретаря Фёдора Александровича. Ладно, говорит тот, прав ты,

наверно, Фёдор Александрович. Только как бы стол мне тут не разворотить, мужик-то я большой. Вот видишь, мужик-то он всё-таки оказался правильный. Власть-то не успела его совсем испортить. Она, игра-то, в жизни такая, мало кто должностью питания выдерживает, очень мало.

А в другой раз Вениамин рассказал вот какую историю.

ШУЛЮМКА

В Рукавах это было. От восьмого моста, от старой дороги чуть немного подальше. Место просто прелесть. Уток там было, будь здоров. Многие туда путёвку на открытие мечтали получить. Помню, отец мой туда с друзьями собрались, ну и меня взяли, правда, я ещё тогда молодой, зелёный охотник был.

Охота-то у нас тогда в пять вечера в субботу начиналась. Но все старались пораньше выехать. В обед уж надо было там быть. Место получше занять. Костёр к ночи приготовить. Мужики между делом так иногда «вздрыгнуть» на природе. Рюмочку примут за удачу. Поговорят. Кто-то чем-то похвалится, кто ножом охотничьим, кто новый манок продемонстрирует. Нет-нет да на часы взглянут. Кто-то кого-то спросит: «Ну, чо там, долго ещё?». Потом, как по команде, дружно начинают собираться. Кто болотники надевает, кто в химзащиту облачается, кто лодку накачивает. Кто-то тужит, что, наверно, мало патронов взял. А в общем, у каждого свои заботы. Отец у меня достал из рюкзака, помню, чёрные шерстяные носки с белыми узорами. Мужики сразу заметили. Начали разные шуточки отпускать. Кто стал говорить: как тебя бабушка-то сильно любит. А кто говорит, что в таких носках можно без болотников охотиться. Ну, в общем, кто что придумает. Отец молчит, только улыбается. А про себя-то чай думает: «Завидуете».

Собрались, приготовились, начали места делить. Кто говорит, я сюда встану, а я сюда пойду. Рядом, в других местах, охотники тоже зашевелились. Подходило время открытия. Стали

выдвигаться на точки. И, как всегда, всё началось неожиданно. Кто-то не выдерживал. И минут за пять началось. В этом надо участвовать. Это надо видеть и слышать. Стрельба. Грохот. Потом начало стихать, а затем и совсем смолкло. Так, редкие одиночные выстрелы. Стали возвращаться, и почти все с добычей. И всех как будто электричеством зарядили. Разговаривают, показывают, демонстрируют. Ну, надо правду сказать, открытие оказалось удачным. И как же за неё, за эту птицу, не выпить? Пока, правда, обошлось без тостов. Я только посматриваю. И подумалось мне: вот, чтобы счастлив был человек, всё даёт ему сама природа.

Немного погода всё завертелось и закрутилось в другом направлении. Многие охотники, как я понял, на охоте верхом всего считают приготовление шулюмки. Тут должен быть специалист. Мастер дела. Под его руководством начинают чистить, палить на костре уток и чирков. Потрошить, мыть и укладывать их в ведро. Готовят лук и картошку, морковку, а также специи. Время летит незаметно. И вот надо идти на вечернюю зорьку. На прилёт. И шулюмку, вспоминаю, тогда пришлось доваривать в темноте. Сварили, помню. Дичь вынули и положили в блюдо. Жирная вышла, густая получилась. Ароматная. И жаром от ведра пышет, как от доменной печи. Ведро-то специально из нержавейки для охоты смастерили. Решили дать шулюмке остыть. И ведро поставили в сторонку под кусты, чтобы не опрокинуть. И что моего батю дёрнуло по малой нужде, и надо ведь, и под эти кустики. Как будто ему там, в озере, места не хватило. А он перед этим болотники снял и в своих носках с узорами всё у костра расхаживал. Хвалился, видно. Не только мужики у костра, но и деревья, наверно, вокруг вздрогнули. Кто-то даже чуть в костёр не упал. Несколько уток с озера с криканьем взлетело. Мужики с соседней компании прибежали. Вот как мой отец заорал. Нарочно будешь с завязанными глазами ногу в ведро пробовать засунуть – не попадёшь. А он попал. Катается по земле с ведром на ноге и орёт. Вытащили мужики его к костру. Только за ведро возьмутся, он ещё сильнее кричит. Ногу в ведре заклинило. Стали из озера

воду холодную носить и ногу с ведром поливать. Налили водки ему стакан. Выпил, стонет, но уже потише. Кто-то говорит:

– Нечего было в носках-то с кружевами выпендриваться. Ходил бы в сапогах. Ну, чо, мужики? Охота наша, видать, кончилась. Сматываем удочки. Он, бедный, наверно, ногу-то здорово пропарил. В больницу его надо. А вначале ведро как-то разрезать и снять.

– Вы это, когда ведро будете резать, осторожней – носок не повредите, – сказал кто-то.

Вот видишь, с мужиками-то оно как: кому боль, страдания, а кому шуточки.

Привезли мы его в посёлок. Ведро разрезали и сняли. И в больницу. Там пришлось носком пожертвовать. Отец от водки и от боли захмелел. И врача всё упрасивал:

– Ты это, Александр Иванович, мне ногу-то получше подлечи, а я тебе за это бутылку поставлю и утку дам.

– Лексееч, ты утками-то больно не разбрасывайся, может, ещё с них кожу придётся сдирать да ногу латать, – улыбаясь, говорил хирург, узнав о приключении охотника.

А вот ещё одна рассказанная Вениамином история.

ЗЛАЯ СОБАКА

Было это на Ольховом. Собралась приличная компания. Опять открытие охоты на уток. Август. На поляне рядом с озером, как положено, «стол» накрыли. Уху сварили. Самовар ведерный под парами пыхтит. Даже баян кто-то привёз. Как-никак праздник. Такое, сам знаешь, раз в году. И всё так хорошо. Даже здорово. Солнышко тёплое. После рюмочки, ухи и чая такое расслабление во всём организме. Даже пальцем шевельнуть не хочется. Баянист так тихо, нежно в душу мелодию запускает. Даже листья на деревьях вроде притихли, тоже слушают. И тут ещё один друг на мотоцикле, на «Урале» подъезжает. Ну, здорово, здорово.

Располагайся. Давай за «стол». Он: спасибо, не против. Извините, задержался немного. Дела. У меня тоже тут с собой кое-что есть. У люльки багажник открывает и достаёт рюкзак. Но раньше рюкзака оттуда появляется маленькая собачонка. Ну, не больше кошки, чай. Отряхнулась. И так смело стоит на земле, упираясь в неё маленькими кривыми ножками. Даже вроде серьёзно тявкнула. Как будто сказала: «Привет». А у самой глаза словно кровью налились. В общем, покраснели. Мужики тут ему сразу, хозяину-то, и говорят: «Ты, оказываться, не один, а с другом. Ну, вы, конечно, с утками будете». И кто-то к четвероногому другу, мол, давай, Дружок, знакомиться. А тот не против знакомства. Прыжок. И вцепился в штанину, и висит. Все, конечно, рассмеялись. А тот висит, вцепился, как клещ. Попробовали отцепить, ни в какую. Хозяин еле сам с ним справился. И началось: одно подозрительное движение, и «Дружок» висит на тебе. Сначала вроде было весело и смешно. Потом хозяину пришлось закрыть его опять в багажнике люльки. После открытия охоты этот вождь краснокожих снова начал свои порядки наводить. Пришлось опять его изолировать. Всё успокоилось. На поляне смех, веселье. Поёт не только баян, поют все охотники. Дело дошло даже до пляски. Все забыли про «Дружка». Да не только про него, а про всех собак на свете. Но вот баян стал уставать. Мелодии стали сбиваться. Баянист всё чаще брал паузы. Потом звуки и голоса смолкли. Костёр догорал, только изредка вспыхивая неярким пламенем. Охотники стали располагаться на ночёвку, чтобы, вздремнув часок-другой, встретить утреннюю зорьку. Только улеглись, как кто-то спросил у хозяина мотоцикла, нет ли у него лишней одежонки, чтобы постелить на землю. Тот ответил: вроде бы что-то есть, и предложил посмотреть спросившего самому в люльке мотоцикла. Что потом произошло, очень долго не мог понять никто. Все лежавшие у костра на поляне в непонятном порядке стали вдруг вскакивать оттого, что кто-то наступил на них. Они с удивлением смотрели на человека, бегающего молча по поляне вокруг костра, тот наступал ногами на лежащих или сталкивался с вскакивавшими

с земли. При этом он сильно размахивал правой рукой. Опомнившись, его пытались поймать, но не могли. Порой он даже забегал в лес, потом возвращался на поляну. Но кто-то, изловчившись, всё же схватил бегавшего. Все признали в нём охотника из своей компании. Он тяжело дышал и не мог говорить. И всё размахивал правой рукой. Когда поймали его руку, то увидели на руке болтающегося «Дружка», тот мёртвой хваткой вцепился в пальцы несчастного охотника. Рука охотника и морда собаки были сильно испачканы кровью. Кто бы что ни делал, не мог освободить руки пострадавшего. И только когда руку вместе с собакой погрузили в воду озера, муки его закончились, хотя боль и горечь долго не покидали его. И тут неудачник, долго молчавший, неожиданно разразился набором истинно русских слов и, войдя в образ, не мог долго остановиться. До этого молчавшие и сочувствовавшие дружно рассмеялись. Подобный набор русских слов на таком протяжении и так откровенно сказанных не часто услышишь. А закончилось всё тем, что виновника вновь закрыли в багажнике. Пострадавшему обработали пальцы водкой. Дали и внутрь. Всем тогда тоже пришлось выпить за его здоровье. И кто-то предложил, что на багажнике надо бы написать: «Осторожно, злая собака».

КРОЛИК

Накануне вечером Герка с сыном были на охоте на Промзе. Было уже прохладно. Шла перелётка. Поехали на мотоцикле с коляской, на «Иже». С собой взяли собаку лайку, у которой за её чёрный окрас была кличка Блейк. Блейк любил ездить на мотоцикле в люльке. Его даже не надо было привязывать.

Утром Герка вышел во двор. Там, весь в заботах, суетился сосед Вовка. Он держал, как говорили в деревне, скотину. А она требовала больших забот, причём ежедневных. К этому должна быть любовь.

Они поздоровались, и Герка рассказал Вовке о вечерней поездке. Посетовал на то, что она была неудачной. Что утка почему-то не шла на воду. Пролетала очень высоко. В общем выстрелом её было не достать. А на обратном пути, уже потёмному, когда возвращались, вдруг из оврага в сторону озимых через дорогу перебежал заяц. И Блейк, увидев его, на полной скорости выпрыгнул из люльки и молчком понёсся за ним. Пришлось остановиться и звать собаку. Ждать пришлось долго. А когда Блейк прибежал, он был настолько возбуждён погоней, что никак не хотел садиться обратно в люльку. Герка рассказал, как пришлось его приманивать куском хлеба и ловить за ошейник. Потом силой сажать в люльку мотоцикла, а чтобы он не выпрыгнул, Герке пришлось сесть вместе с ним и держать его за ошейник. В этот вечер, говорил Герка, заяц, видимо, решил хорошенько подразнить Блейка и помотать нервы охотникам. Через некоторое время он вновь выбежал на дорогу и побежал впереди едущего мотоцикла. Такого нахальства Блейк вынести не мог. «Он так рванулся, что чуть не выкинул меня из люльки», – пояснил Герка. Пришлось опять ждать и даже стрелять в воздух, чтобы он вернулся. А когда вернулся, снова долго его ловили, а когда поймали, пришлось снимать ремень с ружья и привязывать, да так, чтобы он из люльки ничего не видел.

Вовка внимательно выслушал и с серьёзным видом спросил:

– Что же, выходит, он у тебя зайцев может гонять?

– Выходит, может. Да вот только молчком. Гончая-то с лаем идёт, а этот молча. Тут как определишь, куда он зайца погнал? Где вставать? Как подстраиваться? Вот если бы с голосом, другое дело, – рассуждал Герка.

– Так она же лайка у тебя. Должна с лаем, с голосом гонять, – сделал свой вывод Вовка.

– Я от мужиков слышал, они нет, говорят, без голоса идут. Заяц – это не лось, не кабан тебе, – ответил Герка.

– Не может быть этого, – не унимался Вовка.

И убежал зачем-то в сарай. И тут же появился с кроликом в руках.

– Его просто надо натаскать, – сказал Вовка, обрадованный своей идеей. – Бери Блейка и пошли в садик-огородик.

– Так он это... Кролик-то бегать не будет, – усомнился Герка.

– Как не будет? Собаку увидит, побежит. Да ещё как! – не унимался Вовка. – Пошли.

– Так он его догонит и задушит, – опять сказал Герка.

– Ну, чо? Я всё равно его сегодня резать хотел, – продолжал Вовка возбуждённо.

Они вышли в сад. Ночью выпал небольшой снежок. Он становился влажным. С крыши сарая часто капала капель. Герка отметил про себя и улыбнулся:

– Как под барабанную дробь идём. Но лучше бы охотничий рожок играл.

Вовка выпустил кролика из рук, захлопал в ладоши и страшным голосом издал какие-то звуки. Стайка воробьёв, вспорхнув, улетела со двора. Тревожно закудаhtал петух. Кролик сделал пару-тройку робких прыжков по белому снегу. В это время Герка спустил Блейка с поводка и дал команду: «Взять!». Собака вмиг настигла кролика, который так и не успел понять, что ему надо делать. Герка с Вовкой дружно кинулись выручать кролика. Герка подумал:

– Это надо бы всё на кинокамеру снимать. Со стороны, наверно, интересно смотрится, как два молодых мужика хрен знает, чем занимаются. И вслух добавил:

– Володя, может, это... Не будем. Видишь, не бежит кролик.

– Нет, давай ещё. Чо-то мы не так делаем, – настойчиво произнёс Вовка.

Что только не делал Вовка: и бросал в кролика снежками, палками, даже порол его прутом, но тот бежать не хотел, хоть ты от злости лопни. Блейк разом настигал его.

– Так, понятно, – сказал Вовка. – Это он здесь бегать не хочет. Заводи машину, и поедem в поле. Там уж точно побежит на просторе. По-настоящему волю почует.

– Слушай, Володя, давай бросим ерундой заниматься. Неудобно как-то. Мы с тобой люди взрослые, семейные, увидят, засмеют, – настойчиво просил Герка.

– Нет, ты хочешь, чтобы у тебя, у охотника, собака зайцев гоняла? – не унимался Вовка. – Бензину што ли стакан жалко? Так я тебе плесну! Заводи, поехали. Выгоняй, а я мешок возьму для кролика.

Делать нечего, как поётся в той песне. Герка выгнал «Жигулёнка». Блейк занял почётное место с водителем. Вовка расположился на заднем сидении, бросив кролика в мешке в багажник.

Выехали за посёлок в поле и остановились у первой посадки.

– Володя, а если твой зверь возьмёт и убежит? И ищи его тогда-виши? – с серьёзным видом спросил Герка.

– Ну, хрен с ним. У меня там ещё есть. Ты только бабам не говори, – попросил Вовка.

Всё произошло точно так же, как и дома, в саду-огороде. И на обратном пути, сидя в машине, Вовка философствовал:

– И чо им, скажи, не хватает? Этот, псина, не лает. Ну хоть раз бы гавкнул. Схватит молчком, и всё. Тот, морда ево косая, не бежит. Ну ладно, теперь точно будем знать, что почём.

– Володя, давай теперь уговор заключим.

– Какой ещё уговор? – не понял Вовка.

– Вот какой, если у тебя кролики вдруг выбегут, то Блейк их точно задушит. Сами натаскали, – сказал Герка.

– Так он вроде, это, поймает и не душит, – вставил Вовка.

– Тут другое дело. Это у нас на виду, – ответил Герка.

Герка, как говорят, словно в воду глядел. Купил Вовка как-то кролика породистого, дорогого. На племя. Тот возьми и убеги у него, и прямо к Блейку за гараж. Вовка пока туда-сюда и нашёл его уже задушенного. Потом он долго сокрушался. А что поделаешь? Сам натаскал.

Герка, узнав об этом, подумал:

– Вот в мире тоже так: натааскают людей, а порой даже и целые страны. А потом и удивляются, откуда у нас на земле бог тебе знает, что творится.

ШИРШОВКА

Где ты, деревня Ширшовка?

А было ведь сорок дворов!

Бабка сказала мордовка:

«У Сарки, у тех вон бугров».

Однажды по глубокой осени, когда по утрам чувствовалась бодрящая прохлада, поехали мы на перелётку на Большую Сарку, туда, под Чирково. Там в своё время был небольшой пруд, и утка поздними вечерами шла на воду. Приехали мы ещё засветло, и, когда выбрались из машины, я увидел пожилую женщину, идущую по тропинке вдоль речки с прутиком в руках. Когда она подошла ближе, я поздоровался и заговорил с ней. По акценту я понял, что она мордовка. Она охотно рассказала, что у неё пропал гусь, и она никак не может его найти. А когда я спросил, много ли народу проживает в селе, она мне ответила, что раньше много было, а сейчас совсем мало осталось, да и те старики, а ещё добавила, что рядом, в километре, ещё одно село было, и довольно большое, Ширшовка. До революции на помещика Чиркова работали. Повернувшись, она прутиком показала в сторону и добавила:

– Вон там. Люди работали, хлеб выращивали, свадьбы справляли, детей рожали, а в войну мужики на фронт уходили, а потом их ждали и с войны встречали, только вернулись-то не все, – перекрестившись, произнесла:

– Царство им небесное всем, – и добавила. – Многие ещё мальчишки ведь были. Бабы тоже не хуже мужиков, они здесь за троих вкалывали. Вон Верка Аракчеева хлеб выращивала, орден потом получила, да и Настя Додонова тоже. А теперь посмотри. Шаром покати. Пусто.

Я посмотрел в сторону, куда показывала старая женщина. Там действительно было пусто, и ничего не говорило о том, что там когда-то кипела и бурлила человеческая жизнь с её страстями, радостями и печалью, всем тем, что присуще сельскому жителю. От её слов на душе стало тоже пусто и сиротливо. Старушка махнула прутиком и пошла по тропинке. Друзья вернули меня в реальность:

– Хватит грустить. Бери ружьё. Пошли. Места надо посмотреть.

Но всё последующее время мои мысли возвращались к исчезнувшей деревне.

Охота оказалась неудачной. Утки кружили где-то в вышине и уходили на присад на невидимом или недоступном нам расстоянии. Даже забавный случай на обратном пути не заслонил от меня Ширшовку. Свет зелёных глаз зверя, перебежавшего дорогу, миг остановил машину и заставил проворно выскочить охотников с ружьями. Волк, лиса – не понял я сразу. Все дружно стали подбираться к месту, где он скрылся в кустах. Грохнул выстрел, и всем на удивление из кустов с громким и жалобным звуком «м-я-у» выскочил огромный рыжий кот и припустил в поле. Мы долго не могли успокоиться, подтрунивая друг над другом.

– Да, знатная была бы шкура для жены на воротник, – громко вещал кто-то.

– А я думал, волк или лиса! А это котозавр оказался! Узнают – засмеют, охотнички, – добавили снова.

– А ты, водила, зачем остановил?

– Так я машинально!

И я невольно подумал: многое у нас в жизни машинально получается.

ОЧИЩЕНИЕ

Шурка проснулся ночью, ближе к утру. Через окошки в избу, в тюлевые занавески сорился слабый, холодный, зыбкий свет неполной луны. На стареньком диване напротив, под размеренное

тиканье ходиков он услышал сонное дыхание жены. Присмотревшись, он понял, что она спит, не раздеваясь, укрывшись выдавшим виды шубняком.

Шурка усиленно начал вспоминать события минувшего дня. Но как ни старался, как ни напрягал он клетки серого вещества, нормально сделать этого не мог. Интуиция, чувство, которому он частенько доверял, твердило ему, что всё было хорошо, по-доброму. И сейчас ничего, как это было порой, не терзало его душу, и это ощущение твёрдо присутствовало в нём.

– А что же это она в одежде? – подумал он и понял. – Наверное, на всякий пожарный случай. Нет, надо кончать с этим делом. Надо, пожалуй, завязывать. А то это очищение души и тела у меня немного что-то затянулось.

Так думал он про себя, машинально проводя ладонью по давно небритой щеке, на ощупь напоминавшей жёсткую щётку. В это время в животе у Шурки вдруг заиграла музыка проснувшегося голода.

– Это уже хороший и приятный признак, – подумал он, поглаживая рукой живот, давно не видевший доброго обеда.

Но во рту, во рту, боже мой, что творилось у него во рту. Словно конным навозом закусывал.

– Нет. Всё. Баста, – мысленно сказал он себе.

Шурка тихо, как уж, выскользнул из-под одеяла, которым его заботливо укрыла жена, и плавно и бесшумно, на цыпочках, разводя руки в стороны, как бы держась за воздух, двинулся в заднюю комнату. При этом Шурка изредка, настороженно поглядывал в сторону дивана. Выйдя за порог, он перевёл дух и беззвучно закрыл за собой дверь. От напряжения физических и душевных сил Шурка немного вспотел, и в его голове появился сильный шум. Он, не зажигая лампы, почти на ощупь нашёл хлеб. Достал из столового шкафа деревянную ложку и двинулся к русской печи. Вначале он хотел было найти спички и посветить ими в печь, но, увидев на шестке чугуна, в котором жена обычно варила щи, не стал делать этого. Запустив в чугуна ложку, он понял,

что там что-то есть, что-то осталось и на его долю. Шурка поставил табурет ближе к шестку и сел на него. Откусывая хлеб, он стал зачерпывать ложкой из чугуна и отправлять содержимое в рот. Шурка почувствовал, как о его ноги стал тереться кот, в восторге задыхаясь от мурлыканья. Шурка отметил про себя, что ши-то что-то, надо сказать, были жидковаты.

– Что же это она, продуктов что ли пожалела? – спросил он сам себя. – И картошка есть, и капуста, и морковь, и лук. Что же это она?

Вкуса Шурка не понимал, выходя из, как говорил он, космического состояния. Ему было всё равно: кисло, пресно, сладко, солёно или не солёно. Ему было без разницы. Абсолютно.

– Мяса что-то нет. Съели что ли всё? – размышлял он сильно шумевшей головой.

Но вот его ложка зацепила приличный кусок, который он быстро направил в рот. Для этого пришлось его открыть пошире.

– Ну, вот, а я ворчал, мяса нет, – как бы извиняясь, про себя, подумал Шурка, беря свои слова обратно.

Он стал усиленно двигать челюстями и в то же время ногами, отгоняя кота, как ему казалось, почуявшего мясо.

Шурка долго и старательно жевал, но мясо плохо поддавалось.

– Где же она только такого мяса взяла? Что уж, лучше не было што ли? Послаще-то сами, наверно, сожрали, а это мне оставили за мою «героическую» жизнь, – вертелась небольшая обида в Шуркиной трещающей голове. – Коту што ли отдать? Нет, уж, обойдётся. Пожалуй, лучше сам проглочу. И, поднатужившись, проглотил кусок. Он доел ши. Отложил ложку в сторону и, взяв чугунок обеими руками, приложил его ко рту. Он с удовольствием отправил остатки его содержимого к себе внутрь. После этого ему немножко отрыгнулось. Он вытер рот ладонью, а ладонь потом – о трусы.

Бросив остатки хлеба коту, он тихо вышел в сени. Чиркнув спичкой, нашёл и прикурнул припрятанный бычок-остаток

папиросы. Он с большим наслаждением и удовольствием затянулся, погладив рукой вновь заурчавший, но уже сытый живот.

Докурив, Шурка так же тихо отправился в кровать досыпать.

Проснулся он в одно время с женой. Шурка лежал на кровати и косился глазами на жену. Та лежала, отвернувшись лицом к спинке дивана, и делала вид, что спит. Но Шурка кожей чувствовал – не спит. Он обдумывал план действий. С чего ему начать разговор. Извиняться, заискивать и унижаться он не хотел. Не позволяла мужская гордость. Вдруг в животе у него опять сильно забормотало. И он решил начать разговор со щей.

– Я ночью вставал. Есть захотел, сил нет. Я там щи, что на шестке в чугуне, доел. Только жидковаты уж больно, – посетовал Шурка.

Диван жалобно пискнул под тяжестью повернувшейся к нему жены.

– Какие щи? – спросила она театрально добрым тоном, при этом прищурил глаза и поджав губы.

– И мясо какое-то, не прожуёшь. Еле проглотил, – продолжил Шурка.

– Ты чо? С какого дерева упал? Или «белочку», может, поймал? Какие щи? Какое мясо? – удивилась жена.

– Я ж тебе сказал: на шестке в чугуне, – повторил Шурка уже и громко, и с раздражением.

– Ох, не могу! Доочищался, дорасслаблялся! Я же посуду мыла и все объедки туда слила, и тряпку посудную сложила и бросила! Ой, не могу! – говорила, смеясь, Шуркина жена.

Шурка молча лежал на кровати. Его глаза округлились и выкатились. Они были готовы выпрыгнуть, нет, не на лоб, а на потолок, куда он смотрел. В его животе заиграла такая симфония и резанула такая боль, что Шурке показалось, будто ему сделали японскую казнь – харакири. И он заорал, схватившись за живот: – И что же теперь мне делать?

– Што делать? Чай, не вожжи проглотил. К своему другу доктору, который тебе такое очищение советует делать, к нему.

С кем ты тело и душу так чистишь. Вы уж с ним и открытия охоты на уток что-то не дождались. А то, видишь ли, один раз в месяц обязательно эту отраву надо принимать. На открытие-то опять очищение, значит, будешь делать?

– Нет, ты скажи, чо он с тряпкой-то с моей делать будет? – испуганно спрашивал Шурка жену.

– Это уж я не знаю. Может, касторкой вытравит или пинцетом из задницы вытащит. А если уж нет, то я шомполом протолкну, – громко смеясь, сказала Шуркина жена. Она встала с дивана и пошла на кухню, поигрывая бёдрами.

– Ты куда же? – жалобно спросил Шурка жену.

– Куда. Щи варить.

ИЖ-27

Мальчишки частенько толпились у этого отдела магазина с вывеской «КУЛЬТТОВАРЫ», который находился в посёлке сразу, как зайдёшь на базарную площадь, пройдёшь мимо киноафиши, а дальше мимо киоска «СОЮЗПЕЧАТЬ».

– Смотри, – говорил кто-то. Это вон двустволка-бескурковка.

– Ну и чо? С курками тоже нормально, – отвечал второй.

– А вон одностволка. А рядом, смотри, мелкашка, – показывая пальцем, говорил третий.

– Ух ты! – восклицал кто-то. – Смотрите-ка, пятизарядка. И у неё чо-то там блестит. Вот здорово! Зарядил, и только на курок нажимаю. Пять раз: бах, бах, бах, бах, бах!

Частенько слышал всё это Герка ещё парнем, заходя в магазин и тоже невольно подходя к этому отделу. Он помнил даже, как дядя Вова, брат матери, прилетев с Дальнего Востока в отпуск, купил две малокалиберных винтовки. Для этого в милиции ему дали какие-то бумаги. И это он купил в обычном магазине.

Прошло время. Герка уже всю охотился с отцовской курковой тулкой, которая очень нравилась ему. Но тут стали появляться

новые ружья. Охотникам приглянулись вертикалки. И обладатели таких ружей уже с некоторым пренебрежением посматривали на его курковку шестнадцатого калибра. Хотя Герка порой удивлял некоторых владельцев современных ружей своей стрельбой. Особенно когда приходилось стрелять пулей по какому-то предмету. Герка знал, что уж из левого ствола старая тулка не подведёт, да если ещё пулей-шаром. Не смотри, что от времени в стволах появились раковины. Тогда-то у всех непроизвольно к ней тянулись руки.

– Ну-ка, ну-ка. Что у тебя за карамультук? – говорил кто-то.

– Дай-ка взглянуть на твою запирку, – просил другой.

И вот с возрастом к Герке приходит решение купить новое ружьё. А как купить? На то есть жена – распорядитель семейного бюджета. И Герка начал издали и потихоньку разговор с женой:

– Ружьё што-то у меня стало барахлить, – сказал он как-то. – Боюсь, опасно с ним становится охотиться.

– Ну, так ты отремонтируй, – предложила она, с некоторым недоверием смотря на Герку, поняв, куда он клонит.

– Да там, понимаешь, стволы, – пояснил Герка. – А их никак не отремонтируешь.

– Можно, чай, и бросить это занятие. Одни только расходы. Патроны, дробь. Бензину, чай, спалил сколько? До Москвы сто раз съездишь. А мяса купишь на эти деньги – не съешь, – высказалась Геркина супруга. Душа охотника ей была по фигу, понял Герка.

Он, конечно, понимал супругу. В семье с этими деньгами всегда напряг. На зарплату, заработанную горбом, не пожируешь. Плохо, как говорил один Геркин друг, если к рукам со стороны ничего не прилипает. А к тем уткам и другой пернатой дичи жена даже не притрагивалась, говоря: «Я не могу. У меня на пух и на перья аллергия». И Герке порой часов до двух или трёх ночи приходилось обрабатывать дичь. При этом он поругивал себя и жену маленьким язычком, как говорили в народе.

Вместе с матерью Герке всё же удалось уговорить жену. Теперь встала проблема – как купить ружьё. Как раньше, их в посёлке уже

не продавали. Да много чего не продавали, как раньше. Много уже продавалось по записи: машины, ковры, паласы, холодильники, стиральные машины, бензопилы и другой так называемый дефицит. Некоторые люди жиреть начали. Деньжонки у некоторых зашевелились. А товара маловато. Были, конечно, варианты хода конём. Как говорил покойный отец: «Блат выше Совнаркома». Герке помог случай. На собрание охотколлектива в район приехал новый начальник из области. И Герка, будучи членом правления, с председателем подкатили к областному начальству. И тот решил показать, что он хоть и новый, но вопросы решать может.

– У нас скоро поступление в магазин из Ижевска. Я одно-то ружьё обещаю. Приезжайте вот такого числа, – сказал он твёрдо.

Пожали друг другу руки, и начальство, дав ЦУ (ценные указания), укатило в область.

Герка в душе радовался: «Теперь уж я вертикалочку-то отхвачу. А то – запишись и стой в очереди».

И вот накануне поездки Герка отпросился с работы, жена тоже решила в город к родителям съездить.

– Чего это машину впустую гонять, – сказала она.

Вечером у Герки как назло начал болеть зуб.

– Нет, вот я тебе давно говорила, сходи, полечи. А ты всё потом, да потом. Трус несчастный. Боится машинки он. Вот как теперь поедешь? – заметив его страдания, сказала жена.

Герка, выпив анальгина, лёг спать. Немного поворочавшись, он уснул.

Утром, проснувшись, он прислушался к организму.

– Нет, вроде. Нормально. Может, даст съездить? – с надеждой подумал он про себя.

Но стоило ему позавтракать и выпить стакан чая, как он вновь, замычав, схватился за щёку. Жена, сочувственно посмотрев, сказала:

– Может, не поедем? Может, в больницу сходишь?

– Ты чо? А ружьё как? Там ведь нашего брата ждать никто не будет. И дождись тогда, – страдальчески произнёс Герка, в

ответе которого смешались и боль, и горечь, и обида. – Выпью анальгина, и поедем, – добавил он, доставая лекарство.

Приехав в город, в областное охотобщество, Герка сразу пошёл к начальнику. Того в кабинете не оказалось. Тогда он направился к заму и объяснил суть вопроса. Тот вынул тетрадь, посмотрел и сказал:

– В списках Вы есть, но очередь ещё не подошла. Как подойдёт, мы Вам сообщим.

– Но он же обещал нам на собрании одно ружьё на охотобщество. Зачем же он так. Я с работы отпросился. Сто двадцать километров проехал, не ближний свет. Да ещё зуб замучил. Если бы я знал, разве я поехал бы. Жена со мной приехала, она меня теперь запилит. И какой он тогда начальник и мужик тоже, если слова не держит? Давайте найдём его, разберёмся, – высказал свои мысли Герка.

Зам внимательно смотрел и слушал Герку, что-то соображая. Немного помолчав, он сказал:

– Ладно... Приезжай в обед, я постараюсь что-нибудь придумать, но не обещаю. Сам видишь, сколько народу в магазине. Мне неприятности тоже ни к чему.

Герка вышел на улицу. И тут в зуб так стрельнуло, что он непроизвольно выругался вслух. Две молодые женщины, шедшие по тротуару, оглянулись и прибавили шаг.

– Нет, – подумал Герка. – Это дело надо рвать, и немедленно.

Он сел в «Жигулёнок» и поехал в «стоматологию», которую он видел недалеко от тёщиного дома. При этом вспомнил, что так ещё называл отец спирт, который ему присылала сноха, работавшая зубным врачом.

– Эх, неплохо бы сейчас прополоснуть больной зуб, – подумал Герка. – Жаль, за рулём.

Он остановился у поликлиники и зашёл. Сдал плащ в гардероб. Записался на приём и стал ждать, порой хватаясь за щеку и кряхтя от боли. Вскоре его вызвали. Садясь в кресло, он увидел двух очень молодых женщин в белых халатах и подумал: «А зубодёрки-то

жидковаты будут. Степан, друг-стоматолог, бывший борец, и то ворчал, когда удалял. А эти вдвоём что ли тащить будут?»

Герка хотел встать и уйти. Но было поздно. Женская рука придавила его голову к подголовнику, и он невольно открыл рот.

– Этот? – спросила врач и постучала пинцетом по больному зубу. Отчего Герка, преодолевая боль, издал гортанный звук «Гха-а-а».

– Так. Не закрываем, – сказала врач и, взяв шприц, сделала укол. – Теперь можно закрыть.

Герка сидел и слушал о каких-то не понятных событиях, произошедших с кем-то и где-то, которые обсуждали врач с медсестрой. Ему было ни до чего. Ему хотелось, чтобы всё это быстрее кончилось, как неприятный сон. Он языком трогал щёку и губу. Укол действовал слабо.

Врач, взяв инструмент, направилась к нему. Медсестра ловко прижала его голову руками к креслу.

– Может, вы мне ещё укол сделаете? – попросил Герка. – А то что-то плохо заморозилось.

Обычно друг Степан делал дополнительный укол. Но здесь было другое дело.

– Укол вам сделали, как положено. Открывайте рот, – твёрдым голосом сказала врач.

Герка понял: разговоры бесполезны, и открыл рот.

И тут началось. Герка так вцепился в кресло, что из кабинета его могли выволить, если бы захотели, только вместе с ним. Как ни старалась врач, зуб не поддавался. Герка ревел, как раненый зверь. Он почуял, что зуб разломился на две части. И тут клещи выскользнули из Геркиного рта. Врач плюхнулась на стул и произнесла:

– Давайте сделаем ещё укол.

– Нет, – ревел Герка. – Рви быстрее так, по частям. Сопливых вовремя целуют, – орал он, что называется, ни к селу, ни к городу, очумев от боли.

Когда он с зелёным цветом лица, держась за стену, выползал из кабинета, от дверей, чуть не упав, шарахнулся очередной любопытный клиент. Бабка, подавая ему плащ в гардеробе, смотрела на него округлившимися глазами, приоткрыв рот. Потом, сглотнув слюну, сочувственно произнесла:

– Ну и накормили они тебя, сынок.

Выйдя из здания, Герка подошёл к машине и тяжело плюхнулся на сидение. И ничего-то ему сейчас было не надо. Никаких ружей. Он долго сидел, приходя в себя. Потом вспомнил, зачем приехал в город, и посмотрел на часы. Время до обеда ещё было. Он решил заехать за женой, которую умолял не говорить тёще о покупке ружья. Но когда он появился в квартире, то понял: жена всё доложила маме. Тёща прицелилась в Герку глазами, но ничего не сказала, только сильнее загремела посудой. Жена, прочитав содержание немой сцены, спросила Герку:

– Ну как ты? Удалил? Приляг, – и показала рукой на диван.

Герка вяло махнул рукой и лёг на диван. Он отвернулся к спинке, при этом взглянув на часы. Пригревшись, он успокоился и незаметно задремал. Ему вновь привиделся зубной кабинет. Врач говорила голосом тёщи:

– Чево ещё выдумал. Какое ему ружьё?

Медсестра ответила голосом жены:

– Так я ему тоже говорила. Так за него мамочка его вступилась. Так, говорит, пусть от работы отдохнёт иногда. Он пусть отдохнёт. А я когда отдыхать буду? И работай, и жратву готовь, и стирай, и с детьми. А ему, видишь, отдохнуть надо. Замучился.

– Видишь, и зуб больной ево не остановил, – добавила врач голосом тёщи и взяла пассатижи.

Герка вскрикнул:

– Нет, – мгновенно проснувшись, вскочил с дивана.

– Ты чо? – спросила жена, входя в комнату. – Болит?

– Ничего. Нормально. Пройдёт. Время сколько? – спросил Герка и сам взглянул на часы. – Давай собирайся и поехали.

– Куда? – спросила жена.

– В магазин. А потом домой, – сказал Герка, внимательно смотря на жену.

– А может... – начала жена.

– Никаких «а». И никаких «может», – твёрдо сказал Герка.

Когда они приехали в областное охотобщество, зам начальника провёл Герку в магазин с чёрного хода.

– Ну-ка покажи. Что я тебе говорил, – сказал он продавцу.

Тот взял упаковку и вынул из неё ружьё с вертикальным расположением стволов ИЖ-27.

– Вот, смотрите. Если устраивает. Берите, – сказал зам начальника.

Герка взял, собрал ружьё и начал рассматривать. В его руках холодным бездушным светом поблескивало красивое оружие. И что-то в нём было не то. Что-то в нём было непривычное. Не чувствовал он в нём энергию рук мастеров. Энергию отцовских рук, которая так исходила от старенькой любимой тулки.

– Ладно, беру, – сказал Герка, разбирая и складывая ружьё.

– Это тебе награда за вырванный зуб. Болью и кровью покупка досталась. Памятное ружьё-то будет, – такими словами встретила его жена, когда Герка садился в машину.

Герка промолчал, а про себя подумал:

– Ничего-то ты, женщина, в мужских делах не понимаешь. Сыновья растут. Может, тоже к охоте приобщатся. Глядишь, природу познают и полюбят.

КАРАБИН

Герка проснулся не рано, в общем, как обычно, где-то в половине седьмого. Впереди на этой неделе вообще три дня у него были свободными. В общем, на работу идти было не надо. Решение пришло к нему как-то сразу и неожиданно. Он закусил. Нашёл тряпичный самодельный чехол из-под удочек, который

заботливо сшила ему жена. Взял из заглашника припрятанные деньги. Сунул в карман паспорт и объявил семейству:

– Мне это. Надо в Тулу съездить.

Жена удивлённо взглянула на Герку. Она, правда, привыкла, к его, как она говорила, заскокам и промолчала. Она знала, зачем ему надо в Тулу. Она хорошо помнила его предыдущую неудачную поездку. Тогда он вернулся сильно расстроенный. От него тогда заметно пахло спиртным.

Старший сын, который был тяжёлым на подъём и подолгу раздумывал над решением какого-то вопроса, услышав от отца о поездке, сказал:

– Ну, ты, батя, даёшь! Словно в соседнее село собрался.

– Ладно, я постараюсь быстро. Туда и обратно, – сказал Герка и вышел из дома.

Придя на автовокзал, он узнал, что билетов на ближайшие автобусы до Ульяновска нет. Увидев подъехавший проходящий автобус на Саранск, он решил ехать туда. А там на поезд и в столицу. Он быстро купил билет и сел на своё место. Автобус тронулся, и Герка погрузился в воспоминания и размышления.

Свою страну Герка представлял как большой корабль. И этот огромный корабль на его глазах начинал довольно быстро разворачиваться и двигаться в другом направлении. В каком, Герка, как и многие другие люди, не особо представлял. Ему также казалось, что и те, кто стоял у руля, не имели достаточных знаний и умения, чтобы управлять этой огромной и сложной машиной. Кто-то говорил, что введут элементы капитализма. А те, кто раньше призывал идти вперёд к победе коммунизма, теперь уже призывали идти к победе капитализма. Хотя ни хрена хорошо не разбирались ни в том и ни в другом, но изо всех сил рвались к власти, и любыми путями хотели влезть в историю. Теперь и на охоте, заметил Герка, друзья частенько заговаривали о политике. Хотя и не только о ней.

– Слушайте, а вы не видели, у Бороды (так называли между собой одного охотника) армейский карабин СКС появился? – спросил кто-то в Геркиной бригаде охотников.

– Да ладно. Откуда? – не поверили ему.

– Оттуда. С Тулы, прямо с завода. Старые запасы продавать потихоньку начали.

– Это ему братья Кораблёвы через какого-то знакомого генерала из Москвы помогли.

– Так, наверно, разрешение на него надо?

– Конечно. В области самый главный начальник милиции этим ведаёт.

И распалило всё это Геркину душу не на шутку. Тогда он и задумал:

– Куплю. Это что же теперь, кто-то лося будет за триста метров колотить, а ты поглядывай. Нет, так не пойдёт.

И он начал узнавать, что и как. Встретился как-то с Бородой на охоте. Посмотрел карабин. Подержал в руках. Когда-то в школе и после неё он стрелял из него. «Машина», конечно, была неплохая. Не зря же конструктору Героя соцтруда дали. И цена оказалась небольшой. Поговорили. Герка расспросил и понял: можно купить. Встретился с братьями Кораблёвыми. Он знал их и раньше. Обещали помочь.

– Если дадут разрешение, то позвони. Телефоны дадим, – заверили они.

И вот Герка в областном Управлении внутренних дел. С кучей бумаг в приёмной. Самого начальника нет. Секретарь записала к первому заму. Когда Герка вошёл в кабинет, то сразу узнал бывшего работника обкома Комсомола. Это его немного успокоило. Посмотрев бумаги, тот сказал:

– Ну что, Георгий Александрович? С бумагами у вас всё в порядке. Хотелось бы, чтобы оружие попало в хорошие руки. А как вы считаете, нужен карабин в нашей местности?

Герка решил ответить честно:

– Нет, конечно. В Сибири – другое дело.

– А зачем же вы решили купить? – спросил зам, внимательно смотря на него.

– Зачем? Какое-то неравенство получается среди охотников. Я вообще-то за то, чтобы у человека преимущества над зверем было поменьше. Тогда и природа сохранней будет. Вот если охота тебе и очень надо, тогда иди и добудь зверя. А то охота с разной техникой потихоньку в развлечение превратится, – высказал своё мнение Герка.

– Понятно, – сказал зам, подписывая разрешение. – Печать у секретаря поставите. Я дам распоряжение, чтобы в Тулу сообщили. Ну, давайте, как там у вас – «ни пуха, ни пера».

Герка возвращался домой, не веря в то, что так легко и быстро всё получилось. Из дома он позвонил братьям Кораблёвым. Один из них, Николай, сказал:

– Вот и хорошо. У нас знакомые из Ульяновска на машине тоже за карабинами едут, они тебя и захватят.

Такого Герка и не ожидал. Складывалось всё так здорово. Он был в отпуске и мог ехать в любое время.

За ним заехали где-то после обеда. Это был уазик «буханка», многое, наверно, повидавший за своё время. За рулём сидел молодой парень в солдатской форме, рядом с ним тоже солдат. Когда открылась дверь в салон, Герка увидел двух молодых мужчин в военной форме с офицерскими погонами. Один, что чуть постарше, был капитан, второй лейтенант.

– Проходи. Садись, – сказал капитан. – Будем знакомы, – и протянул руку. – Я Николай. Зампотех десантной дивизии. А это мой товарищ – Александр.

Герка пожал руки и тоже назвал себя, и добавил:

– Что-то мы, мужики, поздно вато выезжаем. Это мы так до Тулы только утром доберёмся.

– Так нам так и надо. С утра дела обломаем. Карабины получим и назад. Видишь, у нас два гвардейца. За рулём меняться будут. А мы подремлем. Дело привычное, – сказал Николай, когда машина начала отсчитывать километры.

За разговорами незаметно летело время, и оставались позади летние пейзажи русской красавицы-природы с нашедшими в ней

свою жизнь поселениями. На западе, куда они держали путь, вспыхнул и отгорел закат. Наступили сумерки, а затем надвинулась ночь. Спутники Георгия начали клевать носами. Герку не покидало какое-то беспокойство. Он смотрел на молоденьких солдат-водителей и думал:

– Уснут за рулём, как пить дать, уснут. А уж к утру сто процентов.

Он пересел ближе к водителям. Хорошо, что перегородки между салоном и водителями не было. Герка вначале разговорами подбадривал водителя, не давая ему заснуть за рулём, и чтобы тот не выехал на встречу или не нырнул в глубокий кювет. Потом это перестало помогать, и тогда он сильно толкал водителя в плечо. А порой сам хватал руль, удерживая машину в нужном направлении. Наконец Герка устав, заорал матом на водителя, требуя остановить автомобиль. От его крика все проснулись.

– Что случилось? – спросил капитан.

– Пока ничего, – ответил Герка. – Но может. Давайте встанем и немного вздремнём. Нельзя так ехать. Спим ведь все.

Капитан насел на солдат:

– Вы какого хрена? Я зачем вас двоих взял? Спать што ли за рулём?

– Пойми, капитан. Ночь – она есть ночь. Она для сна дана. А они, я смотрю, молодые ещё, зелёные. Пусть отдохнут немного, – убеждал его Герка.

– Так. Сели и поехали. И чтобы у меня не спать за рулём, – строго изрёк капитан, не обращая внимания на Геркины слова.

Как доехали до Тулы, только одному богу было ведомо да Герке, который не спал всю ночь и вместе с солдатами управлял машиной. Но каково было его огорчение, когда, приехав на место, он узнал, что подтверждение на его разрешение не пришло на Тульский оружейный завод. Вот тогда он и достал бутылку, которую вёз из дома, чтобы обмыть покупку, и выпил рюмочку, чтобы снять невероятную усталость и нервное напряжение. Про себя он ругал тех, кто не выслал подтверждения. Ругал он и себя за

то, что так наивно поверил в то, что всё будет выполнено, как положено. Он совсем забыл, что у русского народа разгильдяйство – частая болезнь.

Почти всю обратную дорогу Герка проспал. Просыпался он только для того, чтобы вновь принять немного «снотворного» и перекусить.

– Мужчина! – услышал Герка голос водителя, приоткрыл глаза и прервал вереницу своих мыслей. – Всё. Автобус дальше не пойдёт. Автовокзал. Конечная.

Он вышел из автобуса и направился на железнодорожный вокзал. Там его ждала неудача. Билетов на Москву не было. Он вновь вернулся на автовокзал и взял билет до Рузаевки – крупного железнодорожного узла. Автобус набился битком. Проходы завалили мешками и рюкзаками. Салон гудел от разговоров. Слышалась мордовская речь, перемешиваясь с русским языком. Народ жил своей простой жизнью, которая состояла из вечных забот и хлопот.

В Рузаевке Герка без всяких проблем и очереди взял билет до Москвы. Через час он, покачиваясь в такт с вагоном, пытался заснуть на верхней полке. Всю ночь он ворочался в тяжёлой дрёме, невольно вслушиваясь то в ускоряющийся, то в замедляющийся стук вагонных колёс. Он понял, что отвык от таких поездок. И вот рано утром по вагону торжественно зазвучало:

– Поезд прибывает в столицу нашей Родины Москву!

На вокзале Герка кинулся к телефону-автомату и позвонил школьному другу. Тот ворочал в Москве какими-то делами и часто бывал в Туле. Но тот разочаровал Герку: во-первых, он не узнал его, во-вторых, сказал, что только вернулся из Тулы. Приглашал Герку в гости.

– Нет, – сказал Герка. – Если только на обратном пути, и то не обещаю.

Герка взял билет на электричку и вскоре катил в Тулу. Подмосковные поезда уже жили в это время немного другой жизнью. К спящим, дремлющим, читающим, вяжущим, играющим

в карты пассажирам бурно примешались и те, кто торговал и просил подаяние.

– Семечки, жареные семечки, – врывалось в вагон с открывающейся дверью тамбура.

– Пирожки, горячие пирожки.

– Соки, лимонад, сладости.

– Подайте Христа ради!

Для Герки это было немного необычно. Его как сельского жителя даже немного раздражала эта назойливость. Если горожанин не обращает на это никакого внимания, то сельчанин внимательно всматривается в лица окружающих и ищет знакомых, и от этого сильно устаёт. Геркино внимание в вагоне привлекли двое мужчин средних лет. Что-то в них было своё, знакомое и сразу располагало к себе. А когда они стали переставлять коробку знакомой формы, то сразу понял. Это охотники и везут, наверное, ружьё на ремонт на завод. И когда он пересел к ним и разговорился, оказалось всё точно, как он думал.

– Мы вот купили прямо с завода. Пятизарядка, с затвором что-то, клинить начал, – сказал один из них.

– Я тоже на завод, за покупкой, – пояснил Герка. – Если не возражаете, я с вами. А то я не знаю, как по городу до завода добираться.

Они втроём доехали до Тулы. Сели у вокзала на городской автобус и доехали до оружейного завода. На вокзале и в автобусе Герка почему-то отметил про себя, что вокруг было много красивых девушек и женщин.

«Вроде бы не Иваново, а смотри-ка, есть где мужикам поохотиться», – подумал он и улыбнулся.

Они вышли из автобуса и направились к проходной завода. Один из мужиков сказал Герке:

– Ладно. Давай. Удачи. Теперь уж сам.

Герка по телефону-автомату позвонил по данному ему когда-то номеру. Через некоторое время к его большому удивлению вышла молодая девушка. А пока он ждал, к нему с расспросами стал

приставать какой-то мужчина немного помятого вида, со свежим запахом спиртного. Откуда приехал? Зачем? Может, надо чем помочь? Потом, сделав загадочный вид, иносказательно предложил:

– Могу клушку с цыплятами достать.

Герка, как будто не поняв, ответил:

– У меня дома и петух, и куры, и цыплята есть. Спасибо.

Вышедшая с завода девушка подошла к Герке и спросила:

– Это вы звонили? Давайте документы. Я сейчас выпишу вам пропуск. Ждите.

Мужик больше уже не подходил к Герке и отошёл в сторону.

Пройдя на завод, Герка сбился со счёта, сколько пришлось пройти ему кабинетов. Наверно, около десяти, как ему показалось. И во всех кто-то что-то писал в документах и расписывался. И вот, наконец, он на складе. Пожилая женщина-кладовщица, взглянув в бумаги, куда-то позвонила. Затем она принесла упакованный в промасленную бумагу карабин. А потом рядом с ним положила три деревянных разделочных кухонных доски. Герка расписался и, взяв карабин, отправился к выходу.

– Сынок, доски тоже возьми, – остановила она Герку.

– Так зачем мне они? – не понял он.

– Не знаю. Всем выписывают, – сказала женщина простодушно.

– Да нет. Что я их, за тысячу километров домой попру что ли? Нет уж, спасибо, – сказал Герка, выходя со склада.

– Господи, да што мне с ними делать? Никто не берёт, – услышал Герка её голос.

Выйдя с завода, он упаковал карабин в чехол от удочек и стал обдумывать, как добраться до железнодорожного вокзала. Вдруг за спиной услышал голос:

– Чо, земляк, в Москву?

Герка узнал мужчину, который вместе с ним оформлял документы на оружие и, как слышал он, был с Волгограда. Раз тоже с Волги, значит земляк.

– Поехали, я на КамАЗе тоже в Москву. До первого метро подброшу. Пошли, садись.

В общем, Герке повезло. Они доехали до Москвы, при этом вдоволь наговорились. Что же, охотники. Родственные души.

Герка вышел у метро. Спустился в подземку. Метро жило своей обычной жизнью. Всё было по-старому. Много спешащих куда-то людей. Двигались от перрона поезда. Герке надо было добраться до Казанского вокзала, и он посмотрел схему. Как только он оказался на московской земле, одна мысль не покидала его. Она так и крутилась в голове: остановят его со свёртком или нет?

В свёртке опытный глаз мог без особого напряжения угадать, что он несёт. Но он ехал. Делал пересадки. А на него никто не обращал внимания. И вот он у Казанского вокзала. Герке бросилось в глаза, что вокруг появилась лёгкая металлическая изгородь. В ней был проход к центральному входу. В проходе стоял милиционер в офицерской форме. Герке ничего не оставалось, как смело идти вперёд. Он уже прошёл метров двадцать, когда услышал голоса людей, идущих ему навстречу:

– Мужчина, вас милиционер там зовёт.

Герка остановился и обернулся, чтобы убедиться. Точно. Так оно и есть. Герка показал вначале рукой себе на грудь, а потом на милиционера и спросил:

– Кого? Меня?

Тот утвердительно закивал головой и поманил Герку рукой.

Когда Герка подошёл, милиционер спросил:

– Чего везём?

– А вы как думаете? – спросил Герка в свою очередь.

– Я думаю, оружие, – сказал милиционер.

– Так точно, угадали, – ответил Герка.

Милиционер по рации вызвал наряд. И вот Герка в отделении. На него с любопытством смотрели несколько милиционеров, пока начальник проверял его паспорт и документы на карабин. Потом карабин пошёл по рукам.

– Смотри-ка, карабины стали продавать для охоты, – сказал начальник отделения.

– Так он же боевой, – сказал кто-то. – И год выпуска на нём 1953-й.

– Да нет. На нём там ОП выбито. И в документе написано охотничье-промысловый, – сказал начальник.

– Слушай, мужчина, – спросил кто-то из милиционеров. – И не боишься? По голове стукнут, и ни оружия, ни тебя. Видишь, сколько у нас молодёжи в отделении задержано.

– Так вы меня это, на вокзал доставьте. Билет мне купить помогите и в поезд посадите, – сказал Герка, решив воспользоваться моментом.

– Ну, товарищ, ты хитёр. Нет уж, сам добирайся, – сказал начальник, улыбаясь.

Герка, добравшись до вокзала, купил билет. Зашёл в вагон. Нашёл своё место. Рядом с ним оказалась молодая мама с двумя маленькими детьми и бабушка.

Герка попросил положить свой свёрток к ним в багаж под сидение. Расспросил, куда едут. И остался доволен, узнав, что едут они дальше, чем он. Присев на боковое сидение, он почувствовал, что как будто выбрался из-под туши убитого медведя, не меньше. Такой груз навалился на него за эти два дня. Вдруг он почувствовал, как у него начала разбалчиваться голова. Лекарства у него не было. Надо было снять напряжение и расширить сосуды. Убедившись, что попутчики никуда не уйдут, он направился в вагон-ресторан. Там, кроме работников, никого не было. Он заказал сто пятьдесят граммов водки и немного закусить. В два приёма он выпил водку и закусил. Посидев, он почувствовал, что головная боль стала исчезать. Он пришёл на своё место. Забрался на верхнюю полку и быстро уснул. В обратный путь двигался тем же маршрутом и вскоре после обеда был уже дома и с гордостью демонстрировал своим домочадцам новое грозное охотничье оружие.

Но когда Герка поехал в область регистрировать карабин, на него свалилась новая неприятность. Оказалось при оформлении в Туле на заводе в документы, в номер, вклеили по ошибке аккуратно в серединочку лишний нолик. Всё, езжай в Тулу за подтверждением. Герка и туда, и сюда. Ринулся по начальству. Просил, да что там, умолял послать запрос на завод. Однако начальство – оно есть начальство, надо показать власть. Но судьба решила сжалиться над Геркой и в этот раз. Он встретил земляка. И всё решилось очень просто.

Теперь при охоте на копытных Герка стал одним из основных добытчиков.

– Его где ни поставь на номер, хоть под Сурным мостом, лось или кабан всё равно на него выйдет, – шутил Сергей. – Карабин, видимо, такой. Приманивает.

В те времена охотой заниматься было можно. Многое было доступно для простого охотника. И транспорт, и припасы, и лицензии. Было выгодно и государству, и охотнику. Можно было, убив лося или кабана, сдать его и получить деньги за мясо. Можно было при сдаче оставлять бригаде двадцать пять процентов мяса от лося и пятьдесят процентов от кабана. Остальное государству. Были разные поощрения. Тогда давали вместе с товарными лицензиями и спортивные. В этом случае всё мясо доставалось охотникам. Но в один момент всё переменялось. Все лицензии стали платные. Причём относительно дорогие. А ещё машины. Бензин. Короче, охота стала для богатых. И жена заявила Герке:

– Всё. Никакой охоты. Я тебе и мяса куплю, хочешь, нажарю или напарю, и сто грамм налью, но деньги расходовать на охоту не будешь. Богач мне нашёлся.

– А... – раскрыл рот Герка.

– Никаких «а» и никаких «б», – отрезала жена. – Вон за зайцами и утками будешь бегать, и всё.

Герка частенько вынимал карабин из сейфа. Чистил и смазывал его. Порой прицеливался и, вдохнув, прятал снова в сейф. Как-то к нему подкатили друзья и стали уговаривать продать карабин. Жена

крутилась рядом и поддакивала. Герка вначале сопротивлялся. Но когда на столе появилась бутылка коньяка и выпили по рюмочке, он не устоял. Махнул рукой и продал карабин совсем недорого. Потом иногда сожалел об этом. Он ведь с детства любил оружие. Немного успокаивало его то, что на эти деньги они купили жене неплохое пальто.

КАПКАН

Они крутнулись по лесу и поняли: лось в этом квартале. Они, как говорят, обрезали участок леса по лесным дорогам. Заходной след был, а выходного не было. Замкнув кольцо, машина остановилась у заходного следа.

– Так. Ну чо, Иваныч? Готовь коньяк. А ты говорил, што никакого зверя здесь нет. Счас номера расставим. А кто у нас в загон пойдёт, тот здесь на заходном останется и минут через двадцать по следу двинет, – сказал Николай.

– А можно я в загон пойду? – спросил Иваныч.

– Не заблудишься? – спросил Николай. – Ты только с собой коньяк не бери, а то мы тебя потом не найдём.

Иваныч молча взял ружьё, вылез из машины и встал у заходного следа. Он взглянул на часы, засекая время. Уазик, выбросив из выхлопной трубы сизый газ, укатил по заснеженной лесной дороге. Иваныч вынул из-за пазухи куртки солдатскую фляжку. Он отвернул крышку и поднёс фляжку к носу, втянул воздух и невольно закрыл глаза. Во рту появилась слюна, которую он быстро проглотил. На что желудок приятно отреагировал. Иваныч поднёс фляжку к губам и наполнил рот ароматной жидкостью. Подержав коньяк во рту, он медленно отправил его в желудок. Такую процедуру он проделал чисто по-русски, троекратно. Потом достал из кармана плитку шоколада и закусил. Минуты через три его тело начало наполняться приятным теплом. Окружающая природа зимнего леса стала казаться лучше и краше.

Он набирал полные лёгкие прохладного воздуха, смотрел в небо и думал:

– Придумали, не бери с собой.

Перед тем как идти в загон тропить зверя, он повторил процедуру. Шёл он по лесу довольно быстро, держа наготове ружьё и всматриваясь в столпившиеся впереди деревья. Они, как живые существа, расступались при его приближении. А он шёл по лесу, и так ему хотелось увидеть зверя и, конечно, произвести по нему выстрел. Но вдруг он даже не понял, что произошло. Что-то лязгнуло, сильно ударило по левой ноге и крепко схватило её. Падая, он выставил руки вперёд и выпустил ружьё, и оно далеко улетело от него. Слетела с головы и шапка. Выскользнула из-за пазухи фляжка. Куда-то с одной руки делась варежка. Иваныч зарылся головой в неглубокий снег. Когда он поднял голову, то с разгорячённого лица стали скатываться комочки снега и капельки воды. Он мотнул головой.

– Ни хрена себе. Здравствуй, жопа, новый год, – произнёс Иваныч вслух, пытаясь встать, но вновь упал. Его по-прежнему кто-то крепко держал за левую ногу. Изловчившись, он встал на колени, а затем с трудом сел. И тут он увидел огромный, кованый капкан на левой ноге, который надёжно был прикреплён к дереву цепью. Он взялся руками за дуги капкана, крепко удерживающие его ногу, но не мог хотя бы чуть-чуть развести их. Голую руку, держащую железо, вскоре так заломило, что он чуть не взвыл. Он бросил капкан и сунул руку вначале в карман куртки, а затем за пазуху, чтобы согреть. И содрогнулся, не обнаружив там фляжки с коньяком. Он судорожно шарил рукой, на время забыв про боль. Но напрасно. Он осмотрелся вокруг и увидел ружьё, шапку и фляжку. Волоча ногу, с крепко вцепившимся в неё устройством, хотел достать их, но не смог. Не пускала цепь. Тогда он лёг на снег, протягивая к ним то одну, то другую руку, только напрасно. Он вновь взялся за капкан. Дуги держали его ногу в легких унтах мёртвой хваткой. Он решил вынуть ногу из обуви, и снова у него ничего не получилось. Он взялся за цепь, и здесь неудача. Всё

надёжно было скручено болтами с гайками. Теперь он решил встать на ноги и исследовать место, насколько позволяла цепь. Ему нужна была палка для того, чтобы достать хотя бы ружьё. А достав, он начал бы стрелять, чтобы привлечь внимание. Но работал закон подлости. Подходящей палки рядом не было. Вокруг себя он изрыл весь снег до земли. Ну, нет её, и всё тут. И он вдруг в первый раз почувствовал себя в шкуре пойманного зверя и непроизвольно натурально взвыл, а затем и закричал, набрав побольше воздуха:

– Мужики, помогите! Я здесь! Помогите!

Устав кричать, он смолк и прислушался. Но, кроме звуков зимнего леса, ничего не услышал. Он вновь, что есть силы, закричал. И вот через некоторое время он услышал выстрелы. И он понял, что криком спугнул лося. Что кто-то из охотников на номере стрелял в него. И если убили, то будут разделывать. Пока разделывают, о нём, пожалуй, и не вспомнят. Только уж потом. А вот будут его искать? Вопрос. Он отгонял от себя эту мысль. Должны, думал он. А если не убили, тогда что? Новый загон устроят или его ждать будут.

– Что же делать? Так и замёрзнуть можно, – изрёк он свои мысли вслух.

Ему ответила лесная тишина...

ПУТЬ ОХОТОВЕДА

Попросил я как-то Сергея Николаевича дать мне материал про охоту. Что хочу, мол, написать в художественной форме. Ну, и так далее. И вот я получил несколько отпечатанных листов. Написано это было, как я понял, для солидного охотничьего журнала. Много там профессионального, а у меня книга-то художественная. Но, читая, я нашёл для себя хорошую художественную зарисовку, которую хочу привести, можно сказать, дословно. Вот послушайте, что он пишет.

«С упоением погрузился я в охоту и посвящал ей всё своё время. С гончими охотились вместе с егерем, объединяя своих собак в общую стаю. От голосов хорошо сгоненных, паратых выжлецов и выжловков ревели окрестные леса. Собаки гоняли весь день и возвращались домой в полной темноте. На пути к дому часто ложились, поглядывая на еле плетущихся хозяев».

Все, кто занимался охотой с гончими, сразу же представили, наверно, себе эту картину. Зазвучал в памяти голос любимой гончей, и так захотелось на охоту, просто сил нет.

Далее он пишет.

«В связи со сменой места работы, когда я стал руководить заказником, от гончих пришлось отказаться. И тогда я занялся лайками. На всю жизнь остались воспоминания о западно-сибирской лайке с рыжим окрасом по кличке Тайга. Потом были и другие, но эта была – талант.

В процессе охоты появляются друзья. Можно сказать, родственные души. Иногда познакомишься с человеком, и кажется: знаком уже тысячу лет. Одному охотнику я как-то сказал, что мы, мол, друзья с тобой старинные, на что он вдруг ответил: «Да какие мы старинные друзья, когда ещё ни одной собаки вместе не схоронили». Вот тогда я впервые услышал, что в охотничьей дружбе есть такие немного странные измерения.

Давно нет уж у меня так полюбившейся мне рыжей лайки Тайги, но до сих пор появляется она у меня иногда перед глазами. Иной раз, когда стою на номере при облавной охоте, кажется мне, что зашуршит камыш, и вслед за кабаном со звонким лаем выбежит рыжая Тайга. Прогремит удачный выстрел. Закружится вокруг добытого зверя моя красавица лайка. Потом, виляя хвостом, подбежит ко мне, и всё вернётся туда, назад, в те счастливые для нас дни».

Ещё, что я нашёл в статье, это стихи. Я знал, что Сергей Николаевич когда-то любил фотографировать и вместе с ружьём он носил и фоторужьё. Но чтобы стихи! Это было очень здорово. А вот какие они, судите сами.

Ночью выпала пороша,
На опушке – в сказку дверь.
На засыпанной дорожке
Что ни след, то сразу зверь.

На бугре в глухой дремоте
Сосны выстроились в ряд,
А за ними на болоте
Лоси чёрные стоят.

Тростники сплошной стеною
Скроют лёжки кабанов.
Лай собак над тишиною
Разорвёт покой их снов.

И опять пошла охота:
Лава, Светлые, Кресты...
То бугор, а то болото,
Ветки виснут от кухты.

Лось – налево, лось – направо,
Кабаны прошли тропой.
Мы лося возьмём под Лавой,
Кабана – под Слободой.

По привычке будет рано
Прерываться краткий сон:
Собираться мне не надо,
Кончен краткий тот сезон.

Будет сниться мне ночами,
Как прицеливаюсь я,
Кабанов в кустах встречаю,
На бегу валю лося.

Вот такие сроки я нашёл у человека, который с юных лет полюбил охоту, и она стала его профессией на всю жизнь.

ЛОСЬ

Как им взбрело в голову, сказать трудно. Молодые взрослые мужики, а вот надо же. Убили они как-то лося в районе Пичерок, недалеко от дороги. Разделали. Мясо погрузили. А шкуру – но это, сто пудов, Вовка. Это он, наверно, придумал. Шкуры-то раньше принимали, а потом перестали. Вот Вовка и начал прилаживать её на молодое согнутое деревце. Ноги из палок приладил. Отошёл к дороге посмотреть. Издали, если хорошо присмотреться, среди кустов опытным глазом охотника можно приметить силуэт лося, только без головы.

– Нет, – сказал Вовка. – Так не пойдёт, голова нужна.

И лени ему не было. Вернулся и приделал к дереву голову лося. И снова вышел на дорогу. Посмотрел и довольным голосом сказал:

– Вот теперь другое дело!

– И зачем это ты трудился? – спросил его кто-то.

– Да пусть. Может, кто и поохотится, – улыбаясь, сказал Вовка.

– Ну, не знай. Я что-то сильно сомневаюсь. Ладно, садитесь, пора домой ехать, – сказал Николай, садясь в машину.

В машине они ещё немного пошутили по этому поводу и сразу же забыли. Но через несколько дней вспомнили. К ним подошёл Виктор Егорович. Человек всем известный и уважаемый. Он был давнишний охотник. Были у него гончие и, надо сказать, неплохие. По выходным зимой он любил с сыном поохотиться на зайцев. А так как он не курил, то, стоя на номере, любил побаловаться конфеточками. После него на этом месте оставалось много фантиков. Охотники, видя это, с улыбкой говорили:

– Ну вот, Егорыч опять место застолбил.

Виктор Егорович обратился к Николаю, «главному охотнику», как того многие называли:

– Послушай, Николай Александрович, мне с области лицензию дали на лося. Ну, за то, что я помогаю тут охотобществу. Надо бы мне помочь отстрелять его.

– Давай, Егорыч. Поможем. Мы из бригады мужиков возьмём и съездим на выходных, – сказал Николай.

Узнав об этом, Вовка вызвался первым помочь Егорычу и сам заехал за ним на своём уазике. Потом он заехал за Николаем и другими охотниками. Николай взял с собой служебный карабин. Егорыч, увидев это, немного грустно сказал:

– С такой пушкой и стрельнуть по лосю мне не дадите.

– Ничего, Егорыч, может, тебе повезёт. Он, может, рядом побежит, где ты стоять будешь. А может, ещё лучше. Мы едем, а он от дороги недалеко стоит. Ты его тогда и шарахнешь, – сказал Вовка, поглядывая на Егорыча.

– Эх. Не плохо бы, Володя, – произнёс Егорыч мечтательно.

Они долго колесили по лесным дорогам, но лося даже следа, как назло, не было. Все внимательно смотрели по сторонам. Вдруг Вовка поехал медленней, а в одном месте совсем почти остановил машину и негромко сказал:

– Егорыч! Лось слева! Прыгай! Стреляй!

Егорыча, несмотря на возраст и его медлительность, из машины как ветром сдуло. Отворив дверь, он на ходу проворно и бесшумно выскользнул на обочину в снег. Вовка тихо-тихо продолжал вести машину. Сзади прогремел вначале один выстрел. Немного погодя второй. Все старались оглянуться назад и посмотреть на происходящее. Неожиданно Николай закричал:

– Вовка, стой! Ты чево?

– Я ничево. Егорыч лося увидел. Выпрыгнул и по лосю палит, – с довольной улыбкой на лице сказал Вовка.

Николай всё понял. Он узнал то место, где Вовка мастерил макет лося. А сегодня специально привёз сюда Егорыча. Николай тоже выпрыгнул из машины. И то, что он увидел, тоже развеселило его. А Егорыч с удивлённым и растерянным видом вновь переломил и перезарядил ружьё. И, сделав несколько шагов вперёд,

вновь выстрелил два раза, но «лось» стоял, как вкопанный. Егорыч вновь перезарядил ружьё и выстрелил.

– Стой! Стой! Егорыч, не стреляй! – кричал Николай, размахивая руками, подбегая к Егорычу.

– Как не стреляй, – не понял тот. – А ты чево не стреляешь?

– Так это не лось, – ответил Николай. – Это кто-то шкуру и башку там на кусты повесил. Я уже в прицел посмотрел, – соврал Николай.

– А я-то сослепу палю. А он всё стоит. Шесть раз отвесил. А он всё стоит, – оправдывался Егорыч.

– Пошли. Поглядим. Сколько ты дыр в шкуре наделал? – сказал Николай, направляясь через кусты. – Ну, вот, ты ещё отлично стреляешь. Шесть выстрелов. Шесть дырок.

– Ладно. Поехали. Надо в настоящего лося стрельнуть, – сказал Егорыч, направляясь к машине.

Настоящего лося они убили. Только не в этот раз, а в другой. И все забыли про курьёзный случай. И, видимо, сделали это специально.

Охота на копытных продолжалась. В этом месте леса кружилась уже другая бригада охотников. Погода была великолепной. Накануне выпала пороша. На снегу свежие следы. Охотники крутнулись. И вот удача. Они объехали участок леса, или, как они говорят, обрезали. Заходные следы есть, а выходного нет. Значит, зверь здесь. Это был лось. Расставились на номера. В загон пошёл самый опытный, самый матёрый охотник. Это был, наверное, самый лучший и удачливый охотник своего времени. Звали его Владимиром Алексеевичем. Какого зверя только он не добывал, невозможно, наверно, сказать. Тигра, это точно. И это только потому, что тигры в наших местах не водятся. Зимний день короткий. Вечерело быстро. Надо было так же быстро завершить загон. Алексеич живо шёл по свежему, горячему следу. Солнце тоже резво спускалось к горизонту, запутываясь в стволах деревьев. Лексеич мягко ступал в снег, держа наготове ружьё. Сколько раз уже в его жизни такое было. Вот так идёшь, а лось

стоит. Порой с первого выстрела он лося прямо в загоне и добывал. И вот впереди прямо по следу что-то Лексеичу показалось. Он с ещё большей осторожностью стал подкрадываться.

– Так, – подумал он. – Ближе нельзя. Можно спугнуть. Пожалуй, я его завалю. Правда, кусты немного мешают. Но ничего. Не впервой.

Он тщательно прицелился и нажал на курок. Грохнул выстрел. Всем своим нутром Лексеич чуял, пуля пошла в цель. Можно сказать, добыча в кармане. И он ждал, когда лось, сделав несколько шагов, упадёт. И тогда он подойдёт и может сделать, если нужно, контрольный выстрел. Он ждал, но лось не падал. Тогда он снова тщательно прицелился и выстрелил. Впереди затрещали сучья. Но вскоре всё смолкло. А лось, в которого он стрелял, стоял, как ни в чём не бывало. И тогда он уяснил: что-то здесь не так. Он пошёл дальше по следу, который привёл его прямо к шкуре на дереве. В шкуре Лексеич насчитал восемь отверстий и подумал:

– Не один я, видно, на него охотился.

Лексеич пошёл дальше по следу и понял, что лось, нюхнув останки собрата, отойдя недалеко от них, лёг на лёжку. Первым выстрелом Лексеич поднял его с лёжки. Второй погнал прочь от опасного места.

Тем временем Виталий стоял на номере и слушал лес. Он внимательно осматривал поляну, вблизи которой стоял, и хорошо слышал первый выстрел. Потом через некоторое время второй. И подумал:

– Ну, Лексеич даёт. Первым уложил. А вторым добил.

Через некоторое время на поляну выбежал лось. Это был молодой бычок. Бежал он на удобном для выстрела расстоянии. Виталий поднял ружьё и прицелился. Оставалось нажать на курок. И тут он вспомнил: «У нас же лицензия-то только одна. Одного Лексеич завалил. А это второй будет. Нельзя», – и опустил ружьё. Лось пробежал мимо, неуклюже переставляя задние ноги.

Спустя некоторое время по следу вышел Лексеич.

– Ну чо? С полем можно поздравить? Добыл сохатого? – спросил Виталий и тут же замолчал, увидев угрюмое лицо Алексеича, который молча прошёл мимо него к машине.

Когда Виталий тоже подошёл к машине, то заметил, как Алексеич налил из бутылки водки и молча выпил. Только окончательно успокоившись, Алексеич рассказал, как было дело.

– Чую я, Колькиной бригады это дело. Молодые мужики. Взбрыкивают порой. Раньше бы за такие дела взгрели бы. Да-а-а... А я тоже хорош. Видно, зрение подводить стало, – сказал Алексеич грустно.

Бригада у них была дружной, и решили об этом никому не говорить. Вначале хотели эту приваду на охотников ликвидировать. Но потом передумали. Пусть, а может, ещё кто попадётся. И что вы думаете? Попались. Бригада лавинских охотников. А у них ружья по тем временам крутые были. Пятизарядки. А они их переделали и увеличили ёмкость магазинов. Так они, говорят, из этой шкуры-манекена дуршлаг сделали. А потом она совсем куда-то исчезла. Но, как видно, память о себе оставила.

ФОТОПОВЕСТЬ

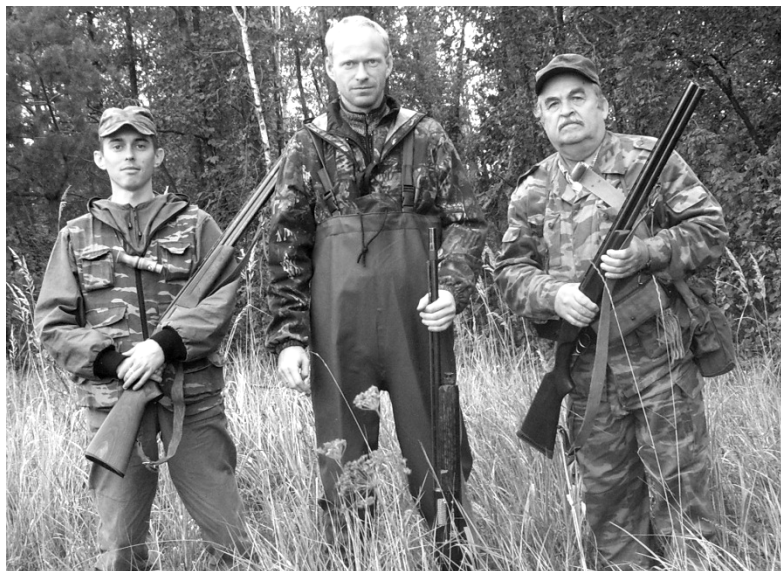

*Когда-то в юности мы этой компанией ходили на охоту.
Виталий Катков, Евгений Порынов, Юрий Порынов,
Валерий Ерёмин, Павел Холодилин.*

Домой с трофеями.

Сергей Альшикин, Алексей Нагамов, В.А. Ерёмин.

Сергей и Владимир Альшикины.

В.А. Ерёмин, С.Н. Спиридонов – охотовед Сурского района.

Охота на гусей с профилями.

Весенняя охота на вальдинепа.

...И снова за гусями.

Умеем не только охотиться, но и заседать!

*Н.А. Ертушов, И.Д. Лычкин, В. Костоломов, В.Ф. Храмов,
Ю.А. Мартынов.*

*На переднем плане А.Н.Фёдоров, далее И.Д. Лычкин,
Н.А. Ертушов, А.Ф. Кувшинников.*

*Собрание Сурского районного охотколлектива.
На переднем плане Н.А. Ертушов – председатель Сурского
охотобщества.*

И.В. Земсков, В.Ф. Храмов, С.Н. Спиридонов на собрании.

А.В. Кочетков, Д.Е. Никашин, В.Н. Катков.

А.А. Никаев, Е.П. Пугачёв, В.А. Свинцов.

В.М. Макаров, П.А. Холодилин, А.А. Шорин.

В.А. Феофанов, С.А. Дроздов, А.Ф. Кувшинников, В.В. Хлюпин.

Н.Т. Гурьянов, Н.И. Савёнков, В.В. Хлюпин.

В.А. Рубейкин – один из лучших старых охотников.

Г.Н. Блинков – егерь заказника.

А.Н. Трузин, Г.Н. Блинков, А. Миронов.

*И снова за утками. Н.Н. Логинов, Н.Д. Логинов,
С.В. Алышкин, С.М. Решетов, В.А. Ерёмин.*

В.А. Петяев, В.И. Карасёв, А.Г. Яковлев, В.М. Мартьянов.

Фаяз, В.Г. Яковлев, В.Ф. Храмов.

*К.С. Кожаяев, А.Ф. Жигарин, В.А. Денисов, Н.Б. Муракаев,
И.В. Земсков.*

П.Е. Пугачёв, Е.П. Пугачёв, И.С. Колесник.

В.А. Феофанов, Е.П. Пугачёв.

Павел Пугачёв.

Е.П. Пугачёв, Ю.А. Мартынов.

Е.П. Пугачёв, В.М. Базунов.

В.А. Свинцов, Е.П. Пугачёв.

СОДЕРЖАНИЕ

Рыбалка

1. Орывок из рассказа «Камешки»
2. Привязал
3. Зелёнка
4. На что взяла?
5. По первому льду
6. И был-то всего один раз
7. А не врёшь
8. Подлёдный лов
9. Рыбка моя
10. Новорожденный
11. Стерлядь

Охота

Геркина охота (повесть)

Здесь еще список названий... сделаю

Рассказы

1. Взять
2. Этот заяц мой...
3. Как-то на весенней охоте
4. Игра
5. Шулюмка
6. Злая собака
7. Кролик
8. Ширшовка
9. Очищение
10. ИЖ-27
11. Карабин
12. Капкан

13. Путь охотоведа
14. Лос
15. Волк
16. Особенности встречи нового года
17. Валеркин омут
18. Лиса
19. Заблудились
20. Тяжёлый день
21. Первый снег
22. Костёр

Фотоповесть

Литературно-художественное издание

ЕРЁМИН Валерий Александрович

О РЫБАЛКЕ И ОХОТЕ НА СУРСКИХ ПРОСТОРАХ

Подписано в печать .2020. Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. . Тираж экз. Заказ .

ИПК «Венец» УлГТУ, 432027, г. Ульяновск, ул. Сев. Венец, 32.